

ДЗЕРЖИНЦЫ

ДЗЕРЖИНЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
Алма-Ата, 1975

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

355.78
Д 43

Дзержинцы (Сборник очерков). Алма-Ата, «Казахстан», 1975.
176 с.

Этот сборник — о выпускниках Высшего пограничного командного училища имени Ф. Э. Дзержинского, о тех из них, кто в трудную для Родины минуту грудью встал на пути врага. Очерки о пограничниках повествуют о людях высокого гражданского долга, о тех, кто продолжает лучшие боевые и трудовые традиции чекистов.

Сборник рассчитан на массового читателя.

Д $\frac{11202-151}{401(07)-75}$ 176—75

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Яркую страницу в боевую летопись чекистов Казахстана, охраняющих рубежи Родины, вписали выпускники Высшего пограничного командного училища КГБ имени Ф. Э. Дзержинского. О некоторых из них рассказывается в предлагаемом читателям сборнике.

Высшее пограничное прошло славный путь и воспитало десятки тысяч верных защитников нашей Отчизны. Они закалялись в ратном труде не только по охране государственной границы, но и в боевых схватках на фронтах Великой Отечественной войны. В суровых условиях Крайнего Севера, в знойных пустынях юга, в лесах и болотах, в тундре, в горах и на равнинах, днем и ночью, в любую погоду исполняют дзержинцы свой священный воинский долг.

Высшее пограничное командное училище имени Ф. Э. Дзержинского — одно из старейших военно-учебных заведений пограничных войск. Оно создано по решению Коммунистической партии и Советского правительства в декабре 1931 года в день 14-й годовщины ВЧК с целью подготовки командных, политических и технических кадров пограничных войск. Первыми его курсантами стали закаленные службой пограничники, представители нашего многонационального государства, прошедшие суровую школу боевой выучки на границе.

В короткие сроки училище стало одним из передовых военно-учебных заведений пограничных войск. За достигнутые успехи в подготовке и переподготовке командиров-пограничников приказом ОГПУ от 28 янва-

ря 1933 года его почетным курсантом стал видный большевик, соратник Ф. Э. Дзержинского, один из крупнейших чекистов и руководителей органов государственной безопасности Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Вся история и боевой путь училища — это пример беззаветного служения его питомцев Коммунистической партии и советскому народу, мужества и стойкости в битвах с врагами Родины, при защите государственных границ. Многие из них участвовали в боях с японскими самураями на Халкин-Голе, в освободительных походах Советской Армии в Западной Белоруссии и на Западной Украине, в Бессарабии и Северной Буковине. В боях с врагами воины в зеленых фуражках покрыли себя неувядаемой славой, ценой своей крови, жизни подтвердив глубокую преданность и горячую любовь к партии и советской Отчизне. Только в предвоенные годы около ста выпускников нашего училища награждены Советским правительством боевыми орденами и медалями, а пятеро из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Список первых выпускников-героев продолжили питомцы училища в годы Великой Отечественной войны. С самого начала, в первые же дни сражений с фашистскими оккупантами большинство выпускников офицеров — автомобилистов и кавалеристов прямо из училища отправились на фронт, в части, беззаветно, мужественно сражаться с врагом. Они с честью вынесли суровые испытания, проявив образцы воинского мастерства, отваги и героизма.

Офицеры, курсанты и солдаты училища как истинные патриоты, беспредельно любящие свою Отчизну, честно и мужественно исполняли свой воинский долг, охраняя тылы советских войск, круглосуточно неся свою нелегкую службу, действуя в разведке, засаде, секрете, полевом карауле, выполняя другие боевые задачи. Действия пограничников были по достоинству оценены Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, который в приказе по фронту объявил училищу благодарность.

Вскоре после этого, по указанию партии и правительства, в целях дальнейшей подготовки офицерских кадров и пополнения ими резервов Советской Армии и войск НКВД училище было выведено из боевых поряд-

ков фронта и направлено в тыл страны, сначала в Ташкент, а затем в Алма-Ату.

Несмотря ни на какие трудности, обусловленные войной, училище того периода, как и всегда, успешно справлялось с главной своей задачей. Только за годы Великой Отечественной войны им было подготовлено и направлено на фронт и на границу немало высокообразованных офицеров.

В боях за Родину прославились питомцы училища генерал-лейтенант Д. Ф. Соболев, успешно командовавший крупным соединением, генерал-майор В. Н. Комаров, ныне генерал-полковник, водивший в атаки против врагов танковое соединение. За успешные боевые действия и умелое командование соединениями, отличившимися в боях с немецко-фашистскими захватчиками, им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Воспитанники училища принимали также активное участие в партизанском движении, руководили отрядами, бригадами и целыми соединениями народных мстителей. Ни днем, ни ночью не давали они врагу покоя, взрывая железнодорожное полотно, мосты, уничтожая немецкие комендатуры и гарнизоны, поджигали склады с оружием и боеприпасами.

Славные традиции старших товарищей по оружию ныне продолжают молодые офицеры, окончившие училище в послевоенные годы. Новую яркую страницу в боевую летопись пограничных войск вписали они в боях на советско-китайской границе. Всей стране известны подвиги советских пограничников на острове Даманском и у озера Жаланашколь. Смертью храбрых погиб в боях с маоистами выпускник училища, политработник, старший лейтенант Лев Константинович Маньковский, навечно зачисленный в списки личного состава Высшего пограничного командного училища КГБ имени Ф. Э. Дзержинского.

В славной плеяде Героев Советского Союза находится и выпускник училища Виталий Дмитриевич Бубенин.

Дорогие читатели! Прочитав эту небольшую книгу, вы познакомитесь лишь с некоторыми боевыми подвигами воспитанников Высшего пограничного командного училища имени Ф. Э. Дзержинского. Но и через судьбы этих немногих вы узнаете о замечательных традициях дзержинцев, о том, как они безгранично

преданы родной Отчизне. За четыре с небольшим десятилетия наше училище подготовило немало верных Коммунистической партии и советскому народу командиров-пограничников, чьи моральные, политические и боевые качества испытывались на полях сражений с врагами нашей Родины. Закаленные в боях и трудностях пограничной службы воспитанники училища с честью выполняли и выполняют возложенные на них партией и правительством задачи.

Училище гордится своими питомцами, которые и в мирное время, и особенно в годы Великой Отечественной войны честным служением Родине вписали яркие и славные страницы в его историю. Примечательно, что 26 наших выпускников удостоены высокого звания Героев Советского Союза, а тысячи и тысячи других отмечены высокими правительственными наградами. Около 50 наших питомцев стали генералами.

За достигнутые успехи в подготовке офицерских кадров пограничных войск в год столетия со дня рождения В. И. Ленина училище награждено юбилейной Грамотой ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Коллектив его и сегодня свято хранит и приумножает лучшие традиции первых своих воспитанников.

Отдавая дань уважения героическим подвигам воспитанников училища, их вкладу в общее дело защиты Родины, авторский коллектив предлагаемого сборника ставил своей целью рассказать о героях-дзержинцах, донести до молодежи страницы героического прошлого, увековечить память тех, кто с честью через всю жизнь пронес знамя великой Ленинской партии — партии коммунистов.

В. Комиссарчук,
начальник политического отдела
Высшего пограничного командного
училища имени Ф. Э. Дзержинского.

ПОДВИГ НА БЕЗЫМЯННОЙ

Не раз лейтенант Дремин вспоминал своих друзей и товарищей по дальневосточному пограничному отряду. Изредка приходили оттуда письма от старого товарища Алеши Махалина, который сообщал своему другу, что успешно закончил школу сержантского состава, теперь командует отделением и все чаще подумывает об учебе в военном училище, чтобы тоже, как и он, Дремин, встать в боевой строй офицеров границы.

И вдруг писем не стало. Никифор Григорьевич стал беспокоиться: не случилось ли что с другом? Проходя мимо казармы, где размещались кандидаты для поступления в училище, Дремин услышал знакомый голос:

— Григорич!

Так звали Дремина только близкие друзья. Он обернулся и не поверил своим глазам: к нему навстречу бежал сияющий, счастливый Махалин. Крепко обнялись земляки — отделенный командир и заместитель начальника пограничной заставы, забросали друг друга вопросами:

— Решил?

— На всю жизнь на границу, Григорич?

— Как ты?

— Прохожу переподготовку на курсах офицерского состава.

— Снова вместе. Надолго ли?

— Программу курса заканчиваем в марте будущего года.

— А я на целых два года сюда. Хотя и далеко до

окончания училища, но если удастся закончить, обязательно попрошусь в родной отряд.

— И я думаю туда вернуться. Вместе и махнем на берега батюшки Тихого океана.

— Хорошо бы на одну заставу попасть,— мечтательно сказал Алексей.

— А что, попробуем?!

Однако военная служба распорядилась по-иному, не свела она больше друзей на восточном участке границы. Как отличника боевой и политической подготовки и бывшего политработника Дремина оставили в училище курсовым офицером. А Алексей Махалин, успешно сдавший приемные экзамены, был зачислен курсантом второй Харьковской пограничной школы ОГПУ. Два друга начали овладевать нелегким делом организации охраны границы, мастерством обучения и воспитания подчиненных, постигать пограничную науку. Но в памяти навсегда осталась первая встреча, связавшая их на всю жизнь.

Произошло это в конце октября 1930 года в Москве, на одном из вокзалов, где формировался состав призывников из подмосковных областей для отправки на Дальний Восток. Два невысоких, крепко сложенных паренька попали в одну команду, а значит и в один вагон. За несколько дней до отправки в дальний путь ребята сдружились, и не случайно в вагоне их места на полке оказались рядом.

Беспрерывной лентой бежали назад перелески, поля, реки, города, селенья. Проехали Волгу, Урал, бескрайнюю Сибирь. Впереди было Забайкалье и другие незнакомые места и дали. Только на тридцатые сутки их состав прибыл во Владивосток.

Новая армейская обстановка, необычные занятия, первые трудности военной службы еще больше сдружили товарищей. Правда, земляки оказались в разных взводах, но в одном эскадроне, командир которого был отличным кавалеристом, мастерски владел шашкой, метко поражал цель из всех видов стрелкового оружия. В беседе с молодыми солдатами часто повторял:

— Не робейте, друзья, граница каждого сделает героем.

И вот теперь, спустя несколько лет как расстались они, военная судьба свела их в стенах пограничной

школы. При каждой встрече в короткие перерывы между занятиями Никифор и Алексей вспоминали все новые и новые подробности солдатских пограничных будней тех лет.

— А помнишь, как на третьем месяце учебы ты отличился на посту? — спрашивал Дремин.

— Как же можно забыть свое боевое крещение,— искренне говорил Махалин.

А дело было так. Махалин стоял тогда на посту по охране склада с боевой техникой. Неожиданно ночную темень прорезал язык пламени. В складе воспламенился горючий материал. Хотя и стоял рядовой Махалин на посту всего лишь второй раз, он быстро принял единственно правильное решение: немедленно сообщить дежурному по части и принять меры к тушению пожара. Однако связь не работала. Махалин загнал патрон в патронник и, как было условлено, сделал два выстрела в ночное небо. Не теряя времени, выломал металлическую решетку, проник в склад и начал тушить пожар. Боевая техника была спасена.

— А ты не забыл того собрания, на котором тебя в партию принимали?

— Такое не забывается,— ответил Дремин.

Пролетели дни курсантской жизни. Много раз Никифор Дремин на правах старшего помогал другу в учебе, советовал, как лучше ухаживать за конем, как подготовить себя к длительным переходам и маршам, что читать, чтобы расширить свой кругозор. Тот усваивал все, что может пригодиться в работе на границе.

На втором году обучения Махалина избрали секретарем комсомольской организации учебной группы. Энергичный, веселый, он пришелся по душе комсомольцам. Командир курсантского дивизиона Руднев и замполит Борисов давали Махалину высокую оценку как будущему офицеру за исполнительность, трудолюбие, умение вести за собой людей.

Быстро пролетели два года в стенах ставшего родным училища. Однако пришла пора расставания.

В выпускной аттестации лейтенанта Махалина записано: «Обладает необходимыми волевыми качествами для выполнения любого задания командования по охране государственной границы в масштабе пограничной заставы. Политически подготовлен отлично, хорошо владеет навыками организатора воспитательной ра-

боты. Достоин назначения на должность заместителя начальника заставы».

В ясный октябрьский день 1935 года на Харьковском вокзале в последний раз обнялись друзья.

— Не судьба, видно, служить вместе,— невесело сказал Алексей.— А как было бы хорошо: ты — начальником заставы, я — замполитом в нашем отряде...

— Кто знает, быть может и в третий раз встретимся,— ответил Никифор.— На Востоке сейчас неспокойно, сам знаешь. Только белокитайцев утихомирили, японцы к границам подбираются. Так что я здесь, по-моему, ненадолго остаюсь А уж если попаду на дальневосточную границу, разыщу тебя, где бы ни служил.

— Спасибо, Григорич! И еще тебе как другу скажу: если придется с врагом схватиться, знай — Алешка Махалин не подведет друзей, не посрамит училище.

— В этом я уверен, Алеша.— Дремин машинально поправил в петлице два кубика.

Скорый поезд Харьков — Москва разлучил боевых друзей после пятилетней совместной службы. Из писем старший лейтенант Дремин знал, что командование пограничного округа удовлетворило просьбу молодого лейтенанта, направило его служить в «свой отряд». Махалина назначили заместителем на заставу.

На дальневосточном участке провокации со стороны японцев становились все чаще. Нередко столкновения пограничников с непрошеными гостями превращались в настоящие бои, где не обходилось без жертв. Как бы между прочим Махалин сообщал, что в одной из таких схваток получил ранение в ногу, отчего она «стала еще крепче». Однако подробно о своем первом бое лейтенант Махалин не написал. Упомянул лишь о том, что надолго запомнит высоту 460,1.

Лишь двадцать девять лет спустя узнал Дремин подробности того дня, прочитав в журнале «Пограничник» очерк «Высота у Хасана, 1937 год». Автору удалось установить, что ряд пограничников, покрывших себя неувядаемой славой на сопке Безымянной, участвовали также в схватке с японцами несколько раньше, в октябре 1937 года. Возглавлял группу отважных выпускник Харьковской пограничной школы лейтенант Алексей Махалин.

Вот что рассказал очевидец событий, бывший начальник заставы Фомичев.

— В ночь с 27 на 28 октября на высоту 460,1 был выслан пограничный наряд во главе с лейтенантом Махалиным. На рассвете два взвода самураев под прикрытием пулеметного огня пошли в наступление. Пограничников было всего шестеро, но они решительно вступили в бой с врагом.

Лейтенант Махалин был ранен в ногу, но поля боя не покинул, продолжал вдохновлять бойцов личным примером. Это было первое боевое крещение Махалина. Он сражался как герой.

Читая журнальный очерк, Дремин не удержался, чтобы не похвалить боевого товарища: «Молодец, Лешка, честное слово, молодец!» Пограничники действительно в те годы «не выходили из боя». А события летом 1938 года на участке отряда развивались так.

15 июля, за две недели до начала хасанских боев, при попытке нарушить советскую границу пограничниками был убит матерый японский разведчик. В другом месте границы японо-маньчжуры повалили советский пограничный столб, оборвали провода связи. Незадолго до вооруженного вторжения агрессоров на советскую территорию местные руководители японской пограничной стражи неоднократно передавали в наш отряд наглое требование: отдать японцам сопку Заозерную, являющуюся «богомольной».

Послания носили угрожающий тон. Доставлялись они самыми разнообразными способами. Однажды к границе подошла группа маньчжур с белым полотенцем на палке. Приближаясь к границе, они беспрерывно кланялись. Письмо, предъявленное парламентерами (как выяснилось, японцы заставили их пойти к нам под угрозой оружия), содержало уже известное требование отдать Заозерную.

События на Хасане разразились 29 июля, когда японская военщина решилась вероломным нападением проверить крепость советской границы. Это излюбленный прием агрессоров.

Утро выдалось туманное. На японской стороне было необычное оживление: тихий говор, бряцание оружия, скрип телег, удары лопат о камни — видимо, рыли окопы. По полевому телефону Махалин позвонил

на соседнюю сопку Заозерную начальнику заставы лейтенанту Терешкину и доложил обстановку.

— Если полезут, патронов не жалей,— посоветовал Терешкин.

Наблюдательный пункт Махалина помещался на самой вершине сопки. По соседству в окопах расположились десять пограничников. Когда туман рассеялся, они увидели движущиеся на них с трех сторон цепи японцев. Завязался неравный бой. 11 против 120! Но крепко держались чекисты на Безымянной. Вооруженные девятью винтовками, двумя ручными пулеметами, вчерашние парни с Урала и Волги, с Украины и из Москвы отбивали атаку за атакой.

Махалин был спокоен. Напряженность боя вызывала четкую рассудительную строгость в решениях. Неожиданно на рукаве его гимнастерки проступила кровь. Никто из бойцов не видел, что командир ранен. Но Махалин заметил, что ранен и Кувшинов, что гимнастерка Савиных тоже обагрилась кровью. Бойцы продолжали стрелять.

Цепи японцев все плотнее и плотнее окружали высоту. Вот кольцо замкнулось. Тогда Алексей Махалин спокойно приказал: «Ребята, приготовьтесь, пойдем на прорыв». Поднялся во весь рост и повел горсточку бойцов в контратаку против целой роты!

— За Родину!— крикнул лейтенант, и в этот миг вражеская пуля пробила его грудь.

Из одиннадцати, начинавших бой, в строю осталось только шесть, но и они были ранены. Повторив призыв командира «За Родину!», в едином порыве герои пошли в атаку, чтобы выйти из окружения. Враг дрогнул. В это время на склоне сопки появилось подкрепление — на выручку пограничникам спешило подразделение Советской Армии.

Получив сокрушительный удар на Безымянной, японское командование сосредоточило главные усилия против наших позиций на Заозерной. Там развернулись упорные многодневные бои. Характер сражений у озера Хасан перерос «пограничный инцидент», и тогда советское командование перешло к решительным действиям. Танковые атаки и маневренное движение пехотных частей охладили горячие головы японских вояк.

Миллионы рабочих, крестьян и интеллегентов, возмущенных наглыми провокациями японских захватчиков, требовали направить их на Дальний Восток. В числе первых в Харьковской пограничной школе подал рапорт с просьбой направить на границу капитан Дремин. Однако командование не удовлетворило его просьбу. Школа работала с предельным напряжением: обстановка на границе требовала тщательной подготовки военных специалистов для укрепления пограничных войск.

11 августа 1938 года боевые действия в районе озера Хасан были прекращены.

Никифор Григорьевич Дремин любовно собрал все, что относится к подвигу его друга Алексея Ефимовича Махалина. Есть у него и газетная вырезка, где говорится, что Указом Президиума Верховного Совета СССР село Новый Кряжим Пензенской области переименовано в село Махалино. В память о герое-чекисте здесь открыт народный исторический музей имени героя. Заведовал музеем бывший боец чапаевской дивизии Георгий Иванович Сорокин. В одном из своих писем ветеран гражданской войны написал об Алексее следующее: «В 1934 и 1935 годах учиться курсантам-пограничникам было особенно трудно. В стране полным ходом шла индустриализация, завершалась коллективизация сельского хозяйства. Курсантский состав почти ежедневно после учебного дня привлекался либо на строительство крупнейшего в стране Харьковского турбогенераторного завода, над которым мы шефствовали, либо в близлежащие колхозы, для проведения политических мероприятий.

Алексей, будучи комсомольским вожаком, успевал везде: учился только на «отлично» и «хорошо», на строительстве завода со своими комсомольцами довел выполнение нормы выработки до 300 процентов, в колхозе был желанным гостем».

Несколько лет назад Алексей Ефимович Махалин навечно был зачислен в семью отряда, в котором довелось служить и совершить свой беспримерный подвиг. Евгению Григорьевичу известно, что из одиннадцати махалинцев пятеро отдали свои жизни в боях у озера Хасан в 1938 году, трое погибли в Великую Отечественную войну, трое здравствуют и поныне.

Установлена мемориальная доска: «На этой заста-

ве служил лейтенант Алексей Махалин, геройски погибший 29 июля 1938 года при защите государственной границы СССР. 9 августа 1948 года застава названа именем Героя Советского Союза Алексея Махалина».

Именем Алексея Махалина названы железнодорожная станция в Приморском крае, улица во Владивостоке, высота Безымянная и один из кораблей тихоокеанского рыболовного флота. Верно говорится в народе: герои не умирают, они всегда в памяти благодарных людей.

Жизнь и подвиг славного героя-пограничника — пример для подрастающего поколения страны Советов. Самоотверженность, честность, выдержка Алексея Махалина и многих других, таких же, как он, являются основными чертами советского воина, защищающего мир и счастье на планете.

ЗАСТАВА УСОВА

На западных рубежах нашей страны, где раскинулись леса, неподалеку от пограничной заставы стоит памятник воинам, погибшим в первые дни войны. Проходя мимо него, местные жители и гости этого края склоняют обнаженные головы. Приезжают сюда и убеленные сединами ветераны Отечественной. Нередко появляются здесь и две женщины, которых почти всегда сопровождает молодой офицер-пограничник. Кто они? Что приводит их сюда, к надгробию героев, когда-то сражавшихся с коварным врагом?

...Воскресный день 22 июня сорок первого года был на исходе. Застава лейтенанта Усова и политрука Шарипова сражалась до последнего патрона, сдерживая натиск фашистов. Только с наступлением сумерек утихла стрельба, и жители соседнего села пришли к заставе. Торопливо, чтобы не видели оккупанты, они схоронили павших воинов. Тогда-то и услышала Франтишка Игнатьевна Августинович чьи-то рыдания, доносившиеся из-под упавшего деревянного забора. Плакал ребенок. Сердце женщины сжалось. Она поспешила к куче досок и увидела девчушку. Та сидела на земле, обхватив ручонками окровавленную ногу.

— Да ведь это Оля, дочь политрука Шарипова!— сказала она подошедшему супругу. И тут же участливо бросилась к ребенку.— Иди ко мне, доченька. Что с тобой? Неужели ранили?

Девочка молчала. Франтишка Игнатьевна бережно взяла ее на руки, принесла домой. Больше недели супруги Августинович не отходили от кровати раненого ребенка. Девочка большей частью молчала, а если плакала, то так, что никто не слышал и не видел.

Чета Августинович удочерила девочку. Они сделали все, чтобы фашисты ничего не узнали о дочери политрука.

А когда гитлеровцев прогнали с нашей земли, Олю нашла ее родная мать, Клавдия Федоровна, и увезла с собой. Однако Оля не могла привыкнуть к новым местам, ее тянуло в родные края, к Августиновичам, дорогим и близким людям. Для нее они стали отцом и матерью, ведь это они вернули ей жизнь, вырастили, воспитали. И Оля возвратилась на заставу. Теперь у нее своя семья. Вместе с супругом-пограничником она со временем узнала подробности о службе своего отца, о том, как сражались чекисты с фашистами в первый день войны.

Застава располагалась в старинном каменном здании с небольшими деревянными пристройками. Накануне войны отряд жил напряженной жизнью: частыми стали провокации на государственной границе. Все более очевидным становился факт активной подготовки гитлеровцев к войне.

— Обстановка сложная,— сказал как-то Усов Шарипову,— нам следует ускорить работы на оборонительных сооружениях. Личному составу надо разъяснить ближайшие задачи.

— Значит, дело за открытым партийным собранием,— ответил тот и, озабоченно покачав головой, добавил: — Много наболевших вопросов следует обсудить. И решать их надо срочно. Решать сообща.

А через несколько дней коммунисты и комсомольцы заставы вели серьезный разговор о повышении бдительности и боевой подготовки. Поэтому, наверное, на рассвете 22 июня, когда воздух и землю потрясли артиллерийские взрывы и автоматные очереди, пограничники в считанные секунды заняли позиции. Четко отдавал распоряжения начальник заставы. Группу резерва возглавил заместитель политрука Стебайло. Чтобы пополнить запасы боеприпасов, к складам отправились старшина и двое рядовых. Сделать это оказалось нелегко. Открытая площадка простреливалась со всех сторон, к тому же вспыхнула ярким факелом небольшая пристройка. Пламя от нее моментально перекинулось на складскую крышу.

— Бегом! Надо выручать боеприпасы!— крикнул старшина, и все трое, не обращая внимания на оскол-

ки снарядов и пули, бросились к пылавшему строению. Открыв дверь, старшина увидел, что потолок и правая стена склада уже охвачены пламенем. Огонь лизал обшивку, распространяясь по всему помещению. Удушливый дым и раскаленный воздух ударили в лицо.

Ящики с патронами и гранатами передавали по цепочке. Старшина был ближе всех к самому пеклу. На нем вспыхнули гимнастерка и галифе, лицо обожгло огнем. В тот же миг вражеский снаряд угодил в соседний сарай. Взрывная волна разметала бойцов. Рухнул склад, но боеприпасы уже находились в безопасном месте. Так же скоро их доставили в траншеи. Неумолимо нарастал шум автоматной стрельбы.

Лейтенант Усов посмотрел на горящее здание заставы, на бойцов, усердно работавших лопатами. Что-то подобное уже было, когда он находился на последнем курсе училища. На одном из учений Усов командовал ротой. Офицер-преподаватель советами и намеками старался помочь выспускнику принять правильное решение. Как и тогда, за траншеями и впереди у них рвались вражеские снаряды. Как и тогда, противник наступал с фронта. Сомнений не оставалось: это война. Нет рядом наставников. Надеяться не на кого. А тут еще — уже знают все — связь с командованием оборвалась в первые же минуты обстрела. Лейтенант выслал разведку и отдал распоряжение восстановить связь с пограничными нарядами.

Неожиданно со стороны шлюза показался красноармеец. Он бежал, часто спотыкаясь и падая. Всмотревшись, лейтенант узнал в нем рядового Кабакова.

— В двухстах метрах движется группа автоматчиков,— доложил он. Иными сведениями Кабаков не располагал.

Между деревьями вскоре показались темно-зеленые каски фашистов. Гитлеровцы шли в полный рост, с закатанными по локоть рукавами. Шли спокойно, уверенные в себе. Их артиллерия перенесла огонь в тыл участка заставы. Дымящиеся развалины не беспокоили оккупантов. Они не сомневались в том, что здесь не осталось живых.

Было отчетливо видно, как шедшие вдруг приостановились, услышав незнакомую фразу:

— По фашистам — огонь!

Ровно застрекотал ручной пулемет Юдичева, заработал «максим», захлопали выстрелы снайперской винтовки Аширова. Оцепеневшая масса серо-зеленых мундиров смешалась и откатилась в беспорядке назад.

Усов скомандовал:

— В атаку! За Родину! Ура!

Он первым выпрыгнул из траншеи. Завязался рукопашный бой. Фашисты не устояли.

Сдерживая дыхание, Усов приказал отойти к траншее и приготовиться к новому бою. К тому же, вернулись бойцы, уходившие в разведку. Младший сержант Полещук доложил, что прорвавшиеся через канал подразделения немецких войск при поддержке танков и бронетранспортеров устремились в глубь участка. Они обходят заставу. Отдельные пограничные наряды уже окружены, однако сопротивляются, сдерживая силы врага.

И все же возбужденные первой схваткой с фашистами пограничники почувствовали уверенность в своих силах, поняли, что способны не только дать отпор вероломному врагу, но и разгромить его. Правда, не обошлось и без потерь: ранены пулеметчик Башорин и еще один пограничник.

Лейтенант задумался: «Сколько еще будет таких атак? Быть может, это крупная провокация?» Его мысли прервал артиллерийский и минометный огонь противника. Снова взметнулись серо-красные фонтаны от разрывов мин и снарядов. Один из них угодил в траншею, но, к счастью, не причинил никакого вреда бойцам.

Едва утих артиллерийский обстрел, гитлеровцы вновь пошли в атаку. Только теперь впереди пехоты двигались танки. Снайпер Аширов открыл огонь по смотровым щелям вражеских машин. Пограничник Баценов подготовил связку гранат и, как только легкая танкетка приблизилась к траншее, бросил ее под гусеницы. Со скрежетом завертелась охваченная огнем стальная машина.

Кто-то из бойцов не удержался, радостно крикнул: «Ура!»

А схватка продолжалась. Все больше выходило из строя людей. Убитого пулеметчика заменил политрук Шарипов, лейтенант Усов залег за станковый пулемет. Гитлеровцы снова не выдержали напряжения боя. На-

чали отступать. Боец Баценов захватил в плен выскочившего из-под подбитой танкетки офицера. Фашист пытался сопротивляться, однако приемом самбо пограничник заставил его подчиниться. Занятия борьбой пригодились недавнему чемпиону среди юношей Казахстана. К тому же он был призером прошедшего первенства пограничных войск по вольной борьбе. Невысокого роста, Баценов обладал недюжинной силой.

И вдруг обнаружилось: гитлеровцы просочились на левом фланге ко второй траншее. Политрук, не мешкая, поднял бойцов в контратаку. Из-за укрытия на него набросились два солдата. Шарипов не растерялся, убил одного, с другим справился подоспевший Вавилов. Кругом шли самые настоящие рукопашные схватки. Казалось, наступила критическая минута. Вот тогда-то Усов и ввел в бой пограничников резерва под командой заместителя политрука Стебайло. С громким «ура!» они обрушились на врага, обратив его в бегство.

Как-то неожиданно наступила минута затишья. Выяснилось, что из строя вышла почти половина бойцов, а большинство оставшихся получили ранения. Дважды делали перевязку лейтенанту Усову, однако он продолжал руководить боем. А сейчас, передохнув, он приступил к допросу пленного фашистского офицера. Тот особенно не упорствовал. Словоохотливо рассказал, что немецкая танковая группировка в эти минуты ведет бой в укрепленном районе в тылу заставы, а для уничтожения пограничников выделен специальный пехотный батальон.

Закончив допрос, начальник заставы приказал Вавилову и Аширову доставить документы и пленного в комендатуру и там рассказать о сложившейся обстановке. Едва скрылись бойцы, как под прикрытием артиллерийского огня фашисты, теперь уже в третий раз, пошли в яростную атаку. Огненный шквал был настолько плотным, что казалось, скрыться от смерти невозможно. Тем не менее, как только гитлеровцы приближались к траншеям пограничников, застава оживала. Почти каждый был ранен, а Усову сделали четвертую перевязку. В неравном бою геройски погиб политрук Александр Шарипов. Не выпустил из рук гашетки пулемета и остался лежать на огневой позиции пулеметчик Башорин. Фашистская пуля сразила коммуниста Стебайло.

Дорогой ценой заплатили фашисты за жизнь бойца Баценова. Израненного, истекающего кровью пограничника фашисты пытались захватить в плен. Он не дался живым врагу, погиб от своей же гранаты, окруженный наседавшими фашистами.

В траншее остались лейтенант Усов и восемь пограничников. Они еще несколько часов отбивали атаки гитлеровцев. Все погибли, никто не отступил ни на шаг. Даже неподвижные тела, оставшиеся в траншеях после боя, внушали страх гитлеровским солдатам. Они осторожно, с опаской обходили стороной чекистов, так и не выпустивших из рук оружия.

Чудо-богатыри в жизни были самыми обыкновенными людьми, со своими слабостями, увлечениями, заботами, мечтами. Тот же Виктор Усов, например, придя в училище, казался неуверенным в себе и даже робким человеком. Не сразу он вошел в курсантскую колею — то опаздывал на занятия, то получал от командира перед строем очередную взбучку за небрежное отношение к солдатскому долгу. Трудно поверить, но был момент, когда о нем, вернее, о его будущем, кто-то из командиров сказал:

— Этому юноше профессия военного человека не по плечу. Из Виктора Усова при всем желании командир не получится. Закваска не та.

Молча выслушал Виктор обидные слова, однако духом не пал, напротив, настойчиво осваивал военное дело. Особенно помог ему командир отделения сибиряк Иван Дворников, внешне неприступный, не скорый на похвалу пограничник-дальневосточник. Внимательно следил он за Усовым, старался помочь ему постичь воинскую науку, разобраться в тактике учебного боя. Курсант не только подтянулся сам, но и стал помогать другим. На втором году обучения их группа вышла в число передовых в училище, а на третьем курсе Виктор был назначен командиром отделения и вывел его в число лучших. После окончания учебы лейтенант Усов уехал на западную границу.

...На том месте, где сражались пограничники в первый день войны,— братская могила. А пограничные наряды заставы носят имя Героя Советского Союза Виктора Михайловича Усова.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

...Рано утром комбат вызвал к себе на КП командира роты капитана Петрова и, раскрыв планшет с крупномасштабной топографической картой, озабоченно сказал:

— В этот хутор,— он показал на отмеченный синим карандашом населенный пункт,— ворвались белофинны. Отсюда они могут ударить нам в тыл. Улавливаете?

— Все понятно,— ответил капитан, разгоняя по ремню складки гимнастерки, будто готовясь встать в строй.— Надо выбить их из этого хутора.

— Надо. Только учтите, трудная это задача...

— Сделаем, обязательно сделаем,— решительно заявил Петров и пояснил, что пограничники из его роты хорошо ходят на лыжах, значит, сумеют пробраться по лесам незамеченными и неожиданно напасть на хутор.

Через час третья рота пятого пограничного полка двинулась в путь. Первым шел капитан. Глубокий снег постоянно проваливался, пробивать лыжню тяжело, но всякий раз как кто-нибудь из красноармейцев просился идти первым, капитан сердито ворчал:

— Да что вы заладили одно и то же? Пробьемся...

— Но и нас нечего срамить,— все же проговорился заместитель командира взвода старший сержант Безгин, человек спортивной закалки. Не раз получал он призы на первенстве дивизии по лыжным гонкам. Не расслышав ответных слов, вихрем вылетел вперед командира роты, с накатом зашагал по поляне.

К вечеру короткого зимнего дня лыжники вышли на опушку соснового бора, прилегавшего к небольшому хутору. Перед ними открылась невзрачная картина: несколько полузанесенных снегом домиков. На взгорке, рассеченном неширокой накатанной дорогой, маячил часовой. Рассчитывать на внезапность не приходилось: лес и хутор разделяла широкая равнина, преодолеть ее незамеченными невозможно.

Капитан подозвал к себе командиров взводов и, указав кивком головы на хутор, спросил:

— Ваше решение?

— Атаковать,— коротко ответил за всех командир

первого взвода.— Пока нас не заметили, надо действовать.

— Тогда — к бою,— распорядился капитан и снял лыжи, давая понять, что атаковать предстоит в пешем порядке.

Через несколько минут пограничники были готовы к бою, все ждали команды.

— Короткими перебежками, направление на хутор, вперед!— отдал приказ командир роты и первым бросился на врага. Со стороны хутора раздались выстрелы. Снег будто закипел от шквального огня противника, однако теперь отряд продвигался вперед где по-пластунски, где короткими перебежками. Пограничники добрались до первого домика и усилили огонь, поддерживая своих товарищей, атакующих дальние дома.

Капитан, разгоряченный боем, вбежал в ближний коттедж со стеклянной верандой и вывел оттуда долговязого солдата. Практически бой уже закончился, решили переговорить с пленным.

— Где ваш полковой штаб?— спросил его капитан Петров.

— Не понимал,— ответил финн, пожимая плечами.

— А это понимал?— капитан поднес к носу белофинна свой еще не остывший автомат.

— Понимал, господин капитан. Штаб там,— пленный теперь отвечал на все вопросы, которые ему задавали.

Как выяснилось, в хутор скоро должны были прибыть резервы противника силой в два батальона. Для роты это было слишком много. Один против шестерых. Петров прекрасно понимал, что такое соотношение сил не сулит ничего хорошего. Он приказал командирам взводов немедленно организовать оборону. За несколько часов были усилены перекрытия блокгаузов, которые финны успели соорудить. Сделали все, чтобы удержаться в хуторе до подхода наших частей. Ночь после трудного перехода и жаркого боя. На рассвете наблюдатели доложили, что в лесу появилась пехота противника с артиллерией и минометами. Занимался новый морозный день.

После короткого артиллерийско-минометного обстрела финны пошли в атаку. Шли во весь рост, лавиной, рассчитывая на безусловный успех. Однако встречный

ураганный огонь сбил спесь с атакующих. Они залегли, пытаясь перехватить инициативу боя. На хутор обрушила огонь артиллерия.

Как только наступила ночь и финны прекратили обстрел хутора, командир роты вызвал командиров взводов, коммунистов и комсомольских вожаков. Укрытие, где они собрались, представляло собой просторную землянку в несколько накатов бревен и грунта: точно так же делались многие укрытия на линии Маннергейма. В тусклом свете восковой свечи, пристроенной на ящике из-под боеприпасов, лица уставших командиров и красноармейцев выглядели суровыми и усталыми. Каждый понимал всю сложность обстановки, вот почему ждали, когда заговорит Петров. А тот не начинал разговора о главном. Расспрашивал командиров взводов о потерях, о настроении бойцов.

— Так вот, друзья,— обратился он к собравшимся.— Мы окружены. Связи нет ни с командиром полка, ни с соседними гарнизонами. Люди устали,— Петров сделал паузу, как бы раздумывая над следующей фразой.

— Так что же, удержимся?— спросил капитан, обращаясь ко всем, и каждый ответил, что ни один из бойцов не покинет своего места до тех пор, пока будет жив.

— Тогда по местам,— Петров встал. Тут же распорядился о боевом охранении, об отдыхе и питании бойцов, а когда командиры разошлись, вызвал связного и спросил его:

— Как ноги, крепкие?

— Не жалуюсь, товарищ капитан,— ответил красноармеец в недоумении.

— Посидите часок, потом разбудите меня и отдохнете сами,— капитан свернулся клубком в уголке землянки и еще раз повторил распоряжение:— Только один час, не выполните — накажу.

Петров заснул моментально. А через час он был уже на ногах. Он сразу же отправился в боевые порядки, переговариваясь с часовыми. Если отдохнут люди— выстоят. Он зашел в первый взвод, блокгауз которого перекрывал самое опасное направление. Командир взвода бодрствовал.

— Ты чего не спишь?— спросил он лейтенанта, присаживаясь на ящик из-под боеприпасов.

— А вы?

— Перекурим?

Лейтенант вынул из кармана полушубка махорку. Но Петров предупредительно остановил его:

— Прошу,— он протянул пачку папирос «Пушки».— Как тут у вас, тихо?

Лейтенант чиркнул спичкой, дал прикурить капитану, ответил:

— Пока тихо. Однако финны не спят. Значит, готовятся.

— И мы готовимся,— капитан обвел взглядом лежавших на земляном полу красноармейцев.— Хорошо бы отоспались ребята.

Только перед рассветом капитан закончил обход. Вновь заговорили вражеская артиллерия и минометы. Сплошной гул потряс землю. Бойцы ждали вражеской атаки, но ее не было. Неожиданно огненный смерч утих. Противник, сделав передышку, вновь начал бить по хутору, однако и на этот раз пехота не пошла на укрепления пограничников.

— Боятся, ученые стали,— усмехнулся капитан, не отрывая глаз от амбразуры.

— Да, видать, ума поприбавилось,— в тон шутке ответил красноармеец, стоявший рядом с командиром.

Приближалась третья ночь, а финны все не решались атаковать позиции пограничников. Все семьдесят человек, оставшихся в живых, напряженно ждали появления противника. Странное дело, не пошли финны в атаку ни на пятый, ни на шестой день. Они методично били по укреплениям роты, а потом пытались, наступая мелкими группами, нащупать брешь в обороне пограничников. Однако ничего не вышло. Больше того, пограничники сами провели, и причем удачно, новую вылазку. Уничтожив расчет орудия, раздобыли продовольствие, оружие и боеприпасы.

Петров понимал, что раз не идет подкрепление, значит, полк ведет бои на других направлениях, и надо продержаться, приковывая к себе силы и внимание врага. Это все, что может сделать его рота.

...Еще будучи курсантом училища Петров не любил оставлять для себя неясных вопросов, не искал легких путей. Даже несложные на первый взгляд тактические занятия по практическому ведению боя, где присутствовали почти игрушечные макеты «красных»

и «синих», занимали его всерьез. Он очень скоро усвоил для себя простую истину: «учебная забава» у самодельного стенда может встретиться в реальной обстановке, когда крошечные танки, орудия или самолеты «оживут», обернутся в свою натуральную величину, станут сеять смерть на земле. Как лучше поступить командиру, отыщет ли он в нужный момент единственно правильное решение?..

Уходил день за днем, финны методично обстреливали хутор, однако атаковать большими силами по-прежнему не решались. Отдельные же наскоки успеха не приносили.

Так длилось двадцать девять дней. Бойцы недоедали, недосыпали, но держали хутор в своих руках.

Утро тридцатого дня выдалось необычным. Финны предъявили ультиматум: «Сдавайтесь или будете уничтожены!» Пограничники ответили: «Большевики никогда не сдаются!»

По хутору ударили орудия большого калибра. Стало очевидным, что финны подтянули новые силы и теперь пытаются уничтожить советских бойцов. От прямых попаданий снарядов рушились блокгаузы, разлетались в щепки блиндажи. Командир роты приказал взять с собой остатки боеприпасов, продовольствия и выдвинуться в открытые окопы. Противник не заметил этого маневра и продолжал обстреливать теперь полуразрушенный опорный пункт.

Наблюдая за лесом, Петров заметил оживление в тылу врага. Финны вели себя что-то уж очень беспокойно. «Неужели наши подходят?» — мелькнула радостная мысль. И действительно вскоре все услышали ружейно-пулеметную стрельбу. По звукам можно было догадаться, что огонь ведется из нашего оружия.

— Слышите, наши! — крикнул Петров бойцам и тут же увидел, как финны стали отступать по направлению к дороге, идущей от хутора. «Задержать, не дать уйти!» — решил капитан и приказал:

— Первый взвод, приготовиться к атаке! Станковые пулеметы, за мной!

Завязалась перестрелка. Ведя огонь, пограничники начали отходить, чтобы увлечь за собой противника. А из тыла все отчетливее доносилась стрельба. Шла подмога. Задача оставалась той же — удержаться, выстоять.

Неожиданно умолк один из пулеметов. Петров увидел окровавленного пулеметчика. Он лежал, уткнувшись в землю. Финны в этот момент бросились на пограничников. Однако пулемет снова ожил: стрелял командир роты.

Со стороны леса раздалось многоголосое «Ура!». На выручку роте спешила долгожданная помощь. Бойцы Петрова тоже поднялись на врага. Скоротечный бой вскоре утих. Первые минуты радости — объятия, смех, улыбки, шутки. Они смолкли, когда обнаружилось, что командира роты не было среди победителей. Он неподвижно лежал у еще не остывшего пулемета, стиснув холодными руками гашетку. Казалось, и мертвым он все еще бил по врагу.

С почестями похоронили бойцы погибшего коммуниста. Капитану Григорию Петровичу Петрову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Не только его последняя боевая операция, вся жизнь чекиста — пример мужества и безграничной любви к родной Отчизне.

НА ОСТРОВЕ ЗАПАДНЫЙ

Вечер выдался спокойный, прохладный. Накаленная за день земля отдавала свое тепло катившемуся из-за Буга потоку свежего ветерка, который осторожно, будто боясь обжечься, обволакивал Западный остров. Ожили уставшие от дневной жары листья деревьев. За Тереспольскими воротами, где возвышались стены Брестской крепости, отчетливо просматривался город, овеянный легендами. Со стороны вала изредка доносились крики часовых и четкие шаги сменяющихся караульных.

За Бугом, где уже не один год хозяйничали фашисты, было сравнительно тихо, лишь иногда слышались треск мотоциклов да свистки маневренного паровоза на проходящей через линию границы железной дороге. Но эта тишина настораживала. Часовые зорко всматривались в ту, чужую сторону.

В одном из домиков у самых Тереспольских ворот открылась дверь. Немного постояв в освещенном ее проеме, капитан Мельников сел на крыльцо и закурил. Он что-то вспомнил и улыбнулся. Вот привык и к тому, что часто бывает с семьей в разлуке, а теперь не верит своему счастью. А ведь уже две недели прошло, как Таня приехала с сыновьями. Шестилетний Борис еще больше стал похож на него, Олег — копия Тани.

Крепко затянувшись папиросой, Мельников задумался. Его детство не было таким счастливым. Отца лишился рано. А в трудные двадцатые годы умерла мать. Что было делать тринадцатилетнему мальчишке? Помогли друзья отца — рабочие железнодорожных мастерских города Омска. Сначала Федор стал учени-

ком слесаря, затем кочегаром на старом маневровом паровозике.

В депо сложился в ту пору дружный комсомольский коллектив. Мельников стал его вожаком. Кто знает, как бы дальше сложилась жизнь? А все началось с того памятного вечера, когда по радио объявили о нападении белокитайцев на советские пограничные заставы. На другой день Федор предстал перед военкомом. Как того и желал, направили служить на дальневосточную границу.

Нелегко давалось пограничное мастерство. Особенно трудно было на учебном пункте. Постепенно Федор втянулся в ритм армейской жизни, свыкся с распорядком дня, воспринимал как должное строгость командиров, которые, как и бойцы, нередко целыми днями не покидали седла, в темные ливневые ночи лежали в секрете, обучая молодых пограничников искусству следопытов и разведчиков. Больше других нравился Мельникову комвзвода — невысокий крепыш с румяными щеками. В каких бы трудных условиях они ни находились, молодой командир всегда был аккуратен, подтянут, никто не видел его усталым. Он гордился тем, что окончил Московскую пехотную школу, почетным курсантом и командиром которой был В. И. Ленин. Естественно, как и остальные, Мельников старался во всем подражать своему старшему товарищу, что, безусловно, помогло ему отлично окончить курсы молодого бойца.

Застава, куда был направлен Мельников, располагалась в старом деревянном здании бывшего казачьего поста, внешне чем-то напоминала домик лесника. Однако первое впечатление рассеялось, как только бойцы вступили за невысокие ворота, где во дворе, четко чеканя шаг, бойцы занимались строевой подготовкой.

Прошло не более месяца, и Мельников вошел в ритм жизни нового коллектива. Помогли знания, полученные на учебном пункте. Конечно, приходилось трудно, иногда одолевала усталость. Но день за днем Федор втягивался в беспокойные будни границы, а вскоре о нем заговорили как о смелом и опытном пограничнике.

Как-то на рассвете, проходя с бойцом Григоренко вдоль пограничной реки, Мельников заметил на плистом берегу глубоко вдавленные следы. «Их двое»,— определил Мельников.

— Я пойду по следу, ты беги на заставу,— сказал он Григоренко,— надо перекрыть им путь к железной дороге.

Таежная жизнь таинственна и непонятна лишь для тех, кто ее не знает. Федору же не однажды приходилось бывать в тайге и с сибиряком Лазаревым, когда разыскивали учебного «нарушителя», и в составе группы бойцов, когда преследовали банду нарушителей, совершивших нападение на соседнее селение. Он внимательно изучил местность. Чувствовалось, враг опытный — и тайгу знает, как свои пять пальцев. Нарушители шли по заросшей, заваленной сучьями, едва приметной тропинке. Мельников продвигался осторожно, изредка останавливался и вслушивался в шорохи леса. Казалось, ничего не выдавало присутствия людей, однако по едва уловимым приметам пограничник определил, что совсем недавно они прошли именно здесь. Вскоре это предположение подтвердили достаточно глубокий след, оставленный на муравейнике, а в другом месте — небольшая веточка, сломанная по неосторожности.

Прошло более часа. Мельников спустился с небольшой сопки. Тропинка вывела его к речке. Стараясь найти отмель, Федор немного прошел вперед по течению. А обнаружив ее и перебравшись на противоположный берег, на вязком илистом грунте вновь увидел четкие следы. Значит, нарушители совсем близко.

«Почему они изменили направление?— задал себе вопрос пограничник.— Что замышляют?»

Внезапно слева раздался выстрел, за ним другой, третий. Обожгло грудь, закружилась голова. Падая, Мельников заметил, как из-под большого кедра выбежали двое с рюкзаками и направились к нему. Превозмогая слабость, пограничник прицелился в высокого диверсанта и нажал на спусковой крючок. Качнувшись, тот схватился за живот, согнулся и мешковато свалился на бок. Тяжелый рюкзак прижал его к земле. Второй бросился на землю и открыл стрельбу из пистолета. Мельников с трудом перезарядил винтовку и, уже теряя сознание, выстрелил.

...Федор открыл глаза. «Где я?»— мелькнула первая мысль. Он лежал на постели в чисто убранной небольшой комнатке рубленого домика. На тумбочке лежал термометр и стоял графин с водой. Дверь откры-

лась, вошел человек в белом халате. Пограничник узнал в нем фельдшера из соседнего с заставой села.

— Вот и ожил,— обрадовался тот.— Теперь пойдет на поправку. Здорово ты действовал, Федор, диверсанта, который нес взрывчатку, уложил наповал, а второго, раненого, взяли живым.

Федор облегченно вздохнул и снова впал в забытье.

Прошло несколько месяцев. Федора выписали из госпиталя. А вскоре сбылась давняя мечта: его направили на учебу. Правда, и тут не обошлось гладко. Мечтал-то он стать командиром-кавалеристом, и вдруг... его зачислили курсантом 2-й пограничной школы в г. Харькове.

Незаметно пролетели два года учебы. А потом вновь пришла пора службы на границе, не знающей покоя. Все говорило о том, что гитлеровцы готовятся к войне. Опыт командира, прошедшего Хасан и финскую, подсказывал: недолог мир в соседстве с фашистами.

* * *

Взрывы снарядов и звон выбитых стекол разбудили семью Мельниковых. Федор моментально вскочил и, на ходу одеваясь, выбежал из дома. Ничего кругом не узнать: горели склады, снаряды рвались то в одном, то в другом конце острова, слышался треск винтовочных выстрелов, автоматных и пулеметных очередей.

Мельников бросился к казарме. Курсанты выбегали из здания и занимали оборону по рубежу вала. Федор никак не мог понять, что происходит. Провокация? Но почему до сих пор не прекращается стрельба? Внезапный гул насторожил его. Самолеты с черными крестами на бреющем полете устремились к крепости, а с вражеского берега десятки лодок направились в сторону острова.

«Это война»,— он машинально глянул на часы: 3.55. Мельников бросился к телефону, однако связь была прервана. Подбежавшие к Федору старший лейтенант Черных и лейтенант Жданов вопросительно смотрели на него. Вместе они прикинули: на острове более 300 пограничников — курсанты школы шоферов, курсов кавалеристов, сборная спортивная команда Брестского отряда и наряды заставы Кижеватова. В боль-

шинстве это молодые бойцы, только что надевшие пограничную форму.

Выслушав мнение командиров, Мельников приказал Черных возглавить оборону западного сектора, Жданову — юго-западную часть острова, сам во главе группы курсантов организовал оборону северо-западного сектора. Пытаясь связаться со штабом полка и комендатурой, Мельников отправил двух бойцов в крепость с донесением.

Не теряя времени, осмотрел огневые позиции пулеметчиков. Курсанты оказались молодцами: умело выбрали сектор обстрела. Заранее подготовленные площадки обеспечивали быструю подготовку к стрельбе. Однако капитана беспокоило другое: как поведут себя молодые бойцы при подходе фашистов, выдержат ли напор оголтелого врага?

В это время подошел заместитель политрука, парторг школы Свиридов. Узнав о причинах беспокойства капитана, убежденно сказал:

— Уверен, будут держаться по-чекистски, как на Хасане.

Вражеская артиллерия возобновила обстрел. По острову вели огонь не только орудия, но и минометы. С десантных лодок фашисты открыли пулеметный огонь. Вот тогда в бой вступили «максимы».

Капитан перебежками бросился к доту, где находился старший лейтенант Черных. Впереди неожиданно взметнулся земляной фонтан. Оглушенный взрывом, Федор упал, но тут же вгорячах вскочил, немного пробежал и упал в воронку от только что разорвавшегося снаряда. Осмотрел себя. Левый рукав разорван. Из небольшой раны сочилась кровь. Боли не чувствовал, но рука не поднималась. А беспокоило другое: почему так тихо? И с трудом понял, что контужен — потерял слух.

От сильного ли волнения или по какой иной причине Мельников вдруг снова отчетливо услышал грохот и непрерывную стрельбу. С трудом поднявшись, он направился в сторону дома и тут же увидел бегущую к нему Таню.

— Федя! Да ты ведь ранен!— Татьяна Григорьевна быстро сделала мужу перевязку. Он взглядом поблагодарил ее и сказал:

— Мое место там. Забирай детей и уходи в крепость, тебе помогут.— Помолчав, добавил: — Обо мне не беспокойся. И еще прошу — сбереги детей...

Передовые подразделения фашистского батальона, поддержанные сильным огнем, просочились в северо-западную часть острова. Казалось, наступил критический момент, судьба острова решена. Мельников снял часть курсантов с юго-западного участка и повел их в контратаку. Фашисты не выдержали штыкового боя.

Небольшой успех окрылил молодых воинов, прибавил уверенности в своих силах. Этого не мог не почувствовать капитан. Там не менее он знал, что фашисты не откажутся от своего намерения выбить бойцов из крепости, уничтожить их.

В руины превратилась кирпичная школа, факелом вспыхнул домик, где жил Мельников. «Успела ли Таня уйти в крепость?»,— беспокоила мысль. Он хотел верить, что семья в безопасности.

Внезапная атака гитлеровцев вновь поглотила все его внимание. Немецкие автоматчики, пытавшиеся высадиться на остров, попали под плотный огонь и откатились. Повторные попытки врага также не привели к успеху. Земляной вал был устлан трупами немецких солдат.

Заметно поредели ряды защитников острова. Раненые не покидали боевых порядков. Мельников вторично был ранен, но продолжал руководить боем.

Не добившись успеха при форсировании реки, фашисты сосредоточились у Тереспольских ворот. Ожесточенная схватка продолжалась до вечера, однако фашисты и здесь не смогли прорваться на остров, хотя небольшим группам удалось вклиниться в оборону. На второй день обороняющиеся были расчленены, но продолжали вести неравный бой.

Остров пылал, вражеские снаряды перепахали землю, на месте домов дымились груды развалин. Казалось, нет ничего живого на этой выжженной земле. Но как только вражеские автоматчики поднимались, оживали камни, меткий огонь пограничников заставлял фашистов ложиться на землю.

Шли дни, но положение не менялось. Остров Западный по-прежнему оставался в руках советских пограничников.

Истощенные, израненные, без продовольствия и воды, отрезанные от крепости, они стояли насмерть.

Душой обороны был капитан Мельников. Вместе с парторгом он появлялся там, где складывалась самая трудная обстановка. Прошедший трудную школу службы на границе Федор хорошо разбирался в психологии бойцов, и они тянулись к нему.

Но с каждым днем становилось труднее. В живых осталась только треть пограничников. Боеприпасы на исходе, исчерпан запас медикаментов. Все попытки связаться с крепостью не дали результатов: бойцы, направляемые для связи, не могли добраться до места назначения, а подразделение, выделенное командованием крепости для усиления острова, не смогло пробиться к обороняющимся.

Оставаться на острове было бессмысленно. Без боеприпасов пограничники не смогли бы продержаться и часу. И тогда капитан решил прорваться с боем в крепость. Командиры поддержали его. Прорыв назначили на утро 25 июня, на четвертый день войны.

Отобрав добровольцев для прикрытия и поставив им задачу, Мельников произвел расчет бойцов во главе со старшим лейтенантом Черных, которые выносили раненых, а сам возглавил группу прорыва. Пограничники скрытно выдвинулись к Тереспольским воротам и внезапно атаковали охранение фашистов. Не ожидавшие удара, фашисты поначалу дрогнули, но затем, собрав силы, оказали упорное сопротивление.

С небывалым ожесточением сражались воины-чекисты. В ход пошли гранаты и штыки. Мельников был в гуще боя. Воспользовавшись брешью, образовавшейся в обороне врага, пограничники устремились в сторону крепости, унося с собой тяжелораненых. Группа прорыва прикрывала отход старшего лейтенанта Черных.

Наступил рассвет. Гитлеровцы подтянули свежие силы и окружили горстку бойцов. Израсходовав последние патроны, пограничники не сдавались. В ответ на крики немцев: «Рус, ставайся!» — истекающие кровью герои бросились в свою последнюю атаку.

— Вперед! За Родину! За партию! — раздался голос капитана. Восемь бойцов с винтовками наперевес устремились на фашистов. На какое-то мгновение

гитлеровцы оцепенели, даже прекратили стрельбу. Затем завязался рукопашный бой.

Сраженный автоматной очередью, пал в схватке с врагами капитан Мельников. На двух тяжелораненых его бойцов набросились фашисты. Смельчаков били прикладами, топтали сапогами.

Бой закончился. Все стихло, но фашисты еще долго не решались войти на пылающий остров. Только к вечеру, убедившись, что он оставлен пограничниками, оккупанты ступили на изрытую снарядами землю. Лишь на пятые сутки им удалось овладеть небольшим пограничным островом, который по плану немецкого командования должен был быть захвачен в первые минуты боя.

...Память о героях Бреста вечна в сердцах советских людей. В музее Брестской крепости есть документы, рассказывающие о героическом подвиге Мельникова и его воинов. Коммунист, капитан-пограничник Федор Михайлович Мельников пал в неравном бою с немецко-фашистскими захватчиками, отстаивая священные рубежи советской Родины.

Дело, начатое отцом, ныне продолжают его сыновья. Борис и Олег — офицеры Советской Армии. Как и отец, они бдительно охраняют мирный созидательный труд советских людей.

НЕУЛОВИМЫЙ

В тот торжественный час, когда во Дворце съездов шло собрание, посвященное 50-летию органов государственной безопасности, с высокой правительственной трибуны среди героев-чекистов было названо имя Михаила Сидоровича Прудникова. Председатель КГБ при Совете Министров СССР тов. Ю. В. Андропов сказал в своем докладе: «...навсегда останутся в истории глубокие, полные героизма и мужества рейды партизанских соединений, которыми командовали чекисты Герои Советского Союза Д. Н. Медведев, К. П. Орловский, М. С. Прудников, Н. А. Прокопюк».

Комсомолец 20-х годов, он рано вступил в трудовую жизнь. Плавал на буксире «Новосибирск» по Оби, Иртышу и Томи. Разных повидал людей на своем пути. И сильных, и таких, что хандрили в тяжелые минуты, сетуя на то, что, мол, и дерево гниет, когда падает в затхлый омут или топкое болото. Только на этот счет Михаил был другого мнения:

— Сибирский кедр не гниет ни в воде, ни в тине.

Вот таким крепким кедром и прошел по жизни парень из таежного сибирского селения. Его не манили легкие пути и дороги. Он искал друзей, от которых мог взять что-то доброе и полезное, чему-то у них научиться. Только в одном был уверен до конца: к батрачеству, к старой жизни возврата нет. И не будет.

В 1931 году он, Прудников, крепкого сложения, хлестанный ветрами и дождями юноша, пришел к военкому и твердо, нажимая на сибирское «о», неторопливо сказал:

— Хочу добровольцем в армию. Вот мое заявление.

Осенью, когда пришла пора призыва, Михаилу вручили долгожданную повестку, а через несколько дней на нем ладно сидела форма бойца НКВД. Прудников отлично понимал, что для него отныне началась совершенно новая жизнь — трудная, ответственная, ко многому обязывающая.

Четыре быстролетных месяца военной подготовки и, как говорили в ту пору чекисты, все бегом. Порой некогда было взглянуть на луну или солнце: каждая минута на учете, да и признаться, не было желания по-пустому тратить драгоценное время. К воинской дисциплине он относился со всей серьезностью, понимая, что знания, полученные сегодня, могут пригодиться завтра.

Михаил навсегда запомнил тот час, когда получил трехлинейку не в учебном подразделении, а в боевой части, которая готовилась в поход против басмачей. Каракумы встретили чекистов лютой жарой, хотя стояла еще ранняя весна. Для сибиряка Прудникова поход в раскаленную пустыню был особенно тяжел и изнурителен, однако молодой солдат пошутил:

— Жар костей не ломит...

Но Михаилу было нелегко. Ежедневно чекисты совершали переходы по 30—40 километров, да каких километров! А впереди ждало самое сложное испытание — бой с превосходящей по численности и хорошо вооруженной бандой.

Кто не пил из среднеазиатского колодца, тот никогда, наверное, не испытывал радости при виде чистой воды, тому трудно понять отчаянность борьбы за небольшой полузаваленный песком колодец, который в пустыне был самой жизнью.

Отряд шел от колодца к колодцу, сознавая, что это единственно верная возможность напасть на след басмачей. Гимнастерки на воинах дубели от соленого пота и мелкой пыли, губы трескались от жары, однако никто не жаловался. Чекисты знали одно: где-то впереди, за горбатыми барханами, скрывались басмачи — самые ненавистные враги Советской власти. Их следовало найти, разгромить, третьего — не дано.

Как ни хитрили басмачи, чекисты настигли их. Теперь о выборе не могло быть и речи: плен или смерть. Многие басмачи предпочли первое. Лишь главари банды попытались скрыться. Они даже рискнули

метнуться в сторону от караванного пути, где не было колодцев, но в знойной глуши их отыскали меткие красноармейские пули.

Михаил Прудников в этом бою особо не отличился: бил басмачей, как все. Старался стрелять хладнокровно, так, чтобы каждый выстрел достигал своей цели. Вместе со всеми радовался: приказ выполнен — банду разгромили, доставили в указанный район трофеи и пленных, вернув людям этого края самое дорогое — свободу, радость, новую жизнь.

После похода в Каракумы Прудникова направили на пограничную заставу на Памир. В ту пору на джаркентском направлении также было неспокойно — орудовали многочисленные банды. Здесь, между полноводной рекой Или и горным, почти безлесым кряжем, лежали ворота из Семиречья за кордон. В оазисах, да и вокруг селений скреплялись печатями сговоры баев и белогвардейцев, агентов иностранных разведок, других прихвостней контрреволюции. Сюда и прибыл Михаил Прудников со своими боевыми товарищами. Им предстояло сорвать коварные замыслы врага.

Граница многому научила сибиряка. Он особенно ощутил величие дела, за которое взялся. И даже тогда, когда притихли бои и стали редкими выстрелы, Михаил понял: границу оставить не может. Он стал курсантом пограничного училища. Учился прилежно — закончил его с отличием. Передового выпускника командование рекомендовало оставить офицером курсов.

Лейтенант Прудников стал наставником молодых, отдавая все свои знания и опыт делу подготовки командиров пограничных войск. Вместе со своими питомцами вел он в аудиториях учебные бои, преподавал тактику и топографию, огневую подготовку.

В первые же дни Великой Отечественной войны Михаил Сидорович Прудников пошел на фронт. Офицер-пограничник к этому времени обладал и большим опытом армейской закалки и, в не меньшей степени, теоретической подготовкой. Фронтовые пути-дороги, какими бы трудными они ни были, оказались ему по плечу. Он бил коварного врага умело, мужественно, без суеты. А однажды батальон Прудникова отозвали в Москву, в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования.

Солдатские сборы недолги. У бойца все хозяйство в вещевом мешке. Батальон капитана Прудникова, находившийся на подступах к Москве, прибыл в Ставку Верховного Главнокомандования незамедлительно. Через несколько дней капитана Прудникова вызвали в кабинет начальника управления, где присутствовали несколько старших офицеров и двое штатских: один — работник ЦК ВКП(б), другой — ЦК ВЛКСМ. Михаилу объявили, что ему поручается особо важное и сложное дело — подобрать отряд из тридцати человек, перейти линию фронта и организовать активную партизанскую борьбу в глубоком тылу врага. Комиссаром отряда назначался Глезин, начальником штаба — Чернышов, начальником разведки — лейтенант госбезопасности Корабельников.

— Учтите, на первых порах вас будет только тридцать, а там, за линией фронта, должны быть тысячи. Все зависит от умения работать с народом. Уверены, люди вас поддержат, ведь это наши, советские люди.

И еще одна важная деталь. Прудникову сообщили, что отныне он не Прудников, а Неуловимый. Связные будут приходить к нему по паролю:

— Читали ль вы сегодня «Новый путь»?

— Там есть что-нибудь интересное?

— Прочтите статью на четвертой странице.

Капитан Прудников уезжал из Москвы с чувством, которое испытывает командированный человек. По-особому внимательно вглядывался в посуровевшие улицы столицы и был уверен, что еще вернется сюда, увидит город иным — более приветливым и веселым. А пока перед ним встречи со многими неизвестными. Впрочем, он понимал: предстоит жестокий поединок с сильным и коварным врагом.

Машины доставили чекистов до небольшого поселка Торопцы, дальше пришлось идти на лыжах и тянуть за собой волокуши, нагруженные продовольствием и снаряжением. Тяжел и долог был путь, однако никто не жаловался на усталость и трудности. На линию фронта отряд прибыл с полной решимостью идти дальше, не теряя времени на отдых. Передовые части должны были помочь прудниковцам незаметно преодолеть фашистские укрепления. Однако сделать это удалось лишь на четвертые сутки, когда наконец

нашли брешь в обороне противника. Решено было переправиться за линию фронта через болото. Немцы считали его непроходимым и поэтому не проявили бдительности на этом участке. Однако никто из прудниковцев не счел за чудо тот день, когда они прошли под самым носом у врага, точно невидимки. Командир и комиссар, как только преодолели топи, поздравили бойцов с первой удачей. Случилось это 5 марта 1942 года.

Став партизанами, прудниковцы отныне действовали глубоко во вражеском тылу, на деле оправдывая имя неуловимых. Подробно и увлекательно расскажет о том спустя десятки лет полковник в отставке Михаил Сидорович Прудников в своих книгах «Неуловимые» и «Неуловимые действуют». Но, естественно, о своей личной роли, о том, что пережил сам, автор говорит мимоходом, между строк. Как и остальные в отряде, он считал, что просто-напросто выполняет обыденную работу, а конечный результат ее — летевшие под откос вражеские поезда, взорванные склады, уничтоженные гитлеровцы, словом, все, что приближало победу над фашизмом.

Отряд Прудникова превратился в бригаду, причем, быстрее, чем отросла у командира густая борода. Чекисты хорошо понимали, что с каждым днем возрастали опасности. Гестапо и абвер не дремали; стало очевидным, что у них под носом действует крупное воинское соединение.

Однажды на окраине небольшого села, куда пришли разведчики, к ним подошла женщина лет сорока пяти. Лицо ее выражало взволнованность и тревогу.

— Сыночки,— сказала она грудным голосом,— там у меня под стогом соломы, в яме, прячется командир Красной Армии. Спасти его надо. Назвался Сениным, а по имени — Николай.

Разведчики поблагодарили женщину за мужественный поступок и пообещали навестить Сенина. А когда она торопливо скрылась с глаз, немедленно вернулись на базу и доложили командиру о случайной встрече. У партизанского костра долго решали эту загадку командир и начальник разведки. Не поверить крестьянке не было оснований, потому что в тылу врага встретить настоящих патриотов можно было на каж-

дом шагу. Но ведь и с провокациями доводилось сталкиваться.

Через некоторое время Сенина доставили в отряд. А вскоре из деревни, где тот прятался, поступило донесение, что крестьянка, прятавшая Сенина, люто ненавидит Советскую власть, к тому же ее муж рьяно выслуживается перед гитлеровцами. А тут и сам Сенин исчез. Он оказался предателем и сбежал к своим хозяевам. Связные партизан донесли, что он является никем иным, как заместителем командира карательного отряда.

— Надо уничтожить Сенина,— таково было решение командира бригады.

Исполнить его приказ выпало на долю подпольщицы Клавы Ивановой из села, что неподалеку от Невеля, где обосновались каратели. Она действовала смело и решительно. Удалось не только пробраться в Невель, но и познакомиться с Сениным. Однажды, назначив палачу свидание, Клава (а она мастерски прикинулась наивной и легкомысленной девицей) завладела пистолетом Сенина и привела в исполнение партизанский приговор.

Летом 1942 года неподалеку от Полоцка, где в заброшенном домике лесника была конспиративная квартира неуловимых, состоялась встреча чекистов с подпольщиками. Михаил увидел здесь худенькую, невысокого роста женщину. С нескрываемым любопытством она смотрела на обросшего бородой Прудникова, будто видела перед собой сказочного богатыря. Это была Лиля Костецкая, которую привела сюда Анна Наумовна Смирнова, довольно опытная разведчица. То, что услышал Михаил от Лили, заставило крепко призадуматься.

— Я предлагаю завербовать немецкого офицера Карла Мюллера,— спокойно сказала она мягким голосом.— Это знакомство окажет огромную услугу.

Прудников погладил свою бороду и с удивлением посмотрел на Анну Наумовну, потом на хрупкую Лилю и, не скрывая своих мыслей, заключил:

— Вы с ума спятили, честное слово.

— Да что вы, Михаил Сидорович,— принялась отстаивать свою мысль Лиля Костецкая.— У некоторых немцев после поражения под Москвой ум начи-

нает шевелиться. Мюллер, думаю, один из таких, убедитесь сами.

Стоявшие рядом начальник разведки Павел Корабельников и заместитель начальника штаба бригады Николай Шенников одобрительно переглянулись.

— Подумать надо, друзья, подумать.— Прудников прошелся по небольшой холодной комнатушке, остановился у маленького оконца.

— Не рано ли за подобные дела браться?

— Клянусь, все будет хорошо,— вдруг твердо и решительно подала голос Лиля.

— Что ж, быть посему,— согласился комбриг, но посоветовал без его разрешения не предпринимать никаких серьезных шагов.

Шло время. Лиля передавала об Инициаторе (так условно называли разведчики Мюллера) хорошие сведения: офицер вроде бы охотно шел на сближение с партизанами. Через некоторое время Лиле было разрешено предложить Мюллеру помочь «одной ее знакомой». Это был решающий момент, означавший практически победу или провал Лили. Советская учительница Костецкая не ошиблась в своем предположении. В Москву полетела шифровка: «В Полоцкой полиции теперь работают два наших разведчика — Лиля Костецкая и немецкий офицер Мюллер».

И вот первое задание Инициатору: добыть чистые бланки паспортов и аусвайсов.

Мюллер и раньше доставал Лиле документы. Но теперь их требовалось гораздо больше, а они строго учитывались в полиции. Пропажа их может быть замечена, и тогда Костецкая и Мюллер окажутся под ударом. Однако требование Центра необходимо выполнять. Работа не исключала риска.

Долго ломали голову комбриг, все руководство бригады, советовались в подпольном райкоме партии, а выход опять-таки нашла Лиля Костецкая.

— Надо организовать большой взрыв в помещении паспортного стола, и суматоха поможет нам скрыть пропавшие документы,— сказала она на очередной встрече с Прудниковым.

— Кто это сделает?— спросил комбриг.

Костецкая встретилась с ним взглядом.

— Я. Дайте что надо и покажите, как действовать.

Партизаны снабдили Лилю двумя гранатами, бик-

фордовым шнуром, толовой шашкой, а затем вручили ей немецкие солдатские сапоги.

— После взрыва наденешь сапоги и пойдешь к казармам. Гестапо не поверит своим овчаркам,— объяснил Прудников назначение солдатской обуви.

Наступила ночь, которую ждал комбриг с волнением и надеждой. Лиле удалось проникнуть в двухэтажный дом полиции. Из разных папок она набрала несколько десятков чистых бланков нужных документов и заложила взрывчатку. Подпалив бикфордов шнур, надела немецкие сапоги и пошла к солдатским казармам.

План удался. Гестаповцы примчались к полицейскому участку с собаками, но след подрывника так и не был найден, а неуловимые, пользуясь аусвайсами, стали действовать еще активней и решительней.

* * *

Кроме соединений неуловимых действовали в Белоруссии и другие крупные силы партизан. Их удары по вражеским коммуникациям приобрели такой размах, что немецкое командование решило провести большую карательную операцию под названием «Нюрберг», рассчитывая раз и навсегда покончить с партизанами на важных для фашистов стратегических магистралях Двинск — Полоцк — Невель. Руководил операцией генерал фон Готберг. В его распоряжение были выделены крупные наземные войска и авиация. Главные удары гитлеровцы решили нанести в направлениях северо-западнее и северо-восточнее Полоцка, где в то время действовала бригада Прудникова.

Однако план решительного наступления против партизан попал в руки Прудникова раньше, чем узнали о нем немецкие части, которым предстояло участвовать в карательных операциях. Карл Мюллер, Лиля Костецкая, Анна Смирнова, как только дошел до них слух о намерениях немецкого командования, приняли все меры, чтобы в деталях уточнить предстоящие действия против партизан. Мюллер лично прочитал приказ ставки, побывал на совещании старших офицеров, где обсуждались особо важные вопросы предстоящей операции «Нюрберг».

Настали тяжелые дни. Пришли в движение соединения народных мстителей, чтобы перегруппировать

свои силы для боев. В тесной штабной землянке собрались Михаил Сидорович Прудников, комиссар бригады Борис Львович Глезин, помощник командира бригады Тимофей Миронович Никитин, начальник штаба Алексей Николаевич Кривский и начальник разведки Павел Александрович Корабельников. Здесь, у раскаленной «буржуйки», решался главный вопрос дня — срыв операции «Нюрберг», вырабатывалось решение, от исхода которого зависела судьба партизанской бригады.

Все сведения о противнике были проверены и перепроверены, никаких сомнений они не вызывали. Михаил Сидорович, выслушав товарищей, сказал:

— Фон Готберг пытается зажать нас в треугольнике Полоцк — Невель — Витебск. Из этого мешка необходимо вырваться во что бы то ни стало. Какие будут предложения?

— Для осуществления этого плана,— пояснил свою мысль комбриг,— по-моему, есть только один способ: просочиться мелкими группами в тыл фашистов и ударить им в спину.

Начальник разведки Павел Корабельников, выслушав план предстоящих действий, предложил одновременно взорвать важные немецкие объекты.

— Вы понимаете,— убеждал он товарищей, делая пометки на карте Полоцка,— вот тут живут сотрудники абвера, на этой улице — жандармерия. В пятнадцатой школе — фельдкомендатура.

— Теперь мы и сами не можем распылять силы,— сказал комбриг.— Да и рисковать подпольщиками в Полоцке нельзя. А планчик этот, Павел Алексеевич, сохраните. Мы им займемся обязательно. Всему свое время. Как овощам.

Пять полков войск СС, четырнадцать отдельных батальонов, несколько отрядов из местных гарнизонов — всего около 20 тысяч человек — с артиллерией, танками и авиацией ввело в бой гитлеровское командование только на главном направлении удара против партизан. Однако и народные мстители были сильны: одиннадцать партизанских бригад и два самостоятельных отряда.

Первыми приняли удар врага партизанские отряды Александрова, Афанасьева и бригада Фалалеева. И сразу после боев комбриг Прудников, довольный

смелостью и мастерством партизан, убедился, что никакой «Нюрберг» не страшен. Люди научились быть неуловимыми, а где надо, действовать дерзко и наверняка. Они привыкли и к декабрьским морозам, сковавшим реки и озера, и к походам по глубоким снегам, укутавшим леса Белоруссии, и еще привыкли к дисциплине, усилившей их многократно, сделавшей партизанскую бригаду хорошо управляемым воинским соединением.

Партизаны устраивали минные поля и лесные завалы, которых немцы боялись настолько, что стоило потом, когда не хватало мин, оставить лишь признаки минирования, как вражеские подразделения останавливались или следовали по другой дороге и, естественно, попадали под огонь партизан.

За два месяца прудниковцы уничтожили не менее тысячи солдат и офицеров противника, много боевой техники. Операция «Нюрберг» трещала по всем швам.

Под Полоцком появились новые группировки вражеских войск. Но сменивший обанкротившегося Готберга штандартенфюрер СС Ламмердинг также не мог добиться успеха. Не раз по его сводкам Неуловимый был полностью уничтожен. А тот по-прежнему продолжал действовать, вел «рельсовую войну», наносил удары по фашистам в самых неожиданных направлениях и уходил.

В разгар зимних боев 1943 года из Москвы пришла шифровка: «Неуловимому. Вам подготовлен десант. О готовности принять и месте выброски срочно радируйте. Анатолий».

Принять десант из Москвы — это дело для партизан не было новым, но в пору, когда кругом наседали каратели, каждый день шли жаркие бои, было над чем задуматься. Прудников понимал, что это необычный десант, потому что Анатолий на имя Неуловимого давал самые ответственные шифровки.

Комбриг и его ближайшие боевые соратники стали сообща искать выход из создавшегося положения. Когда наконец было решено послать группу разведчиков на поиски площадки, на которую можно принять десант, Корабельников, лукаво поглядывая то на комдива, то на комиссара, осторожно спросил:

— Может меня отпустите с разведчиками?

Прудников тут же отпарировал:

— Нет, пойду я. Вместе со мной Шенников. К утру отберите сорок бойцов, да таких, чтобы не подвели.

Направление, в котором решено было вести поиск, определили скоро, так как у Корабельникова были исчерпывающие данные о сосредоточении противника. Тем не менее он высказал опасение:

— А если немцы перехватили шифровку?

У партизан уже был один случай, когда вместо ожидаемого советского самолета прилетел фашистский бомбардировщик и сбросил смертоносный груз на партизанский аэродром. Подумав немного, Корабельников предложил:

— Надо подбросить фашистам утку.

— Какую? — спросил Глезин.

— Дать шифровку, что ждем десант на Полоцк.

Предложение всем понравилось. В Москве отлично знают, что на Полоцк высаживать десант не имеет смысла и запросят уточнить координаты. А гитлеровцы, если перехватят шифровку, станут укреплять оборону Полоцка, что заметят подпольщики и, конечно же, сообщат в отряд.

Утром Прудников двинулся с отрядом на Казаково, где должен был встретиться в лесу со связным Друцой, опытным разведчиком, имеющим хорошие «документы прикрытия». На третий день прудниковцы прибыли в условленное место. Друца доложил комбригу, что Корабельников встречался с подпольщиками и выяснил: никаких сведений насчет десанта в штабе Готберга нет. Мюллер тоже подтвердил это. Значит, одно из двух: либо фашисты шифровку не перехватили, либо не могли ее расшифровать. А если так, то можно действовать уверенно, без оглядки.

Через два дня отряд обосновался неподалеку от Калачево и нашел подходящую поляну для приема десанта. Она находилась в глухом лесу. Правда, размеры ее невелики: двести метров в ширину и двести пятьдесят в длину, однако парашютистов принять вполне позволяла. Прудников тут же составил радиограмму в Москву и отправил ее с Друцой в штаб бригады.

Оставалось одно — ждать. Прошла холодная ночь, минул короткий зимний день, еще ночь и еще день. На третью ночь, как было обусловлено, вспыхнуло семь костров, расположенных медведицей.

Шел час за часом, однако самолет не появлялся. На рассвете пришлось погасить костры. Безрезультатными оказались и другие сутки.

Настала следующая беспросветная метельная ночь. На поляне в который раз зажгли костры. Партизаны вслушивались, глядя в небо, вслушивались так, что могли уловить даже хруст ветки в лесу.

— Товарищ комбриг, слышите?— вдруг спросил Дюжин. Это приближался нарастающий гул моторов. Он приказал бойцам залечь вокруг поляны, а сам зашагал в темноту.

Свой или чужой? Этот вопрос волновал не только комбрига, но и бойцов. Правда, гадать долго не пришлось: через короткий промежуток времени над поляной пронесся самолет. Сделал круг, второй. Лес, сотрясаемый гулом моторов, осыпал партизан хлопьями снега. Радость подступила к сердцам людей... Но вдруг машина пошла в пике, и над аэродромом противно завыла фугасная бомба. Сильный взрыв сотряс лес, а когда все стихло, послышались стоны раненых. Двое партизан — Петр Романюк и Анатолий Кузнецов — не поднялись больше с холодной заснеженной земли. Их похоронили здесь же, неподалеку от аэродрома. Еще один безымянный холмик оставили неуловимые в густом лесу под Калачево.

Прудников мучительно думал, что случилось. Где, в чем, когда допущена ошибка? Что делать дальше?

— Надо разобраться во всем, друзья,— вымолвил он наконец и тут же приказал двум связным немедленно отправиться в штаб бригады и передать Никитину, чтобы тот узнал через Мюллера хоть какие-нибудь сведения о вражеском самолете, бомбившем аэродром. Велика была утрата, тяжела горечь неудачи, тем не менее Прудников не ушел из-под Калачево, а лишь усилил дозоры, чтобы не попасть в руки какой-нибудь зондеркоманды, высланной гитлеровцами к месту ночных костров.

Вернулись из штаба бригады связные, принесли хорошую весть: никакой ошибки не допущено. Фашистский летчик совершал учебный полет и, заметив костры, счел их за партизанскую базу. А самолет из Москвы не вылетел из-за плохой погоды.

Наутро пришел Володя Пиняев, радист бригады.

Теперь у Прудникова появилась возможность радировать в Москву прямо из леса. Однако это небезопасно: немцы могут запеленговать радиостанцию, тут же выслать карателей.

Наступила очередная ночь. Опять на поляне в густом лесу запылала «медведица», снова напрягали слух партизаны, стараясь уловить долгожданный гул родного самолета. И вот Дюжин, острый на ухо человек, опять первым воскликнул:

— Летит!

Через минуту-другую над лесом пронесся краснозвездный самолет. Наш! Однако предосторожность теперь, после случая с фашистским бомбардировщиком, была соблюдена. Партизаны залегли, готовые открыть огонь по вражескому десанту. Круживший над поляной самолет рассыпал в небе черные точки, потом набрал высоту, качнул крыльями и взял курс к линии фронта, на восток. Через несколько минут перед комбригом предстал первый парашютист.

— Как выглядит Крымская площадь? — задал условный вопрос Прудников и в упор посмотрел на молодого плечистого человека, стоявшего перед ним навытяжку.

— Площадь не изменилась, как и вся Москва. А в каком доме и в какой квартире вы там жили?

— Пароль «Орел».

— Отзыв — «Ока».

Прудников обнял прибывшего товарища. На поляне воцарилось радостное оживление: партизаны получили долгожданные боеприпасы, медикаменты и целый мешок писем от родных и близких. Комбриг дал на сборы двадцать минут, но и за это время Попов успел раздать весточки тем, кто находился рядом. Получил письмо и Прудников. Узнав знакомый почерк матери, он обрадовался, но, прочитав первые строки, окаменел: мать сообщала, что на Ленинградском фронте погиб его старший брат Ефим. Но комбриг и не подал вида бойцам, лишь стиснул тетрадный лист в кулаке и отошел в сторону от веселых бойцов, чтобы успокоиться. Чувствуя, как велика радость партизан, Михаил не решился омрачить ее своим большим горем, не мог, не хотел, чтобы его жалели. Война есть война, без жертв на ней не обходится.

Через двадцать минут отряд двинулся в путь. Тихо стояли одетые снегом леса, точно принаряженные к большому празднеству, креп утренний мороз, но теперь он не знобил, а бодрил людей, несущих в бригаду самые дорогие подарки с Большой земли.

* * *

Близилась весна. Москва сообщала о победах Советской Армии. Неуловимый продолжал свой партизанский рейд по тылам врага, уничтожая фашистские гарнизоны, взрывая склады и базы, наводя ужас на гитлеровцев, которые все меньше и меньше отваживались совать нос в глубь партизанского края.

Все, что затевали фашисты, знал Неуловимый, получал сведения от десятков подпольщиков и связных, разведчиков и мирных жителей, ненавидевших оккупантов, активно помогавших народным мстителям. Тем не менее всех бед не предусмотришь.

Много сделали Лиля Костецкая и капитан Мюллер, однако гестапо напало на их след. А виной тому стала небольшая оплошность: Лиля оставила в кармане пальто страстное, с публицистическим накалом стихотворение антифашистского содержания. Предательница Ефременко, завербованная гестапо для слежки за служащими городской управы и полиции, обнаружила его и тут же передала в руки начальника полиции. 3 марта 1943 года Лилю Костецкую арестовали. Начались пытки. Фашисты жестоко истязали разведчицу, но ни связей с подпольщиками, ни сведений о партизанах Лиля не выдала.

8 марта Лилю вновь повели на допрос. Окруженная полицаями, она шла с гордо поднятой головой по берегу родной Двины. Лиля поравнялась с пологим спуском к реке, где когда-то так любили кататься на санках ее ученики. До боли сжалось сердце. Насколько все-таки прекрасна жизнь! Как жаль, что многое еще не успела сделать.

Неожиданно взгляд Лили остановился на проруби. Сердце сжалось от пришедшей в голову мысли. Вдруг девушка бросилась бежать вниз по склону. Конвойные не успели даже вскинуть винтовки, как Лиля прыгнула в прорубь. Река навсегда унесла от фашистов тайну советской разведчицы.

Только летом 1944 года Прудников вывел свою

бригаду на соединение с частями Советской Армии. Почти 900 дней и ночей провели партизаны в лесах Белоруссии, оккупированной немцами.

Много раз вступали они в схватки с врагом, более двадцати налетов совершили на гарнизоны противника, разгромили восемь подразделений и взяли в плен сотни фашистских солдат и офицеров, пустили под откос 511 немецких эшелонов с войсками и техникой, подорвали 104 железнодорожных и шоссейных моста, взорвали и сожгли более 80 автомашин и тракторов, уничтожили 6 складов, крупную нефтебазу в Полоцке, сожгли 42 управы и комендатуры, сбили 10 фашистских самолетов. Таков неполный счет мужества и воинского мастерства бойцов партизанской бригады Неуловимого. Цифры. За каждой из них стоят живые и мертвые герои, их имена и поныне чтят современники.

За умелое руководство бригадой Михаилу Сидоровичу Прудникову присвоено звание Героя Советского Союза. Ныне полковник в отставке Прудников живет в Москве, часто встречается с молодежью и рассказывает о легендарных партизанских рейдах в глубоком тылу врага, о героических подвигах советских людей, таких, как Лиля Костецкая. И, конечно же, никогда не стираются в памяти годы молодости, проведенные в Казахстане, годы, давшие чекистскую закалку.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ГОЛУБЕВА

Рев мотора на какое-то мгновение потонул в грохоте разорвавшегося рядом снаряда. Самолет резко отбросило в сторону. Из-под капота вырвалось пламя. Машина пошла вниз.

Предельно напряжены нервы пилота, но мысль работает четко. В какое-то мгновение он оценил создавшееся положение: на поврежденном самолете до линии фронта не дотянуть. Садиться здесь — значит попасть в руки фашистам... И тогда пришло отчаянное решение: врезаться во вражескую колонну танков и мотопехоты.

Штурмовик с алыми звездами на крыльях словно нехотя накренился и стремительно скользнул вниз, к дороге. Еще несколько мгновений — и, будто огненный смерч, пронесся по громыхающей дороге, сметая все на своем пути...

Так закончил свой последний бой дважды Герой Советского Союза гвардии капитан Виктор Максимович Голубев.

... В авиацию Виктор попал не по воле случая. Это было его желание, его решение, даже страсть. В середине тридцатых годов по комсомольскому призыву он был направлен в летное училище. Замечательная это была традиция: вместе с рождением отечественной авиации расправляли свои крылья те, кто вошел потом в плеяду советских асов, кто создал свою, советскую школу летного мастерства.

У Виктора Голубева, как и у многих его сверстников, путь в небо начался с кружка авиамоделистов. Следующий этап — аэроклуб и, наконец, летное училище. Летать, только летать! Это решение было твер-

дым и непоколебимым. Оно еще больше укрепилось после первого полета.

Первый полет! Трудно передать словами все, что чувствуешь, что переживаешь в эти счастливые минуты. Твоей воле и разуму послушна чудесная крылатая машина. Ты, словно птица, паришь в голубом небе. Ты его хозяин.

А совсем недавно вихрастый мальчуган Витька с замиранием сердца смотрел на прилетевший в село первый самолет. Из него вышли двое в шлемах. Вите да и другим пацанам казалось тогда, что это не простые люди, а какие-то сказочные существа, пришедшие из другого мира...

В 1938 году Виктор Голубев закончил авиационное отделение Харьковского, а ныне Алма-Атинского военного пограничного училища. После службы на границе молодого летчика переводят в Военно-Воздушный Флот. Снова пришлось сесть за парту, а затем и за штурвал самолета. Предстояло освоить технику пилотирования новых боевых истребителей И-16, И-153.

Великая Отечественная война застала Виктора Голубева в истребительной авиации. Много трудных испытаний выпало на долю молодого летчика. Используя свое численное преимущество, превосходство на земле и в воздухе, фашисты рвались в глубь страны. Развернулись ожесточенные воздушные сражения, в которых Виктору не раз приходилось встречаться лицом к лицу с сильным и коварным врагом.

Уже в первых боях Голубев понял, что с фашистскими асами драться можно. И не только драться, но и побеждать. Бить не числом — умением. В воздушных схватках с врагом он показал незаурядные способности летчика-истребителя, обладающего высоким мастерством, мужеством и отвагой. О Голубеве заговорили не только в родном полку. Его имя все чаще упоминалось в газетах, становилось рядом с именами прославленных советских асов Покрышкина и Кожедуба.

Особенно жестокие сражения развернулись летом и осенью 1942 года, когда началась битва за Волгу. Часто приходилось вести не только воздушные бои, но и наносить удары по вражеским войскам, рвавшимся к Сталинграду.

Однажды, в разгар боев, Голубева вызвал командир полка. Виктор знал — формировались новые части штурмовой авиации. Знал и то, что нужны смелые, отчаянные летчики. Именно таким и сумел зарекомендовать себя Виктор Максимович в боях под Москвой и на подступах к Сталинграду.

Разговор с командиром был коротким. Военный летчик Виктор Голубев получил назначение в новый штурмовой авиационный полк. И хотя жаль было расставаться с боевыми друзьями, Виктора не огорчил перевод. Дело в том, что он уже давно мечтал стать летчиком-штурмовиком. Еще в училище, изучая технику высшего пилотажа, Виктор любил летать на малых высотах, пикировать на наземные цели «противника», «обстреливая» их из фотопулемета.

Когда близко земля, по-настоящему ощущаешь скорость. А атака наземной цели с пикирования? Сколько острых ощущений! Самолет, словно ястреб, устремляющийся на свою жертву, камнем падает вниз. Навстречу несется разрисованная квадратами земля. И в то мгновение, когда кажется, что столкновение с ней неизбежно, уверенное движение руки — и самолет снова взлетает ввысь.

Да что говорить! Будучи истребителем, Виктор десятки раз ходил штурмовать вражеские колонны. Трудная и сложная это задача. Ведь назначение самолета-истребителя совсем иное. Только опытным летчикам под силу выполнить подобные задания. Другое дело летать на специальном самолете-штурмовике. Виктор уже достаточно хорошо знал Ил-2: не раз приходилось прикрывать их действия. У одномоторного биплана сильное пушечное и бомбовое вооружение. Обладая хорошим маневром и броневой защитой важных узлов, Ил-2 стал грозной силой. Не случайно напуганные боевыми действиями наших штурмовиков фашистские вояки дали ему меткое прозвище —«черная смерть». Да, на таких самолетах наши летчики наносили немалые потери врагу. Летя на бреющем полете, они в большинстве случаев подходили к цели незаметно, а затем разом обрушивали на врага свой смертоносный груз.

В ноябре 1942 года, после окружения 6-й армии гитлеровского фельдмаршала Паулюса, начались бои по ликвидации войск врага. Перед штурмовиками

стояла задача — взламывать оборону гитлеровцев и громить резервы, спешившие на выручку окруженным.

Голубев успел уже окончательно освоиться на новом месте. Он быстро сходился с людьми. Его простота, скромность и искренность располагали к нему товарищей, друзей. К тому же, он был отличным летчиком, у которого было чему поучиться, особенно молодым. И что еще отличало Виктора, не был он бесшабашным смельчаком, полагавшимся на случай, на боевую удачу. Летчик твердо верил, что для успешной борьбы с сильным, опытным врагом одной храбрости мало, надо постоянно учиться, искать новое в тактике и стратегии сражений.

— Одними и теми же приемами бой вести нельзя,— говорил он не раз своим молодым товарищам.— Применение неожиданного для врага маневра может решить исход боя. Всегда ищите свой маневр.

Свою точку зрения Голубев не раз подтверждал личными боевыми действиями. Однажды во главе группы «илов» он штурмовал мотоколонну фашистов. Делая очередной заход на цель, Виктор заметил два вражеских истребителя, готовившихся атаковать его машину с хвоста. Вступать одному штурмовику в бой с двумя истребителями — равносильно самоубийству. Фашисты расправились бы с ним без особого труда. В считанные секунды летчик принял свое решение. Он резко сократил круг разворота, ввел самолет в пике и атаковал колонну на предельно низкой высоте. «Мессершмитты» не ожидали подобного маневра. Атакуя штурмовик, они открыли огонь с дальней дистанции, так как боялись во время боя врезаться в землю. Огонь фашистских пулеметов не причинил «илу» никакого вреда. Зато досталось вражеской колонне, попавшей под мощный огонь своих же истребителей.

Закончив атаку, Голубев повел самолет почти у самой земли, оставаясь таким образом неуязвимым для «мессеров».

В другой раз на группу наших «илов», ведомых капитаном Волковым, напал десяток «мессершмиттов». Особенно туго пришлось командиру. Его атаковала большая группа вражеских истребителей. Голубев своевременно заметил опасность, грозившую командиру. Несмотря на то, что над его самолетом тоже нависли два Ме-109, он принял неожиданное и смелое

решение: вместо того чтобы атаковать наземные цели или уходить от наседавших на него двух истребителей, он развернулся и бросил свой штурмовик на ближайший от командира «мессер». Вот тут-то и пригодилась ему выучка истребителя. Длинная очередь скорострельной пушки «ила» достигла цели. Вражеский самолет неуклюже завалился сначала на крыло, а затем камнем рухнул на землю.

Такой неожиданный оборот дела охладил пыл фашистских пилотов. На какое-то время они замешкались, но и этого момента было достаточно, чтобы наши штурмовики перешли на бреющий полет и благополучно добрались до своего аэродрома.

К февралю 1943 года остатки окруженных под Сталинградом вражеских войск капитулировали. Много славных страниц вписали в боевую летопись наши замечательные летчики в великой битве за Волгу. Среди особо отличившихся названо имя Виктора Максимовича Голубева. За мужество и отвагу, проявленные в боях по ликвидации окруженных гитлеровских войск под Сталинградом, ему присвоили звание Героя Советского Союза.

После поражения фашистских захватчиков под Сталинградом началось их массовое изгнание с советской земли. Боевой летчик Голубев снова в гуще событий. Он воюет на одном из южных участков фронта, где враг пытается задержать наступление наших войск.

Однажды командованию армии потребовалось срочно провести воздушную разведку сил противника с целью уточнения данных о сосредоточении его резервов, готовивших контрудар. Выполнение сложной задачи было поручено лучшему летчику части. А лучший — значит Виктор Голубев.

Уточнив в штабе полка задачу, Голубев в паре с товарищем по полку ранним августовским утром взял курс в тыл врага. Линию фронта пересекли благополучно. За ней потянулась бесконечная равнина, изрезанная глубокими оврагами и балками. К ним-то особенно присматривались разведчики: где-то здесь скрывался враг. Чтобы улучшить видимость, пошли на небольшой высоте. Один за другим проплывают под крылом овраги. Вдруг вдали показалось облако пыли. Сомнений не было: по степи двигались танки.

«Внимание! Заходим на атаку!» — звучит команда Голубева.

Удар был неожиданным. Вражеские зенитчики не успели сделать ни одного выстрела. Через несколько минут, когда штурмовики закончили атаку, на дороге пылало не менее 15 грозных стальных громад. А следом в штаб полетело радиодонесение о результатах воздушной разведки. Вскоре один за другим прошли несколькими волнами наши бомбардировщики и штурмовики, закончив то, что не успели сделать Голубев и его напарник.

Виктор Максимович отличался высокой работоспособностью. Он мог делать по нескольку вылетов в день и, казалось, не знал усталости. В эскадрилье его прозвали двужильным. Если случалось, что из-за погоды вылеты откладывались, Голубев переживал, не находил себе места. То пойдет к синоптикам поинтересуется, не предвидится ли просвет в сером дождливом небе, то обратится к командиру и начнет его упрашивать:

— Ну как? Может разрешите слетать? Тучки-то разошлись...

Как-то наземная разведка сообщила о скоплении большой группы танков и мотопехоты врага. Однако плотный туман с самого утра не давал подняться в воздух. Голубев пришел к командиру, говорит:

— Может все-таки попробовать?

И вдруг — о чудо! — ему разрешили. Четыре раза в тот день летал Виктор на врага. Четыре раза его бомбы крушили металл вражеских танков.

Каждый раз штурмовик появлялся неожиданно над врагом. Каждый раз безнаказанно громил его технику и живую силу. А на исходе дня, к вечеру, в полк пришла телеграмма. Командование армии благодарило летчика за смелые и эффективные действия. Осенью 1943 года Виктор Максимович Голубев был вторично удостоен высшей награды — Золотой Звезды Героя Советского Союза.

Тяжел и опасен труд летчика-штурмовика. Одна нелепая случайность — и положение становится непоправимым. Именно так произошло в тот хмурый осенний день, когда перестало биться горячее сердце героя-чекиста. Он не прожил и трех десятков лет, не увидел долгожданного дня Победы: для приближения этого радостного дня отдал самое дорогое — жизнь.

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Поезд уносил нас на юг. Мы — это восемь солдат и сержантов. А ехали поступать в пограничное училище.

На нижней полке сидели два офицера и о чем-то увлеченно беседовали. Чтобы не мешать им, мы часто выходили из своего купе и устраивались у кого-нибудь из соседей. Однажды Николай, мой фронтовой друг, незаметно для посторонних слегка дернул меня за руку и бесцеремонно сел возле молодого лейтенанта.

Сидевший напротив нас моложавый подтянутый капитан показал рукой на свободные полки:

— Располагайтесь, здесь просторно.— Приветливость и подкупающая улыбка капитана как-то сразу разрядили обстановку. Мы почувствовали себя свободно и легко разговорились.

— Да, Иван Андреевич, крепок наш человек, и телом и душой крепок,— капитан мечтательно посмотрел в окно, на проплывавшие поля.— Сколько хлебнули люди в этой войне, а смотри — с песней все делают. От мала до велика в поле, урожай собирают,— не отводя взгляда от окна, он подумал немного и продолжал уже давно начатый разговор со своим собеседником:— А вы говорите, наш брат, военный, больше стране нужен. Труженик нужен прежде всего, так-то...

Лейтенант ответил на это вопросом:

— Так почему же вы не снимаете погоны?

— Резонно. Однако ведь у каждого свое, так сказать, специфическое. Вот спроси у ребят, что они думают по этому поводу? Тоже, видать, прошли фронт, повидали кое-что... Далеко едете? Домой, наверное?

— Нет, не домой,— ответил я смущенно.— Едем

поступать в военное училище, решили стать кадровыми военными.

Повернувшись к окну, капитан ничего не сказал больше до остановки поезда, а потом, когда скрипнули тормоза, встал, взял свой чемодан и простился с нами. Уходя заметил:

— Думаю, наш разговор мы еще продолжим. Мне ведь тоже предстоит побывать в вашем городе.

Как только тронулся поезд, лейтенант рассказал нам о жизни капитана. Родился он и вырос в Рязани, накануне войны был призван в пограничные войска. Застава располагалась в таежной глуши, вдали от железной дороги. В зимнее время сюда лишь изредка приходил обоз с продуктами.

Трудными казались Ивану Важеркину первые дни службы, но потом, как это чаще всего случается, привык, втянулся, встал в ряды опытных и бывалых воинов.

От природы Иван был общительным и душевным человеком, любил смех и шутку, за что его ценили и уважали на заставе. А еще славился Важеркин искусной стрельбой из винтовки. Не только на заставе, во всем отряде не было ему равных.

Когда началась Отечественная война, Важеркин, как и многие его сослуживцы, попросился на фронт. Не сразу удовлетворили просьбу Ивана, потому что на дальневосточной границе в ту пору тоже было неспокойно. Японские вояки выжидали удобный для себя момент, чтобы вторгнуться в пределы нашей страны. Иван Важеркин к тому времени прослужил уже три года, стал командиром отделения. Мысль попасть на фронт не оставляла его ни на минуту. И только тогда, когда враг подошел к Сталинграду, командир отделения Важеркин получил назначение в Дальневосточную дивизию, отправляющуюся на фронт.

Первый бой. Отделение Важеркина залегло под сильным пулеметным и автоматным огнем противника. Попытки бойцов хоть немного продвинуться вперед не увенчались успехом. «Неужели нет выхода? — подумал Важеркин. — Быть не может!» Укрываясь за грудой земли, образовавшейся от мощного взрыва, Иван отполз назад и, маскируясь в кустарнике, стал наблюдать за противником. Скоро он заметил фашистского автоматчика и, тщательно пристрелявшись, выст-

релил в него. Автомат умолк. Важеркин взял на мушку второго, третьего фашиста... Огонь со стороны противника ослаб.

Рассказывая об этом бое в письме к однополчанам, Важеркин писал: «С того дня появилась у меня страсть к прицельному одиночному огню. Я стал более наблюдательным, а навыки, приобретенные на границе, помогли мне стать не только снайпером, но и разведчиком».

Зимой 1943 года, когда рота готовилась к наступлению, вместе со своим напарником старшиной Кудряшовым Иван получил задание с началом атаки уничтожить вражеских пулеметчиков, замаскированных в овраге.

Важеркин вышел на передний край, стал тщательно изучать местность. За видневшимся небольшим бугром он заметил пулемет, правее его маячил расчет минометчиков.

Он ничем не выдавал себя, ждал сигнала. Как только его рота бросилась в атаку, заговорил вражеский пулемет, засвистели первые мины. Снайперы меткими выстрелами уничтожили расчет пулемета, а вскоре заставили замолчать и миномет.

Однако, когда наши цепи приблизились к окопам противника, пулемет снова ожил. Снайперы быстро оценили положение. Одного гитлеровца поразил Иван, второго настигла пуля Кудряшова. Когда бойцы ворвались в траншею, около пулемета лежало четверо убитых гитлеровцев.

День ото дня росло мастерство Важеркина, и ему поручали все более сложные и ответственные боевые задачи.

Однажды группа бойцов под его командованием получила приказ проникнуть за линию фронта и с началом наступления наших подразделений ударить по отступающему врагу. Бесшумно преодолев минные поля, проволочные заграждения и дозоры, пограничники к рассвету оказались в тылу врага. Заняв огневую позицию на скате высоты, господствующей над окружающей местностью, Важеркин организовал оборону.

Не успели бойцы зарыться в землю, как завязался бой наших частей, перешедших в атаку. Натиск был настолько стремительным и неожиданным для фашистов, что они, не выдержав штурма, побежали. Враже-

ские солдаты и офицеры устремились к высоте, где находилась группа Важеркина. И тут же заговорил ручной пулемет и открыли огонь автоматчики. Важеркин и Кудряшов меткими выстрелами снимали вражеских офицеров. В рядах врага началась паника. Совместно с подразделениями, подошедшими с фронта, было убито и взято в плен до батальона гитлеровцев.

Во время дерзких вылазок в тыл врага сержант Важеркин отличился не только снайперским мастерством, но и искусством разведчика. Особенно дерзкой была его вылазка на одном из участков нашей обороны на Курской дуге. Гитлеровцы создали сильно укрепленные позиции и прикрыли местность сплошными минными полями. В ночное время они постоянно освещали ракетами и обстреливали буквально каждую пядь земли. В таких условиях захватить «языка» практически невозможно, но необходимость в том была неотложная. Вот тут-то выбор пал на сержанта Важеркина. Перед ним была поставлена задача проникнуть в тыл врага и захватить вражеского офицера.

Несколько дней готовился к выполнению задания взвод разведчиков. Объектом для нападения был фашистский дзот, в котором, как установило наблюдение, находились офицер и восемь солдат. Выдвинувшись к переднему краю, Важеркин установил наблюдение, выслал вперед саперов. После смены вражеских постов по сигналу командира вперед поползли ефрейтор Синицын и боец Трунов, наиболее опытные разведчики. Бесшумно сняв часовых, они дали условный сигнал «Путь свободен!»

Все шло по плану. Однако достигнув дзота, Важеркин вдруг увидел открытую настежь дверь землянки, из которой вырывался луч света. Медлить было нельзя. Важеркин и двое бойцов по-пластунски добрались до освещенной двери, бросили в нее гранаты и сразу же ворвались в дзот. Оставшиеся в живых два солдата и офицер подняли руки. Захватив пленных, группа с боем начала отходить.

Дерзкий налет разведчиков всполошил врага: до самого утра не прекращался пулеметный и минометный огонь. А в это время в штабе дивизии пленный офицер сообщал ценные сведения о готовящемся наступлении гитлеровцев.

Исключительное геройство и умение Иван Важеркин проявил в боях за Новгород-Северский при форсировании Десны. Под огнем противника старший сержант в числе первых переплыл реку и вместе со своими однополчанами обеспечил переправу стрелкового батальона. В бою за Новгород-Северский Важеркин принял на себя командование ротой, поднял бойцов в атаку и ворвался в город. Рота под командованием Важеркина прошла с боями около двухсот километров и в жестоких схватках с врагом освободила свыше десяти населенных пунктов.

За этот подвиг в январе 1944 года Ивану Васильевичу Важеркину присвоено звание Героя Советского Союза.

— Так, значит, вы рассказали о нашем капитане — соседе по купе?— удивленно спросил замолчавшего лейтенанта Николай.

— Да, именно о нем. Кстати, Важеркин награжден и многими другими боевыми орденами и медалями,— ответил лейтенант,— а сейчас едет из Москвы с совещания командиров отличных подразделений. Именными часами его наградили.

— А увидим ли мы еще капитана?— спросил я рассказчика, вспомнив прощальные слова офицера.

— Конечно,— ответил он,— если будете у нас в училище. Капитан заехал к своему однокашнику старшине Кудряшову. Под Белгородом он живет. Там они когда-то вместе воевали.

Нас, будущих курсантов, взволновал рассказ лейтенанта. Его гордость за своего старшего товарища и друга, за свое училище и своих командиров передалась и нам. Когда мы приехали на место, лейтенант познакомил нас с училищем, его боевыми традициями. Мы узнали о подвигах дважды Героя Советского Союза генерала Весина, героев Хасана Батаршина и Чернопятко, заместителя политрука Аркадия Климашевского, грудью закрывшего своего командира.

После приемных экзаменов мы с удовлетворением узнали, что нашим наставником будет не кто-нибудь, а Герой Советского Союза капитан Иван Васильевич Важеркин. Принимая очередное пополнение, боевой офицер поздравил нас с зачислением в училище и пожелал успехов в учебе.

После официальной части мы продолжали беседу

в непринужденной обстановке. Офицер поинтересовался, как мы доехали, спросил, нравятся ли нам город, училище. В свою очередь мы также расспрашивали его. Иван Васильевич, несколько смущаясь, рассказал, что в 1944 году его направили в Алма-Атинское пограничное училище, окончив которое, он служил на границе, затем его перевели на преподавательскую работу.

По-товарищески тепло и просто прошел наш первый откровенный разговор с наставником. Запомнился на всю жизнь дружеский совет, который капитан дал нам как бы между прочим:

— Если будет трудно, верьте в свои силы, в себя. Привыкнете, потом будет легче.

С тех пор прошло два десятка лет, но образ нашего командира, Героя Советского Союза Ивана Васильевича Важеркина служит для нас вдохновляющим примером.

СЛУЧИЛОСЬ ЭТО В ПОДМОСКОВЬЕ

Учения начались с артиллерийской подготовки. В это время курсанты младшего курса авиационного отделения училища внимательно следили за работой своих старших товарищей, которые готовили самолеты к вылету, зная, что через минуту-другую должен последовать приказ о выполнении боевой задачи по поддержке пехоты и кавалерийских частей.

Сильный юго-западный ветер, порой он достигал 18 метров в секунду, затруднял вылет самолетов связи У-2, хотя и не препятствовал использованию истребителей.

Ивану Мещерякову, внимательно следившему за приготовлениями, очень хотелось вместе со старшекурсниками подняться в воздух, однако это было только мечтой: он еще не имел прав на самостоятельный вылет.

Наблюдая за действиями штурмовой группы, Иван подумал, что воздушные атаки выполняются слишком прямолинейно, бесхитростно — никакого элемента внезапности. А кто не знает, что эффективность штурмовиков в таких случаях значительно уменьшается?

Как бы уловив мысли курсанта, начальник авиаотделения Попов, делегат недавно состоявшегося Всесоюзного слета стахановцев ВВС, сказал вгорячах:

— Где же скрытый внезапный подход? Где, спрашивается?

Попов явно был недоволен. С досадой и горечью он говорил это младшим курсантам как бы в назидание на будущее.

— Любой атаке штурмовиков должно предшествовать тщательное изучение местности по карте и с воз-

духа, а также умелая доразведка цели самолетами-разведчиками. Прописная истина, запомните.

— По-моему, не учтена и опасность зенитного огня «противника»,— добавил Иван и продолжил:

— Там, где штурмовики идут в атаку наугад или в «открытую», они всегда обнаруживаются войсками за несколько минут до подхода к цели и в этих случаях несут потери от огня с земли.

— Постой, постой, а ведь правильно мыслишь, товарищ курсант. Еще одна наша недоработка. Помните, товарищи, всегда следует больше уделять внимания тактике действий летчиков в бою.

Подошедшие к Мещерякову и Попову командиры и курсанты включились в обсуждение полетов. Быть может, начальник авиаотделения и забыл бы о пытливом курсанте, если бы не случай.

...День шел к концу. В синеве неба самолет У-2, управляемый Мещеряковым, набирал высоту, чтобы обеспечить прыжок с парашютом курсанта младшего курса Вехова. На спидометре высота 1000 метров. Мещеряков подал команду: «Вылезай!»

— Есть вылезать!— слышится в ответ. Вехов оставил кабину и ступил на плоскость крыла. Мещеряков кивком приободрил однокашника: «Не волнуйся». Затем последовало: «Отделяться!»

Собравшись, Вехов устремился вперед, но, поскользнувшись, зацепился лямкой парашюта за рычаг управления рулей высоты. Подобные ситуации к добру не приводят — это отлично понимали все, кто следил за полетом. Могут погибнуть и парашютист, и машина с пилотом. Понимал сложность ситуации и Мещеряков. Не раздумывая, словно повинуясь инстинкту, он глубоко накренил самолет и тут же увидел: лямки парашюта отцепились, Вехов устремился вниз. Поддерживаемый воздушным потоком купол раскрытого парашюта вздулся и плавно пошел к земле.

Сделав посадку, Иван вылез из кабины и доложил инструктору-летчику о происшествии в полете.

— Молодец, Мещеряков,— похвалил его старший лейтенант,— быть тебе настоящим летчиком.

Иван и сам чувствовал, как с каждым полетом в нем росла уверенность в себе, укреплялись профессиональные навыки. Он с увлечением совершенствовал летное мастерство, охотно и глубоко изучал материаль-

ную часть боевых машин. А то, что современную технику нужно знать твердо, курсанты чувствовали по событиям, которыми жил в то время мир.

Особенно волновала будущих летчиков революционная война в Испании. Многие курсанты не скрывали своего желания участвовать в борьбе против фашизма. Не случайно с чувством глубокого возмущения встретил личный состав пограничного училища весть о пиратской выходке испанских фашистов, потопивших советский корабль «Комсомол».

На митинге выступали многие. Признаться, Иван не собирался говорить с трибуны — к ораторству он человек непривычный. Однако прослушал информацию батальонного комиссара Иванова, не выдержал и попросил слова. Может сказал нескладно, зато от души — то, о чем думал в те минуты:

— Это бандитский акт. Фашисты испытывают наше терпение. Но у нас нервы крепкие. Тем не менее мы, красные пограничники, просим родное правительство принять самые решительные меры по отношению к зарвавшимся фашистским пиратам. Уверен, что по первому зову партии каждый из нас, как один, грудью встанет на защиту своей Родины!

А вскоре после митинга Мещеряков провожал своих старших товарищей в Испанию. Как хотел бы он быть вместе с ними, в одном строю, но впереди — учеба. Может быть, поэтому Иван с еще большей настойчивостью осваивал летное мастерство, помогал товарищам разобраться в теории пилотажа. Этому обязывал его и долг секретаря партийной организации курса. Вот почему когда решался вопрос о том, кому нести почетную вахту в честь открытия VIII съезда Советов, то среди других отличников учебы была названа и фамилия коммуниста Ивана Ивановича Мещерякова.

В листовке, выпущенной в честь открытия очередного съезда Советов, говорилось: «Бойцы-чекисты! Великая честь выпала на долю товарищей, выделенных на почетную вахту: нести службу в дни всенародного торжества. В совершенстве владейте военной техникой, непрерывно изучайте теорию марксизма-ленинизма, будьте готовы по первому зову партии нанести сокрушительный удар всем тем, кто посмеет

посягнуть на независимость и свободу нашей прекрасной, цветущей и счастливой Родины!»

По инициативе Мещерякова партийная организация курса провела несколько собеседований по изучению материалов VIII съезда Советов и организовала помощь слабо успевающим по истории партии. Курсанты глубоко усвоили решения VII конгресса Коминтерна. Отличные знания международных событий, стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий бесспорно помогли будущим летчикам-пограничникам во время экзаменационной сессии. Многие получили высокие оценки.

Недавняя мечта стала явью. В ноябре 1938 года Мещеряков в звании лейтенанта окончил авиационное отделение и был оставлен в учебном авиаотряде. Решение командования на первых порах огорчило Ивана, но он привык к воинской дисциплине и сразу же включился в работу.

Молодой офицер понимал: чтобы обучать других, недостаточно быть только классным пилотом, нужны и навыки педагога-воспитателя. А они не приходят сразу, их собирают по крупицам, и на это иногда требуются годы. Сегодня лейтенант отдавал курсантам все лучшее, что мог дать, все, что сам почерпнул в родном училище. О нем говорили как о подающем надежды летчике-инструкторе. Тем не менее он все больше задумывался над тем, как попасть в авиационную часть по охране границы. Эту мысль Иван высказал как-то в беседе с комиссаром Тимофеевым. Основание было веским:

— В будущем смогу больше дать другим.

Комиссар понял молодого офицера. И уже накануне войны лейтенант Мещеряков был откомандирован в одну из авиаэскадрилий войск НКВД.

Его приезд совпал с перевооружением авиационного парка. Правда, пограничная авиация оставила на вооружении СБ, МБР-2, Р-10, но уже тогда поступали новые «яки». Естественно, что для крылатых пограничников снова наступили дни учебы и совершенствования летного мастерства. Мещеряков вместе со своими товарищами отрабатывал бомбометание с различных высот, воздушную стрельбу из пулеметов по конусу и по мишеням на земле, разные другие элементы.

Утром 22 июня немецкая авиация совершила внезапный налет на Гродно. Фашисты бомбили город и все окрест. По боевой тревоге Мещеряков прибыл на аэродром, но его уже не было. Летное поле изрыто воронками, дымились остовы боевых машин. В воздух успели подняться лишь три самолета Р-10. Они сразу же завязали бой с хорошо вооруженными фашистскими стервятниками. В скоротечном бою пали смертью храбрых старшие лейтенанты П. Р. Пашинин, С. К. Фадеев, В. Г. Красовский, не вернулись с боевого задания А. А. Астахов и В. Г. Пажов.

Первый день войны потряс Мещерякова: погибли товарищи по эскадрилье, сокурсники, воспитанники пограничного военного училища им. Ф. Э. Дзержинского. Не верилось, что их не будет рядом. Не верилось...

Но обстановка усложнялась. Поступил приказ всему личному составу эскадрильи прибыть в пункт, где формировалась отдельная авиационная бригада пограничных войск. Летно-технический состав гродненцев включили в группу по обучению полетам на истребителях МИГ-3. Сроки освоения новой машины самые сжатые: всего полтора месяца. Вместе с капитаном Кудрявцевым и прикомандированным из истребительной авиадивизии летчиком-инструктором молодые авиаторы стремились как можно скорее освоить МИГ, зная, что эту боевую машину ждут, на нее надеются.

На аэродроме часто появлялись представители Московской зоны ПВО. Они рассказывали, что Комитет Обороны принял специальное решение о противовоздушной обороне Москвы, согласно которому и усилена истребительная авиация, прикрывающая столицу. Гости подробно интересовались боевыми делами авиаторов.

Иван Мещеряков догадывался, что приезд представителей из Москвы не случаен. Многие поговаривали, что лучшие летчики будут зачислены в истребительный полк столичной противовоздушной обороны. В минуты отдыха летчики часто и горячо обсуждали ночной трюк прославленного в то время воспитанника комсомола В. В. Талалихина, бесстрашие и высокое летное искусство К. Н. Титенкова и А. Н. Катрюги. Молодые авиаторы с нетерпением ждали того дня,

когда получат право на самостоятельные полеты. Это желание подогревали и тревожные сводки Совинформбюро, сообщавшие о нелегком положении на фронте.

И вот наступил долгожданный день. Члены приемной комиссии придирчиво, строго подошли к отбору летчиков-пограничников для истребительного авиационного полка. Мещерякову больше чем повезло: его контрольный взлет и посадка, а затем и фигуры высшего пилотажа получили наивысшую оценку. Учитывая стаж и опыт работы в пограничной авиации, его назначили командиром звена.

Истребительный авиационный полк, куда назначили старшего лейтенанта Мещерякова, жил уже привычной фронтовой жизнью. И штаб, и все другие помещения части глубоко зарылись в землянки. Полевой аэродром оживал только в минуты боевых вылетов машин.

Доложив командиру полка о прибытии, Мещеряков рассчитывал, что майор, которому он докладывал, поговорит с ним, но тот, оторвавшись на миг от телефонной трубки, чересчур буднично, как старому знакомому, сказал:

— Здравствуй, старший лейтенант, с твоей службой знаком по личному делу. Кудрявцев хорошо отзывается о тебе, а ему-то я верю — вместе осваивали небо! Зайди к начальнику штаба и принимай звено. Впрочем, звена еще нет, но будет.

И снова взялся за телефонную трубку, как бы давая понять, что разговор окончен. Мещеряков несколько помедлил, затем направился в соседнее помещение, где находились операторы, а вместе с ними рослый капитан. В ту минуту он горячо в чем-то убеждал старшего техника-лейтенанта. Уловив по интонациям голоса и отрывкам слов, что капитан и есть начальник штаба, Иван представился ему, однако тот кивнул в сторону сидящего рядом майора. Видимо, Иван смутился, а капитан, поняв его, уточнил, снова кивнув на майора:

— Это и есть ваш командир эскадрильи, старший лейтенант. С ним и решайте все деловые вопросы.— И опять повернулся к собеседнику.

Представившись майору, Мещеряков всматривался в его лицо. Оно было несколько полноватое, с волевым подбородком и выражением уверенности и силы; голубые глаза, в которых затаилась смешинка, говори-

ли в то же время, что это веселый и добродушный человек. Характеристику дополняли два боевых ордена Красного Знамени и нагрудный знак участника боев на Хасане.

«С таким воевать можно»,— подумал про себя Иван и пожал широкую и крепкую ладонь майора.

— Рад нашему знакомству,— ответил тот немного хрипловатым баском. И еще раз внимательно посмотрев на Мещерякова, спросил:

— Значит, пограничник?

— Да, служил в пограничной авиации.

— Знаком, знаком с вашим братом, еще по Дальнему Востоку. А сам откуда?

— С Нижней Добрынки Сталинградской области.

— Это где же она?— вслух размышлял майор.

— Ближе к Миллерово, если слышали,— ответил Иван.

— А-а, вот оно что! Значит, земляки. Я ведь с Донбасса, ворошиловградский.

Приветливо улыбнулся, и снова вопрос:

— Комсомолец?

— Член партии с 1932 года,— ответил Мещеряков.— Вступил еще до армии, когда работал на стройке Сталинградского тракторного.

— Что же, неплохую школу прошел.

— Не обижаюсь,— ответил Иван.

— А летное где кончал?

— В Харьковском пограничном.

— Слыхал, неплохие кадры там готовят. Впрочем, и в нашем полку есть несколько человек из Харьковского. А служить где приходилось?

— После училища с год работал летчиком-инструктором по технике пилотирования и теории полетов.

— Это то, что нам требуется,— ответил майор.— Кстати, у меня как раз заместителя нет.

Иван не ожидал такого оборота.

— Думаю, товарищ майор, рано мне ходить в заместителях, сначала надо подрасти, попробовать силы в практических делах...

— Пожалуй, ты прав, старший лейтенант.— И еще о чем-то подумав, решительно сказал:

— Пойдем, познакомлю с эскадрильей.

...Мещеряков вылетел на первое боевое задание в

паре с командиром эскадрильи. Практически это был пробный полет. А когда через несколько дней в полк прибыло пополнение летчиков, он стал летать в составе нового звена.

Каждый день приносил летчикам и радости и огорчения. Кто-то был именинником, сбив очередного фашистского стервятника, а кто-то попадал под огонь «мессершмитта», терял самолет или погибал в бою. Радовались и грустили так, как это бывает в очень дружной и хорошей семье.

Авторитет Мещерякова как первоклассного летчика рос и утверждался от полета к полету. Все тверже становился в небе его почерк. Никто в полку не скрывал своего восхищения, когда тройка старшего лейтенанта была поднята для уничтожения шести прорвавшихся через зону обороны вражеских самолетов.

Как всегда, набрав высоту, Иван внимательно осмотрел горизонт и, не обнаружив вражеских самолетов, взял курс в западном направлении. «Где-то они должны быть неподалеку»,— отметил он про себя и, покачав крыльями, развернул свою машину на северо-запад. А вскоре Мещеряков заметил чуть ниже шестерку «юнкерсов». «Бить по головному»,— молнией промелькнула мысль. Он подал сигнал «иду в атаку» и стремительно ринулся на строй вражеских самолетов. Его МИГ несся прямо на ведущего. Иван уже поймал его на прицел, но не спешил, подходя все ближе и ближе к врагу. Казалось, вот-вот его самолет врежется во вражеский бомбардировщик. Отчетливо было видно, как огненная трасса мещеряковского МИГа прошила «юнкерс». Не успев выстрелить, тот вспыхнул и, оставляя шлейф черного дыма, резко пошел к земле.

Другой бомбардировщик, подбитый ведомым, пытался спастись, сбрасывая бомбовый груз. Но было поздно — он пошел вниз. Оставшиеся четыре «юнкерса» открыли огонь по истребителям из пушек и пулеметов и, не меняя курса, продолжали полет. Что это, смелость или холодный расчет?

Мещеряков развернул машину, не теряя из вида бомбардировщиков, и начал набирать высоту, звено послушно последовало за ним. Дав полный газ, вся тройка дружно устремилась к вражеским самолетам. Видно, сдали нервы у фашистских асов. Чтобы облег-

чить машины, фашисты беспорядочно стали сбрасывать бомбовый груз и тут же развернулись, отчаянно стараясь уйти от тройки. Мещеряков выбрал ближайший бомбардировщик и старался настичь его. Ведомый шел рядом. Фашист на прицеле. Иван нажал на гашетки пулеметов и сразу почувствовал — все боеприпасы израсходованы.

На секунду растерявшись, Мещеряков потерял контроль над собой. В то мгновение он думал об одном — надо сбить врага, иначе уйдет. Все решит только скорость. Он дал полный газ и начал заходить в хвост бомбардировщику. Лопасть винта прошила рулевое управление машины с черными крестами на крыльях. Бомбардировщик резко накренился и полетел вниз. На всякий случай ведомый дал вслед ему очередь из пулемета. Другие бомбардировщики спешно уходили на запад. Никто из них и не помышлял помочь своему коллеге, поддержать его.

Но и мещеряковское звено не стало завершать начатую атаку: горючее на исходе. Через несколько минут истребители благополучно приземлились на своем аэродроме. Устало открыв фонарь, Мещеряков вылез из самолета и направился к землянке командира полка. У входа вместе с командиром стоял генерал и несколько других незнакомых авиационных офицеров. Видимо, все они были в курсе дела, так как генерал опередил рапорт Ивана. Он приветливо протянул руку и сказал:

— Поздравляю вас, старший лейтенант, с боевым крещением. Молодцом, по-пограничному бьете врага. Желаю дальнейших успехов.— И тут же, повернувшись к командиру полка, добавил:

— Подготовьте наградные документы. Дрались ребята геройски.

В столовой, куда затем направился Мещеряков, его встретили шумом, улыбками, поздравлениями.

— С тебя причитается, Иван Иванович,— сказал ему командир эскадрильи.— Так их и надо бить, чтобы ни один не прошел к столице.

Мещеряков вконец смутился: слишком много впечатлений за один день — и напряженный бой, и встреча с генералом, и чествование товарищей.

Ему хотелось сказать в ответ что-нибудь доброе, хорошее, только нужные слова вдруг вылетели из

головы. Как и в бою, выручили остальные члены звена. Едва они появились в дверях, старший лейтенант обратился к майору:

— Вот кто настоящие асы. Петров, например, с первой очереди сбил бомбардировщик. Впрочем, оба действовали смело и решительно, а ведь за штурвалом совсем недавно...

— Но ты, Иван Иванович, не скромничай. Кстати, за вашим поединком сам командующий ПВО генерал Громадин наблюдал, ясно?

— Так это был командующий?— удивился Мещеряков.

— То-то и оно, дорогой мой,— ответил майор.

После столовой Мещеряков зашел в штабную землянку. Каково же было его смущение, когда он увидел на деревянной стене листовку-молнию с призывом: «Бейте фашистских стервятников так, как бьет их коммунист Иван Мещеряков». А рядом с призывом небольшой текст, рассказывающий о только что закончившемся бое.

Иван коротко доложил о готовности звена к выполнению боевых заданий, получил разрешение на отдых. Он отправился к своим ребятам, чтобы детально разобрать полет, обсудить недостатки воздушного боя. Успех успехом, но он чувствовал, что на какое-то время в бою упустил управление звеном, увлекся преследованием. Иногда подобные вещи дорого обходятся, об этом и говорили откровенно всем звеном. Проанализировали все до мелочей, еще раз условились о сигналах управления — на будущее пригодится.

Стояла поздняя подмосковная осень. Только молодые березки почему-то не спешили сбросить свой желто-золотистый наряд. Глядя на них, Иван вспомнил родные донские степи, овеянные ветрами и опаленные летним солнцем. Как долго он не видел их, кажется, целую вечность. Так захотелось побывать дома. Вздохнув, он направился в землянку, решив написать родным коротенькое фронтовое письмо.

...Летели дни за днями, похожие один на другой. Каждый пилот отмечал их на своем лицевом счету. У Мещерякова — восемь сбитых вражеских машин. В середине ноября авиаэскадрилья, которой временно командовал Мещеряков, перебазировалась на аэро-

дром, расположенный на дальних подступах к Москве. Такое расположение давало возможность перехватывать вражеские самолеты еще задолго до их подлета к цели и завязывать воздушные бои за пределами столицы.

По сигналу, поступившему как-то с поста наблюдения, эскадрилья быстро поднялась в воздух. Мещеряковский МИГ скоро набрал высоту, даже ведомый несколько отстал. Но это не тревожило его, он верил в мастерство своих товарищей, всегда чувствовал их локоть, поддержку. Учитывая, что вражеские бомбардировщики и прикрывавшие их истребители проводили полеты на больших высотах, девятка «мигов» устремилась в заоблачную высь. На отметке семь тысяч метров истребители приняли боевой порядок.

Капитан Мещеряков у горизонта заметил вражеские машины. С тяжелым грузом шли на Москву бомбардировщики, прикрываемые истребителями. Сколько их? Иван насчитал только бомбардировщиков не менее двух десятков. Прикинув расстояние и определив высоту, командир эскадрильи принял решение атаковать и дал команду зайти со стороны солнца. Когда убедился, что его условные сигналы приняты, резко бросил свой МИГ на восходящую вертикаль, затем выровнял самолет и устремился к вражеским бомбардировщикам. Главный расчет — внезапность, такой маневр всегда оправдывал себя.

И вот «миги» всей девяткой обрушились на «юнкерсы». Фашисты явно не рассчитывали на дерзкую атаку. Они даже не успели открыть огонь, как три их машины с ревом рухнули вниз. Ведущего прошил огненной пулеметной трассой капитан Мещеряков.

С двумя ведомыми Иван сделал левый разворот и устремился на вражеские истребители, остальные «миги» продолжали вести бой с бомбардировщиками. Те отстреливались из пушек и пулеметов, упорно следуя намеченным курсом — к цели. Еще два «юнкерса», вспыхнув, полетели вниз. Прямым попаданием снаряда был сбит и наш истребитель.

В небе с черными шлейфами дыма завертелась адская карусель. В этой круговерти на счету каждая секунда. Малейшая оплошность может стоить жизни.

Мещеряков снова бросил свой самолет вверх и, сделав крутую горку, оказался над одним из «мессе-

ров». Уловив в прицел вражеского пилота, Иван дал длинную очередь. «Мессер» перевалился на правое крыло, задымил и сорвался в штопор. А в это время ведомые завязали бой с тремя фашистами, которые воспользовались тем, что машина капитана оказалась ниже их. Гитлеровцы, конечно же, не хотели упустить представившуюся им возможность сбить мещеряковскую машину.

Налетевшие откуда-то облака не позволяли вести бой на горизонталях, что также было на руку врагам. Ивану все же можно было выйти из боя, но не таков Мещеряков: слишком люто ненавидел он врагов. Даже в невыгодной для себя ситуации сумел он уловить оплошность одного из «мессеров», который попросту не успел набрать высоту. Капитан обрушил на него огонь пулемета, но тот упорно продолжал свой маневр. «Далековато»,— подумал про себя Мещеряков и, приблизившись, снова открыл стрельбу. Вражеский истребитель качнулся и, не завершив начатый разворот, пошел вниз.

Еще раз посмотрев на сбитый истребитель, капитан огляделся и сразу же оценил обстановку: правый ведомый оказался в затруднительном положении. Сверху на него насели два «мессера», второго ведомого поблизости нигде не было. «Неужели сбили?» — подумал Иван и ринулся на выручку товарища. Но «мессеры» на этот раз были внимательны. Будто нехотя, они отвалили в сторону, но пилоты, видимо, сообразили, что у Мещерякова кончились боеприпасы. Они оставили в покое ведомого и бросились к самолету комэска.

Иван отлично понимал, в каком положении находится, тем не менее был доволен, что отвлек беду от товарища по звену. Он развернул самолет и направил его прямо на ближайший «мессер». Шел в лобовую, не собираясь менять курса. Теперь он был полон решимости сбить вражеский самолет даже ценой своей жизни. Внутренне он был готов к подвигу и смерти.

Расчет же фашистского аса технически прост: нервы советского пилота не выдержат, он сделает горку и в этот момент его прошьет пулеметная очередь. Шансов на жизнь у Ивана оставалось мало. Он почувствовал, с какой силой сжала рука рули управления и ясно увидел лицо фашистского летчика — растерян-

ное, искаженное страхом. Вражеский летчик уже не мог управлять ни собой, ни своей машиной.

Мещеряков ухмыльнулся. Он знал, что фашист деморализован и теперь уже не способен уйти от расплаты. Раздался оглушительный взрыв, вспыхнуло черно-красное пламя...

На аэродром вернулись только шесть «мигов». Летчики молча вылезли из кабин своих самолетов и тяжелой походкой направились к штабу. Им предстояло сообщить о героическом подвиге своего командира.

О воспитаннике пограничных войск узнала вся страна. Указом Президиума Верховного Совета СССР коммунисту Ивану Ивановичу Мещерякову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Случилось это в Подмосковье, в трудное для столицы и Родины время.

«ОГОНЬ — НА МЕНЯ!»

За столом шла оживленная беседа. Особенно выделялся военный с ромбом в петлице. Старший по званию, он тем не менее больше молчал, внимательно слушал большеголового, седого, как лунь, человека, сидевшего слева.

Изредка в разговор вмешивался военный комиссар, неторопливо прохаживавшийся по небольшой комнате.

— Почему вы оба настаиваете на том, чтобы Лихатворика направить на дальневосточную границу? Ведь это прекрасная кандидатура для рекомендации в школу младших командиров.

— Не понимаю твоего упрямства, Николай. Вспомни, как когда-то решалась твоя судьба. Ты тоже просился на курсы красных командиров. Вот и прикинь, как бы все сложилось, если б тебя не направили в то время?

— Да,— поддержал седовласый,— мы учли тогда твое желание. И вот, пожалуйста, в комбригах ходишь. Полагаешь, что хорошие ребята только в твои полки нужны, а о границе забыл?

— Пойми меня правильно. Владимир несколько раз приходил ко мне в уком и просил, чтобы его направили на границу. Я пообещал ему. Разве откажешь сыну лучшего боевого товарища?

— Думаю, что наш партийный секретарь прав, Лихатворика необходимо направить в пограничные войска,— включился в разговор военком.— Мы тоже знаем Владимира. Замечательный вожак молодежи, серьезный, принципиальный парень, вполне заслуживает того, чтобы нести службу на переднем крае нашей страны.

— Дорогой Василий Перфирьевич,— сопротивлялся комбриг,— если так настаиваете, ничего против не имею. Только скажу откровенно, жаль расставаться с ним, очень жаль...

Через несколько дней поезд увозил на Дальний Восток очередное пополнение в пограничные части. В одном из вагонов ехал Владимир со своими товарищами. Он был в приподнятом настроении. Его мечта сбылась. Он станет пограничником.

Между тем граница встретила молодого парня сурово. На пограничном пикете, куда вскоре, после непродолжительного обучения, направили красноармейца Лихатворика, жизнь шла своим размеренным порядком. Бойцы уходили в дозоры и секреты, отдыхали, чистили оружие и занимались учебой. Время рассчитано не то что на часы, на минуты. Ни для скуки, ни для безделья его не оставалось.

Постоянная напряженная жизнь и тревожная нелегкая служба сплотили небольшой, но дружный коллектив. Владимиру порой даже казалось, что он в родной семье, где друг о друге проявляют самую неподдельную заботу и внимание. Товарищи по оружию помогли втянуться в ритм суровой солдатской жизни, охотно помогали преодолевать все тяготы ее.

Не сразу давались премудрости границы. Владимир старался постичь их, приглядывался к тем, кто опытнее. В те годы, когда советские люди начали выполнять первый пятилетний план, империалисты пытались сорвать мирный труд молодой республики Советов. Особенно активизировали свою деятельность белокитайцы, подстрекаемые заокеанскими финансистами и политиканами. Они усилили провокации на дальневосточной границе, засылали в Советский Союз шпионов и диверсантов. Им активно помогали «знатоки» России — белогвардейцы, некогда бежавшие за кордон. Чтобы подорвать экономику Советской власти, они переправляли контрабандные товары, различные ценности. В ту пору многие пограничники имели на своем счету задержания, нередко вступали в вооруженные схватки с жестоким и коварным врагом.

Настало время, когда Владимиру поручили самостоятельно выполнять боевые задачи. Как-то с красноармейцем Ивановым он был назначен в секрет.

Вместе расположились в кустарнике на выходе из долины Голубая пядь, которая начиналась сразу за кордоном.

Стояла привычная тишина, лишь изредка слышался слабый треск кустарника и разноголосый шум птиц. Постепенно вечернюю мглу сменила беспросветная глухая ночь. Каждый звук теперь особенно настораживал и заставлял напряженно вглядываться в темноту.

Лихатворик внимательно всматривался в едва различимые на фоне небольшой поляны кустарники и пни. Напрягая зрение до рези в глазах, неожиданно он увидел, как в предрассветной темноте от обрыва в их сторону стало двигаться что-то темное. Отчетливо раздался треск надломленного кустарника. Невольно руки еще сильнее сжали винтовку. Лихатворик жестом дал сигнал Иванову «изготовиться к стрельбе», а сам продолжал наблюдать за местностью.

Неужели нарушители? Сколько их? Шум усилился. Теперь уже ясно, что неизвестный или неизвестные пробирались через кустарниковый суховей, стараясь быть незамеченными.

Пограничники замерли, казалось, было слышно как стучали их сердца. Каждому невольно вспомнились слова командира: «Ваша задача не пропустить нарушителя, взять его живым. Огонь открывать только в случае крайней необходимости. Действуйте скрытно, без шума, решительно».

Еще мгновение — и Лихатворик нажал бы на спуск, но удержался, преодолел нестерпимое желание разрядить винтовку. И в ту же минуту отчетливо увидел, как на поляну выбежали... медведи. Звери степенно, друг за другом направились в сторону наряда.

Пограничники буквально опешили от неожиданности, не успели еще принять решение, как на той стороне, откуда спешили потревоженные звери, показались человеческие фигуры.

Впереди вышагивал, озираясь по сторонам, высокий бородатый мужчина в полувоенной форме, с берданкой через плечо. За ним, сгибаясь под тяжестью, видимо, нелегкой ноши, следовали двое. Медведи, учуяв людей, в нерешительности постояли некоторое время на месте, затем быстро скрылись в кустарнике на противоположной стороне.

«Кто бы это мог быть? — подумал Лихатворик.— А может, случайные охотники? Но ведь в долину ведет путь только из-за кордона».

Между тем трое неизвестных продолжали свой путь, о чем-то оживленно споря приглушенными голосами. Понять их разговор было трудно, до пограничников долетали лишь отдельные обрывки фраз: «дорога», «змеиное болото», «мост». И даже этих слов было достаточно, чтобы понять, что речь идет о тропе контрабандистов. Лихатворик вспомнил рассказ командира отделения Василия Петриченко о той тропе.

Сомнений не оставалось — перед пограничниками враги. Как поступить? Задерживать сейчас или выждать, когда подойдут вплотную? «Нет, только сейчас»,— принял решение Лихатворик и, подав сигнал Иванову, выбежал на поляну, крикнул:

— Ни с места! Руки вверх! Боец Иванов, заходите справа, остальные — слева!

Внезапность и решительность пограничника ошеломили диверсантов, они дружно подняли руки. Однако бородатый вдруг прыгнул в сторону и кинулся бежать.

«Да ведь это проводник,— мелькнула мысль у пограничника.— Если убежит, снова будет продолжать свое гнусное дело». Владимир плотнее прижал винтовку к плечу, и плавно, как на учениях, нажал на спусковой крючок. Прогремел выстрел. Бородатый, вскинув руки, словно подкошенный, упал наземь. Обыскав труп, пограничники отконвоировали контрабандистов на заставу.

У задержанных изъяли контрабандный товар на несколько тысяч рублей. А вскоре выяснилась и личность неудачливого бородача. Им оказался ярый враг Советской власти белогвардеец Левашев, чьи руки обагрены кровью многих советских людей. Последние несколько лет этот бандит занимался переправкой диверсантов в нашу страну. Многие пограничники мечтали изловить Левашева, а вот повезло Лихатворику. Товарищи по-хорошему завидовали ему: «Ай да Володя!»

За проявленную бдительность и мужество красноармейцам Лихатворику и Иванову была объявлена благодарность, им вручили ценные подарки.

— С почином,— поздравляли боевые товарищи смущенного Владимира и желали ему ни пуха ни пера. И кто мог предположить тогда, что в середине тридцатых годов Владимир станет командовать заставой?

Неутомимый в работе, Лихатворик жадно тянулся к знаниям, мечтал о том, когда по-настоящему возьмется за учебу. Командование пошло ему навстречу. Владимир Лихатворик стал слушателем пограничной школы: границе требовались грамотные, опытные командиры. В день выпуска ему предложили поехать в Казахстан, на что молодой офицер ответил согласием.

Ширские ковыльные степи, простирающиеся на участке пограничного отряда, виднеющиеся вдали белоснежные вершины отрогов Заилийского Алатау и жгучее солнце полюбились чекисту, а беспокойная пограничная служба сроднила его с приветливыми и гостеприимными местными жителями. Правда, не забывалась и дальневосточная граница, где делал первые самостоятельные шаги в военной службе. Быть может поэтому частые тревоги, бои с бандами, преследование нарушителей границы не казались диковинкой, а вполне обычным и даже закономерным делом. Иной служба на границе, во всяком случае для него, не мыслилась. Однако привычная соразмерность жизни круто переменилась: грянул год Великой Отечественной войны.

Привыкший к суровой боевой службе на границе, капитан Лихатворик отправился на фронт в составе первых эшелонов. Тысячи километров прошел офицер-чекист по огненным дорогам войны, участвовал во многих боях, освобождал родную землю от немецких захватчиков, громил врага в его логове. Однополчане видели в нем отважного и неустрашимого человека, умелого командира и заботливого товарища.

...Это произошло весной 1944 года. Батальон под командованием Владимира Лихатворика ворвался в город, завязались жестокие уличные бои. Штурмовые группы батальона с трудом продвигались вперед. На пути встало сильно укрепленное кирпичное здание. Попытки наших воинов с ходу овладеть им не увенчались успехом. Одна атака сорвалась, другая, третья...

Фашисты располагали дзотами, укрепленными подвалами домов, откуда вели сильный минометный, пулеметный и автоматный огонь. В кирпичных зданиях гитлеровцы оборудовали даже огневые позиции для артиллерийских орудий.

Майор Лихатворик вызвал к себе командиров рот и штурмовых групп, уточнил задачи и разъяснил важность захвата населенного пункта. Не уничтожив в этом месте врага, нельзя рассчитывать на дальнейший успех.

После короткой артиллерийской подготовки бойцы штурмовых групп, наступая вслед за танками, неожиданным и дерзким по смелости броском преодолели простреливаемые участки и, забросав гранатами амбразуры вражеских пулеметов, ворвались в укрепленное здание. Гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия, пытаясь удержать город. Однако бойцы из подразделения Лихатворика, преодолев яростное сопротивление немцев, занимали дзоты, окопы и укрепленные дома, очищая квартал за кварталом.

Попытки фашистов скрытно подтянуть резервы и контратаковать наступающих были своевременно замечены командиром батальона. В нужный момент он ввел в бой второй эшелон и совместно с наступающими отбросил врага. Внезапно открытый ружейно-пулеметный огонь затруднил маневр противника, его ряды смешались, стали откатываться назад и тут же угодили под минометный огонь.

Батальон вслед за танками отбивал квартал за кварталом и овладел важным районом города. Рассказывая о подвиге бойцов подразделения Лихатворика, фронтовая газета «Бей фашистов» 16 апреля 1944 года писала:

«Бойцы подразделения нашей части под руководством командира тов. Лихатворика в боях за пункт X нанесли серьезный урон противнику в живой силе и технике. Стремительным натиском фашисты выбиты из семи кварталов. Овладение этим рубежом населенного пункта имеет большое значение. Сейчас мы имеем возможность еще сильнее сковать оставшиеся силы врага...

Товарищи бойцы, командиры и политработники! Перенимайте опыт подразделения тов. Лихатворика!..»

Январь 1945 года. Полк под командованием подполковника Лихатворика прорвал сильно укрепленные позиции противника в районе Торговище югозападнее города Ковель и, стремительно преследуя врага, сбивая его с промежуточных рубежей, с ходу на подручных средствах форсировал реку Западный Буг, захватив удобный для себя плацдарм. Развивая успех, подразделения полка обходным маневром уничтожили противника, а в ночном бою штурмом овладели важным стратегическим пунктом и железнодорожным узлом Холм.

За отличные боевые действия в этой боевой операции приказом Верховного Главнокомандующего командиру полка и всему личному составу была объявлена благодарность. Родина салютовала героям, а на груди полковника Лихатворика прибавился еще один орден Красного Знамени.

Навсегда памятным для Владимира Сергеевича стал бой за освобождение Варшавы. В ту пору, поздней осенью 1944 года, стрелковый полк Лихатворика с боями продвигался по польской земле. Подразделения в стремительном порыве отбивали один за другим населенные пункты и города нашего соседнего государства. Благодарный польский народ встречал освободителей цветами и счастливыми улыбками — минули для него тяжелые годы фашистского гнета. Но враг еще был силен: каждый населенный пункт, водную преграду приходилось брать только после упорных и кровопролитных боев. Многие советские бойцы и командиры навечно остались лежать на польской земле.

Достигнув Вислы, полк получил задачу форсировать реку и овладеть плацдармом на западном берегу. Командир дивизии, развернув карту, сказал Лихатворику:

— Владимир Степанович, предстоит ответственная задача... От ее выполнения зависит дальнейший успех наших войск. Командование надеется, что твои бойцы проявят умение и героизм.— И указал на паромные пункты переправы. А на прощание — лишь одно слово: «Надеюсь!»

В подразделениях были проведены экстренные совещания командиров и политработников полка, партийные и комсомольские собрания. Каждому бойцу

была разъяснена задача подразделения и его место в бою.

Погода благоприятствовала скрытному форсированию: над Вислой стоял плотный туман.

Ранним утром бойцы первого батальона на лодках и подручных средствах форсировали реку. Первым на противоположный берег ступил командир полка.

Фашисты, обнаружив переправу, открыли ураганный огонь из всех видов оружия, однако штурмовавшие где перебежкой, где по-пластунски упорно продвигались вперед к темнеющим вдали вражеским окопам. По сигналу командира артиллеристы открыли беглый огонь по опорным пунктам врага, а когда пехота приблизилась к первой траншее, в воздух взлетела ракета. Сигнал атаки. Словно смерч, сметая все на своем пути, рванулись цепи бойцов, завязывалась рукопашная схватка.

С командного пункта полковник Лихатворик умело руководил боем, своевременно переносил огонь артиллерии на наиболее укрепленные участки. Гитлеровцы не выдержали штурма, дрогнули, побежали. Плацдарм противника был захвачен. Однако никто не тешил себя мыслью, что гитлеровцы смирятся с потерей. Командир знал, что немцы предпримут отчаянную попытку отбросить батальон к Висле. Отдавая короткие распоряжения, он лично приступил к организации обороны, выдвинул на танкоопасные направления противотанковые огневые средства, уточнил задачи артиллерии и минометам.

Вскоре, вслед за огневым валом немцы перешли в наступление. На позиции батальона обрушился шквал огня и металла. Казалось, не было на участке места, не прошитого осколками и пулями. Плацдарм пылал. Облако черно-красной пыли поднималось высоко к небу. Как только артиллерия противника переносила огонь в другом направлении, позиции советских воинов оживали. Неоднократные атаки гитлеровцев были отбиты, но они вновь и вновь штурмовали позиции батальона.

В разгар боя полковник Лихатворик был ранен в плечо. Фельдшер настаивал на госпитализации, на что командир ответил решительно и твердо: «Мое место здесь, среди своих однополчан». Перечить не было смысла. Командир неумолим. После перевязки он

продолжал руководить боем. Да и как можно поступить иначе, если на плацдарм в развернутом строе, ведя огонь на ходу, шли около сорока вражеских танков.

Столбы пыли, лязг гусениц и непрерывный огонь пушек и пулеметов могли устрашить и бывалых воинов. Командир выдвинул батарею на левый фланг и увидел, как два «тигра» прорвались на позиции первой роты, начав утюжить ее окопы. Перед одним из бронированных чудовищ вдруг поднялась легкая фигура солдата-казаха Жактубетова. Короткое мгновение — и танк от метко брошенной гранаты неуклюже завертелся на месте, два других запылали факелами. Четыре танка подбили артиллеристы, однако удержать стальную лавину у них не хватило сил.

Полковник Лихатворик вызвал по рации командира дивизии и попросил открыть огонь по плацдарму. Генерал, удивленный этой просьбой, спросил: «А как же твои люди, батальон?» — «Прошу огонь на меня!» — потребовал Лихатворик.

Артиллерия открыла огонь. Наступающая за танками пехота противника была уничтожена, более тридцати танков запылали страшными кострами. К вечеру фашисты не выдержали, отступили. А когда над Вислой начали сгущаться сумерки, части дивизии начали переправу.

Солдаты Лихатворика выстояли. Не покинул поле боя и командир. Развивая наступление, полк с марша вступил в бой за Познань и овладел двумя фортами, прикрывающими подступы к городу, занял 15 кварталов в юго-западной его части, затем вышел на его западную окраину.

Родина высоко оценила полководческий талант полковника Владимира Степановича Лихатворика. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 февраля 1945 года ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

За активные боевые действия на польской земле, за освобождение ее от фашистских захватчиков правительство Польской Народной Республики наградило чекиста из Казахстана «Крестом Храбрых».

...Минули годы войны. Владимир Степанович после службы в армии поселился в украинском городе Ирпень. Много дел и забот у ветерана. Он уважае-

мый человек — депутат городского Совета. К нему идут люди за помощью, за советами и добрым словом. Особенно частыми гостями Владимира Степановича бывают школьники. Нужно ли говорить, с каким вниманием слушают они рассказы боевого командира, героя Великой Отечественной войны? Есть о чем вспомнить В. С. Лихатворику — всю жизнь на переднем крае. Всю жизнь в походе чекист.

Что это значит — быть настоящим пограничником? Такой вопрос нередко задают Владимиру Степановичу его юные друзья. «Нужно воспитать в себе волю, выдержку,— отвечает он ребятам,— и о науке, о спорте подумать надо... Но главное — это любовь к Родине. Только она поможет человеку в любой, даже самый трудный час».

ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ

На одну из традиционных встреч курсанты Высшего пограничного командного училища имени Ф. Э. Дзержинского пригласили бывшего выпускника училища генерал-лейтенанта М. К. Меркулова. Этого вечера ждали, к нему готовились. Что ни говорите, а когда встречаются люди разных поколений, но одной судьбы,— это всегда интересно. И уже в девятнадцать ноль-ноль в клубе не осталось ни одного свободного места.

Внимательно слушали будущие пограничники рассказ генерала, своего наставника, Героя Советского Союза. Матвей Кузьмич назвал в тот вечер имена многих своих боевых друзей и товарищей, которые тревожными ночами уходили в разведку, со связками гранат в руках вступали в поединки с фашистскими танками. Вместе со многими из них М. К. Меркулов в составе пограничного полка прошел трудными дорогами войны от Орла до Берлина.

И вот что поразило во время памятного вечера. Генерал-лейтенант выступил, а о себе не сказал ни слова.

Через несколько дней на стол начальника войск округа вместе со многими служебными документами легло взволнованное письмо курсантов-первокурсников.

«Уважаемый товарищ генерал!— писали они.— Извините за беспокойство, но тогда, в училище, на встрече, мы постеснялись попросить Вас рассказать о себе.

Мы знаем, что в годы Великой Отечественной войны Вы неоднократно проявляли мужество и героизм, а однажды, в трудную минуту боя, рискуя своей жизнью, вызвали огонь на себя.

Все курсанты восхищаются Вашим мужеством, упорством и силой воли, гордятся, что Вы учились в нашем родном училище.

Мы тоже посвятили свою жизнь границе и тоже мечтаем совершить подвиг во имя Родины, а пока постигаем пограничную науку, чтобы прийти служить в Восточный округ.

Еще раз просим Вас рассказать о себе, о том, как Вы стали генералом».

Генерал задумался, еще раз перечитал последние строчки, улыбнулся. Он мысленно вспомнил ту встречу, пытливые глаза юношей в курсантских погонах. Ухмыльнулся:

— Как же ответить вам, дорогие мои курсанты. Собирался ли я быть военным, а тем более генералом?

Кое-кто убежден, что жизнь — это целая вереница всяких случайностей. Конечно, может даже показаться смешным, что простой сельский парень, сирота, некогда мог мечтать стать генералом. Однако и в веренице жизненных случайностей, видно, есть своя закономерность. Человек не существует сам по себе, порой его судьбу вбирает в себя поток таких событий, которые оказывают немалое, а иногда и решающее влияние на всю его жизнь. Бесспорно, главное зависит от самого человека, от многих личных его качеств. Матвей Кузьмич Меркулов считает, что ему повезло.

...На востоке Семипалатинской области, среди бескрайних черноземных равнин и перелесков затерялось небольшое, ничем не примечательное село Новая Шульба. Правда, некогда оно считалось самым богатым в округе.

В ту пору в селе жили в основном старые поселенцы-сибиряки да украинские хлеборобы из Таврии. И тех, и других новошульбинские богачи откровенно презирали. Кержаки — так их называли — чувствовали себя привольно: скота в здешних местах много, землица родила щедро, а батрацких рук — хоть отбавляй.

Пока Кузьма Меркулов, молодой командир Красной Армии, воевал с бандами деникинцев, Марина Трофимовна, мать будущего генерала, трудилась на кулацком поле. Отец вернулся в деревню израненный, но он крепко верил в Советскую власть. Несмотря на плохое здоровье, Кузьма не отлеживался на печи — встречался

с сельчанами, рассказывал им о большевистской правде, о том, к чему звала ленинская партия. Вместе с другими активистами начал раскулачивать новошульбинских богачей.

Когда Матвею исполнилось три года, он остался без отца. Всю заботу о воспитании мальчишки взяли на себя дядя Кузьма Илларионович Меркулов и тетя Екатерина Трофимовна. Добрые и сердечные люди, они не только приютили сироту, но и старались при своем скромном достатке дать ему образование.

— Без грамоты, Митя, не обойтись. Новая жизнь требует,— говорили они ему, собирая в школу.

Никогда не забудет Матвей Кузьмич, как вскоре после гражданской войны солнечным весенним днем по селу под веселые звуки духового оркестра проскакал кавалерийский эскадрон красноармейцев. Их вид ошеломил мальчишек: шлемы со звездами, аккуратно подогнанные шинели и развевающиеся на ветру бурки.

Эскадрон уехал агитировать крестьян за коллективизацию. В селах внимательно прислушивались к каждому слову «от Ленина». Мальчишки гурьбой провожали бравых красноармейцев. Каждому хотелось вот так же, как они, прогарцевать по родной деревне и скакать, скакать, напевая боевые задорные песни.

Не меньше того Матвею хотелось стать и учителем. Однажды он признался в том Кузьме Илларионовичу.

— Вот за это спасибо тебе, сынок,— ответил дядя,— хороший путь выбрал. Не отступай от мечты. Учительское дело — самое благородное на земле.

На комсомольском собрании однажды обсуждался необычный для сельских парней вопрос: нужно было утвердить кандидатуру комсомольца и отправить его по путевке на открывшиеся курсы учителей в Семипалатинске. Судили, рядили, пока кто-то громко не произнес:

— А почему бы Матвея Меркулова нам не снарядить в дорогу? Парень всем взял, к тому же — мечта.

Семнадцатилетний Матвей даже зарделся от счастья. Ему открывался путь, о котором он и в самом деле мечтал.

Вспоминая то время, Матвей Кузьмич рассказывает:

— Окончив учебу, я был назначен заведующим

начальной школой села Девятка Красноярского сельсовета. Помню, переживал тогда крепко: ответственность, что ни говорите, навалилась огромная! Хотя и молодым был, но чувствовал: это необходимо для Родины, для революции! До петухов просиживал над книгами и тетрадками. Учился сам и учил других...

А когда молодого учителя со значками «Ворошиловский стрелок» и «ГТО» провожали в армию, сошлось все село: жаль было расставаться с человеком, который не только учил детишек в школе, но и помогал колхозникам косить траву, убирать хлеб, разъяснял сельчанам политику партии, руководил кружками художественной самодеятельности. Кто-то из сельчан даже собирался пожаловаться на районного военкома — в то время учителя от военной обязанности освобождались. Но сам Матвей Кузьмич отлично понимал — армии тоже нужны грамотные люди.

Меркулов служил рядовым на юго-восточной границе, когда началась освободительная война в Испании. Как и все советские люди, он желал победы испанскому народу, видя, как росла фашистская мощь в Германии, протянувшей руку генералу Франко. Все выше поднимали голову милитаристы Японии. Фашисты все громче бряцали оружием, и мир не мог не слышать этого бряцания.

Меркулов не раз задумывался о пограничниках и их нелегкой службе. «Какими нужно быть собранными людьми,— думал он,— чтобы постоянно находиться в напряжении и всегда быть готовыми дать отпор врагам». Ему нравились серьезность этих людей, подтянутость, внутренняя дисциплина. Однажды встретился ему случайно на пароме курсант в длинной кавалерийской шинели, на петлицах которой красовались четыре буквы «ХВПУ».

Им толком поговорить не пришлось — какую-то минуту пробыли вместе. А впечатление от парня долго не изглаживалось в памяти. Прощаясь, курсант крепко пожал руку и, улыбнувшись, сказал:

— Приезжай в Харьковское военное пограничное училище. Нам такие парни нужны, да и ты не пожалеешь.

Рядовой Матвей Меркулов добился своего: ему дали отличную воинскую аттестацию для поступления в пограничное училище. Радостное чувство не покидало

его все то время, пока скорый поезд отмеривал километры в далекий Харьков. В эту многодневную поездку он, простой деревенский парень, решивший стать командиром, впервые увидел, как необъятна и богата наша Родина, насколько изменилась к лучшему жизнь на ее земле. За окнами вагона, убегая к горизонту, оставались города и поселки, взметнувшиеся к небу заводские трубы, колхозные поля и сады.

Кто бы мог подумать тогда, что пройдет всего лишь чуть больше года и вспыхнет новая война, которая ворвется и в его жизнь, жизнь Матвея Меркулова.

В то утро все училище было поднято по тревоге. Страшное слово «война» было у каждого на устах. Буквально за несколько часов посуровели люди: каждый понимал — враг грозный, значит, легкой борьбы не будет.

На другой же день на стол начальника училища курсанты положили десятки рапортов с просьбой о немедленной отправке на фронт. Среди других лежал и рапорт комсомольца М. Меркулова. Никто не отказал в просьбе Матвею. Только получилось не так, как он задумал. Молодой лейтенант Меркулов получил назначение, а вскоре стал начальником Н-ской заставы Казахского пограничного округа. Никакие увещевания не помогли. Ему коротко пояснили: «Ваше место пока что там».

Так М. Меркулов вновь оказался на одном из участков юго-восточной границы. Но здесь Матвею Кузьмичу не было покоя: чуть ли не каждый день лучших своих воспитанников, преданных коммунистов и комсомольцев посылал округ на фронт. Где-то далеко на западе громили фашистов бывший старшина заставы Семен Баитов, участвовали в боях кавалеристы Василий Костыря и Алексей Романовский. К тому же постоянно тревожили неутешительные сообщения Совинформбюро. Фашисты все ближе и ближе подбирались к Москве — они целились в сердце Родины. Тяжело переносить такие вести, переживать, что находишься в стороне от самых главных дел.

В то время в молодом семействе Меркуловых родилась дочь. Назвали Валюшей. Однако не довелось отцу понянчить ее. Осенью 1942 года лейтенант отправился на фронт и вскоре на подступах к Орлу принял коман-

дование ротой. Это было, пожалуй, самое тяжелое время для войск Центрального фронта. Тяжелые бои с превосходящими силами противника, горечь утрат, пепелища на месте деревень, черные груды развалин там, где совсем недавно текла добрая спокойная жизнь,— казалось, этому не будет конца.

...Сейчас уже трудно вспомнить имя того солдата. Их вместе тяжело ранило на Поныревском направлении. Когда солдата бережно несли на носилках, он с горечью и тоской жаловался командиру роты:

— Эх, так и не успел стать коммунистом...

— Товарищи,— прохрипел он, будучи уже в медсанбате,— спросите у людей: я честно выполнял свой долг? Если умру, считайте меня коммунистом.

Многие бойцы и офицеры в то время связывали свои судьбы с партией, с ее именем они шли в атаку, погибали и побеждали врага. Стал коммунистом и Матвей Меркулов. Радостным, незабываемым был для него тот день.

После выхода из госпиталя Меркулова направили в 15-ю Сивашскую стрелковую дивизию. Командовал ею мужественный человек, много отдавший охране границ, генерал-майор Кузьма Евдокимович Гребенник.

— В составе этой известной дивизии,— вспоминает Матвей Кузьмич,— я форсировал Днепр, прошел всю Белоруссию, ходил в тыл врага, в Пинских болотах выводил из окружения полк и большую группу партизан, не успевших уйти в Карпаты с прославленным Ковпаком.

Уже будучи командиром батальона, в числе первых майор Меркулов форсировал своенравную реку Нарев. Нелегким был этот сложный и крайне важный в стратегическом отношении участок. От Нарева до Вислы несколько сот километров. И на всем этом пространстве, превращенном фашистами в своеобразный бастион для защиты восточных границ Германии, глубоко зарыты в землю доты, понастроены вражеские крепости. А самое главное — впереди был Берлин.

— Казалось невероятным, немыслимым погибнуть за несколько недель до победы,— вспоминает генерал-лейтенант М. К. Меркулов.— Никто не помышлял о смерти. Сильным было желание добить фашистов в их же логове.

Наверное, у каждого человека бывает самый главный момент в жизни, когда он должен проявить лучшие качества, показать все, на что способен. Пережить такие минуты выпало и на долю коммуниста Меркулова. По-фронтовому коротко об этом докладывал в вышестоящий штаб командир стрелкового полка:

«28 января 1945 года с 13.00 до 16.00 с рубежа Марсау-Ной противник предпринял до семи яростных контратак на полк и на его правого и левого соседей. Под сильным артминометным огнем соседи отошли, а противник начал обходить полк с флангов. Особенно сильный нажим предпринял противник на северо-восточные окраины Гросс-Вестфалена, где оборону держал батальон майора Меркулова. Два батальона гитлеровцев при поддержке самоходных установок и сильного артминометного огня шли в атаку.

Двум самоходным установкам удалось просочиться через боевые порядки батальона и направиться на КНП. Майор Меркулов вызвал огонь на себя. Огнем артиллерии самоходные установки противника были подбиты, после чего майор Меркулов поднял батальон в атаку и отбросил противника на исходный рубеж.

В этом бою майор Меркулов проявил исключительные образцы мужества и геройства».

Если поднять подшивки фронтовых газет, то в сводках Совинформбюро можно найти повторяющиеся лаконичные сообщения: «Наши войска на западном направлении ведут упорные и продолжительные бои с крупными силами пехоты и танков противника...»

Бои были тяжелыми. Краснознаменный полк 15-й Сивашской дивизии, клином разрезав вражескую оборону, стремительно двигался к Висле. Подполковник Ермолин не отрывал глаз от бинокля. Лицо его было серым от бессонницы.

— Разведчики донесли, что справа и слева движутся вражеские колонны с целью закрепиться на левом берегу Вислы, там, где им еще могут помочь мощные укрепления Померанского вала. Наша задача,— обращается он к своим комбатам,— опередить фашистов и с ходу форсировать Вислу, захватить на западном берегу плацдарм в районе Гросс-Вестфалена. Комбаты молчат. Ждут приказа.

Шелестят топографические карты в руках командиров. Подполковник прохаживается туда-сюда, вглядываясь в такие же усталые, как и у него, лица.

— Первыми форсируют Вислу батальоны капитана Леладзе и майора Меркулова. Другие подразделения прикрывают их с тыла и обеспечивают огонь с флангов...

Ночью, после разведки, батальоны Леладзе и Меркулова вышли на висленский лед. Двигались тихо, чтобы не вспугнуть гитлеровцев, засевших на берегу. Майор Меркулов шел в первых рядах наступающих, чутко прислушиваясь к ночным звукам. Противоположный берег, скрытый непроглядной мглой, зловеще молчал. Неожиданно впереди сверкнула огненная вспышка: фашисты обнаружили переправу и открыли ожесточенный огонь. Однако было уже поздно: первые ряды наступающего батальона во главе с командиром вгрызались в мерзлую землю левого берега Вислы. Майор Меркулов с горсткой автоматчиков ворвался во вражескую траншею. Забросав гранатами пулеметное гнездо, комбат устремился к вершине дамбы. Отсюда было хорошо видно, как наши бойцы оттеснили гитлеровцев к Гросс-Вестфалену.

А вскоре на командном пункте полка Ермолин услышал взволнованный меркуловский голос:

— Занял дамбу на западном берегу. Готовлюсь к обороне.

С наступлением рассвета стало ясно, что день предстоит тяжелый. Перед траншеями начали рваться тяжелые снаряды вражеских пушек. Чуть позже гулкие взрывы «фердинандов» раздавались уже с обеих сторон. Черные кресты грузных машин показались перед дамбой. Одна, вторая, третья... еще, еще... Наползали они широким фронтом — и по дороге, и по заиндевелому полю. Полоснули по земле первые пулеметные очереди — это за самоходками пошла гитлеровская пехота. Когда по ним ударил мощный отсекающий огонь наших минометчиков и артиллеристов, пехота рассыпалась по полю. Загорелись три самоходки, остальные спешно повернули обратно. С дамбы было отчетливо видно, что атака захлебнулась.

Уже по опыту майор Меркулов знал: за первой наступательной волной последует другая, еще более мощная. Вместе с замполитом он пошел по траншеям,

подбадривая солдат, интересуясь готовностью к очередному бою.

Буквально через полчаса фашистские самоходки вновь полезли с флангов, охватывая батальон Меркулова клещами. В то же время с закрытых позиций по дамбе и траншеям с новой силой ударила фашистская артиллерия. Задымилась, загорелась земля. И вдруг— тишина. Всего несколько минут, а потом снова все загудело. Снова поползли, огрызаясь огнем, «фердинанды». Вот крайний, с перебитой гусеницей, завертелся на месте. Это вступили в бой бронебойщики. Тем не менее «фердинанды» все ближе подходили к дамбе, вслед за ними приближались артиллерийские установки и пехота...

Неба не видно от дыма. Сплошной гул и рев. Пули, осколки гранат, снарядов и мин смертоносным дождем обрушились на головы людей. От грохота сотрясалась земля. Но пограничники продолжали бой. Их становилось все меньше и меньше. Почти целиком полегла одна рота, умолкли неподалеку от дороги два наших пулемета.

— Держись, комбат!— кричит в трубку подполковник Ермолин.

— Есть держаться!— пересохшими губами отвечает майор Меркулов. Он машинально расстегнул ворот гимнастерки и схватил в руки автомат.

Держаться с каждой минутой становилось все труднее и труднее. Уже на подступах к дамбе группами и поодиночке врываются фашистские автоматчики в наши траншеи. На глазах один за другим гибнут лучшие люди из батальона Меркулова, с ними он прошагал сотни километров фронтовых дорог.

Трудно перечесть, сколько отбил батальон вражеских атак: пять, шесть, семь. Несколько раз докладывали командиры о том, что патроны на исходе, а из трубки следовало только одно: «Держаться, любой ценой держаться!»

К вечеру у героических защитников дамбы закончились последние патроны, осталось всего лишь несколько гранат, да и защитников можно было пересчитать по пальцам. Тяжелораненые — не в счет. А держаться надо. Приказ.

Снова наползала волна пехоты и танков. Фашисты словно чувствовали, что противник не окажет им те-

перь серьезного сопротивления: заметно ослабла его огневая мощь.

Вот тогда и пришла та, самая решительная, самая важная минута в жизни коммуниста Меркулова. Матвей Кузьмич склонился над ящиком рации и вызвал огонь на себя. Он убеждал, что иного выхода не видит. Жаль было подполковнику Ермолину своего лучшего комбата, однако он еще надеялся, что произойдет какое-нибудь чудо.

— Почему молчите? Огня!— раздался еще раз в трубке голос Меркулова.— Поймите, я требую огня!

Дивизион «катюш» направил свой огонь на позиции батальона Меркулова. Артиллерийский налет длился всего несколько минут, но комбат и все, кто находился с ним рядом, запомнили его на всю жизнь.

Неожиданно наступила звенящая тишина. Комбат ходил по разрушенным траншеям, горячо обнимал своих уцелевших солдат, а рядом стальной громадой шли и шли танки Донского корпуса. Они спешили на Берлин.

Комбату еще много раз до конца войны приходилось первым выскакивать из траншеи и устремляться в атаку, увлекая за собой бойцов. После взятия Данцига батальон Меркулова устремился на Одер. День Победы встретили в Ростоке. Было много радости, были скупые мужские слезы, была огромная гордость за Советскую Родину, за наш замечательный народ.

...На границу Матвей Кузьмич Меркулов вернулся Героем Советского Союза. Учился в Москве, почти что два года работал в штабе Главного управления пограничных войск. И все же не смог остаться на штабной работе: тянуло на границу, к людям. Поначалу командовал пограничным отрядом в Закавказье, потом полковник Меркулов стал начальником одного из округов пограничных войск. На этой высокой должности он впервые надел генеральские погоны.

Его особая гордость — те, кого он воспитал, в буквальном смысле слова дал путевки в жизнь.

А воспитанников у генерала Меркулова много. Некоторые из них уже сами стали генералами, другие служат на границе, обучаются в военных академиях, третьи — трудятся на мирном фронте. На груди мно-

гих его учеников — боевые ордена и медали, ими гордится сегодня вся граница.

Чем же увлекает людей Матвей Кузьмич?

Равнодушный никого не заинтересует, холодный никого не зажжет. Вспомните комдива Чапаева, маршала Жукова, академика Королева, космонавта Берегового. ...Разные времена, да и разные это люди. А ведь общего у них чрезвычайно много. Это — убежденность, ясность цели, личная храбрость, преданность любимому делу.

Для Меркулова цель жизни — охрана государственной границы. Почти двадцать лет командуя войсками, которые несут службу на одном из ответственных участков советско-китайской границы, Матвей Кузьмич вложил в дело становления и благоустройства округа столько энергии, упорства и умения, что можно удивиться: откуда берутся силы у этого немолодого человека?

Он целеустремлен, справедлив и требователен. У него особое чутье на новое и передовое. Он и сегодня, спустя тридцать лет после Отечественной, определяет дела подчиненных и свои мерой военного времени. Он прав, когда говорит:

— Воин в зеленой фуражке, кем бы он ни был — солдатом, сержантом, офицером,— всегда как на войне, его оружие заряжено боевыми патронами. И каждая сопка, каждая высота, у которой он несет службу, может сказаться высотой Каменной.

Однажды начальник Н-ской заставы получил распоряжение: усилить бдительность и боевую готовность подчиненных. По имеющимся данным, в направлении этой заставы два вооруженных лазутчика собирались перейти границу. Начальник войск, будучи в этом пограничном отряде и прекрасно зная некоторые недостатки начальника заставы, решил проверить, как тот выполнил распоряжение штаба. Выслушав доклад офицера, генерал Меркулов первым делом спросил:

— Ну а как вы организовали службу?

— Отлично, товарищ генерал!— уверенно отчеканил начальник заставы.

— Доложите конкретно. Скажем, куда вы выслали наряды?— начальник войск подошел к карте участка заставы, хотя и по памяти мог отлично сориентироваться и оценить обстановку.

Офицер сказал несколько невнятных слов и умолк. Как выяснилось, для усиления боевой готовности сделано было далеко не все.

Уверен, что разговор с генералом начальник заставы запомнит на всю жизнь. И не потому, что ему было объявлено строгое порицание. Офицер получил суровый урок и понял, что охрана границы — большое государственное дело и выполнять его всегда следует по-государственному.

Особенно требователен начальник войск к тем офицерам, которые плохо знают своих солдат, не живут их интересами и заботами. Встретив однажды такого командира, Матвей Кузьмич долго не мог успокоиться:

— Я его спрашиваю о людях, о лучших комсомольцах заставы, которым следует вручить знак «Отличник погранвойск», а он мне отвечает: «Сейчас найду блокнот, там у меня на них все данные...»

Об этом случае серьезно поговорили в политотделе войск округа. Вспоминая о молодом политработнике, Меркулов еще раз подчеркнул:

— Как же он, коммунист, не зная людей, донесет до сердца солдата слово партии? Пользы мало от такого офицера. Необходимо обязательно помочь ему. Непременно помочь.

Начальник войск по-отцовски заботится о молодых офицерах, любит и поощряет людей деятельных и трудолюбивых, тех, кого с уважением принято называть тружениками границы. Со многими из них он знаком лично, для них всегда найдет ободряющее слово.

Несколько лет назад заметно осложнилась обстановка на Н-ском участке. Интересы охраны государственной границы потребовали организации дополнительного пограничного поста высоко в горах Тянь-Шаня. Однако один из старших офицеров горячо и настойчиво убеждал, что добраться в намеченный пункт невозможно. Аргументы приводил вроде бы доказательные:

— Там еще ни разу не ступала нога человека. Одни ледники, отвесные скалы, каменные обвалы... О чем в таком случае говорить?

— И все же пост выставить необходимо. И чем быстрее, тем лучше,— настаивал по телефону начальник войск. Генерал чувствовал, слова не убедили,

пришлось дать приказ. Штурмовать высокогорный перевал, бесспорно, будут, но как, с каким настроением?

На следующий день к месту событий генерал отправился сам. Сначала на ЯК-40, затем на «газике», вертолетом и наконец на лошадях. Последние несколько километров по горной тропе, где раньше у скал осторожно пробирались только архары, пограничники шли пешком. Кроме других, рядом с Матвеем Кузьмичем, то и дело вытирая потное лицо, с виноватым видом отмеривал нелегкий горный путь и тот офицер.

Первым, кто поздравил солдат и сержантов с успешным окончанием штурма высотного перевала, был начальник войск. Прямо здесь, за огромным приплюснутым камнем, который служил столом, генерал отведал из солдатского котелка гречневой каши и выпил крепкого пограничного чая. Потом собрал всех на беседу. Рассказал воинам о требованиях партии и правительства к защитникам юго-восточных рубежей. И, поблагодарив солдат за отличную службу, вручил особо отличившимся знаки солдатской доблести.

Через несколько дней после отъезда генерала сюда, на высокогорный тянь-шаньский пост, хозяйственники доставили ящик алма-атинского апорта, сигареты, теплые вещи.

...У Матвея Кузьмича две внучки. Старшая, Ирина, уже привыкла к сюрпризам дедушки, который обязательно что-нибудь привезет с границы. То пушистого зайчишку с пораненной лапкой, то долговязого аиста с переломанным крылом. Жили в их доме лисята, ежи, дикие голуби. А однажды генерал привез внучкам горсть подсолнечных семечек.

...Вертолет начальника войск появился на Н-ской заставе, как всегда, неожиданно. Начальник заставы, старательный и знающий свое дело офицер, удивленно всплеснул руками. Надо же такому случиться: буквально час назад на заставу привезли посылки. И была среди них одна — злополучная. С Украины рядовому Павлу Дорошенко мать прислала жареных семечек. Вкусные — страсть. Сам начальник заставы не удержался, попробовал и махнул рукой.

— Давайте уж «уничтожим» их всей заставой, а потом — за генеральную уборку. После этого, чтоб ни одной соринки!

И именно в этот момент пожаловал генерал. Как обойдется оно, отступление от уставных норм? Во всяком случае взбучки не миновать.

На территории заставы начальник войск спокойно расспрашивал о службе, даже похвалил за ремонт пристройки, а когда прошелся по территории, его брови широко взметнулись вверх, лицо стало строже. Однако не успел генерал сказать слова, как навстречу решительно вышел невысокого роста солдат и с виноватой улыбкой обратился к нему:

— Товарищ генерал, отведайте, пожалуйста. Мать с Украины прислала. Всех угощал на заставе, никто не отказался. В этом году у нас, в колхозе, урожай хороший...

Генерал остановился и как-то машинально протянул руку.

— С Украины, говоришь...

Потом признался, что вспомнил в ту минуту один из эпизодов Великой Отечественной войны. Его рота форсировала Днепр. На пути встретилось небольшое село с сожженными хатенками. На самой окраине его стояла старушка со слезами на глазах. Она суетилась, причитая:

— Чем же угостить вас, сынки мои родные. Все немецкие ироды забрали, все спалили, проклятые.

Потом что-то вспомнила, нырнула в подпол, вынесла оттуда вышитую торбинку с подсолнечными семечками и раздала их, счастливая, бойцам.

Когда генерал Меркулов через десять минут вышел из канцелярии, на заставе была идеальная чистота. Долго еще стояли пограничники на косогоре, глазами провожая удаляющийся краснозвездный вертолет.

...Если генерал-лейтенант М. К. Меркулов не на границе, а «дома»,— как говорят в управлении войск округа,— в окнах его кабинета долгими вечерами горит свет. Завтра выходной день, но по-прежнему склонился над рабочим столом генерал Меркулов. Что заставило его отказаться от рыбалки (а рыбак и охотник он отменный), от интересной недочитанной книги или работы над новым любительским фильмом? Может депутатские заботы? Матвей Кузьмич как депутат Верховного Совета Казахской ССР, член ЦК КП Казахстана много внимания уделял — и прежде и теперь — общественным делам. Может пришло письмо от мате-

ри солдата или ждет его помощи инвалид войны? А быть может коммунист Меркулов готовится к очередному партийному собранию, где выступит с докладом по важному вопросу о повышении боевой готовности пограничной службы? Повседневных дел много, и каждому он находит время.

А сегодня на дальней заставе шел трудный поиск по задержанию нарушителя границ. Начальник войск волновался за молодого лейтенанта: «Справится ли?» И сам же вслух отвечал:

— Обязательно справится!

Всего несколько недель назад лейтенант Шаймерденов в числе других выпускников училища в этом же самом кабинете слушал напутствие генерала. Он понимал, что каждое слово — это опыт десятилетий. Когда так вдумчиво говорят о главном — отдают частицу себя. Отдают тому, в кого верят, на кого надеются, как на себя. Генерал остался доволен, что в своем предположении не ошибся. Значит, опыт передан в надежные руки.

У ДЖУНГАРСКИХ ВОРОТ

Вадим Ольшевский приехал на заставу сравнительно недавно, тем не менее как-то быстро освоился здесь, перезнакомился со всем личным составом. Иной раз казалось, что многих из солдат и офицеров он знал и прежде, а теперь, после недолгой разлуки, встретил вновь. И что любопытно: чем ближе узнавал людей, тем больше схожего находил между собой и другими.

Разговорился как-то на досуге с Виталием Рязановым:

— А мы, златоустские, все такие, товарищ лейтенант,— с достоинством и рассудительностью подчеркнул рядовой.— Помните, в пословице как подмечено: поспешишь — посмешищем для других станешь, не так ли?

— Согласен. А кем на гражданке довелось быть?

— На заводе слесарем.

— Значит, коллеги мы с тобой не только по заставе,— улыбнулся он.— Это дело мне хорошо знакомо. В Ростове я тоже слесарил.

Живо вспомнилось время, когда по утрам Вадим спешил на завод, на тот самый завод, на котором некогда работал и Ольшевский-старший. Было приятно, когда кто-нибудь из пожилых кадровых рабочих вспоминал и тепло отзывался об отце, находил в подростке общие черты с ним. И хотя Вадим смутно помнил отца, больше знал его по фотографиям,— ему шел лишь четвертый год, когда отец ушел на фронт и вскоре погиб в бою под Белой Церковью,— тем не менее всегда гордился им, радовался тому, что память о родном и близком для него человеке жива не только в кругу семьи.

Для Вадима было высшей наградой, когда старый мастер, осматривая выполненную им работу, одобрительно и негромко заключал: «В отца пошел. Весь в отца».

Убедившись, что все сделано добротно, не раз говорил ему:

— Есть у тебя, парень, рабочая жилка, есть. Значит, своим человеком на заводе будешь, а это — самое главное.

Незаметно для Вадима пролетела пора заводского ученичества. Впрочем, и подсобным рабочим он пробыл сравнительно недолго. И будто вчера это случилось — в памяти каждая деталь: прибежал после смены домой и радостно сообщил матери и сестренке Галине, что, начиная с завтрашнего дня, будет трудиться на своем участке самостоятельно.

Мать внимательно посмотрела на сына, счастливо улыбнулась ему:

— Ты совсем взрослым стал, Вадим.

Эту же фразу она повторила сыну осенью 1957 года, когда Вадим получил повестку из военкомата. Призывников из Ростова поместили поначалу в армейской казарме. Мать даже всплакнула тогда, вспомнив о прошлом.

— А знаешь, Вадим, я ведь сюда приезжала шестнадцать лет тому назад. Именно отсюда наш отец отправился на фронт. Вот видишь, как получается, и здесь ваши пути сошлись.

С учебного пункта и началась биография пограничника Ольшевского-младшего. Он сам выбрал для себя нелегкую службу, решив окончить курсы инструкторов служебных собак. Трудно сказать, что помогло ему сделать этот выбор. Но как бы то ни было, Ольшевский с большим желанием, даже с каким-то азартом, взялся за непривычное для себя дело. Теперь уже не понаслышке или книжным рассказам, пусть даже живым и броским, пришлось усваивать сложный труд инструктора, которому приходится выполнять самые сложные задачи в паре с хорошо обученной овчаркой. Впрочем, сочетание «хорошо обученной» — весьма условно. Вместе с молодым четвероногим другом Вадиму, как и всем другим, предстояло постичь еще многие азы сыскной науки непосредственно на границе, там, где, быть может, не раз

доведется попасть в крутую обстановку. Не случайно уже немолодой, много повидавший на своем веку старшина при случае любил повторить «дежурную», но вечно мудрую фразу:

— Никаким уставом ошибаться пограничнику не предусмотрено. Ясно?

— Так точно, товарищ старшина, ясно,— с улыбкой отвечали Вадим и его молодые коллеги, будущие инструктора. Однако их улыбки не означали, что замечание наставника принято с легкой игривостью, не всерьез. Напротив, курсанты понимали, что такова специфика службы, которая и в самом деле не терпит никаких промашек, даже если они совершенно случайные.

— Но ведь на ошибках учатся, товарищ старшина,— попробовал ввернуть шутку один из курсантов.

Старшина был не из тех, кто не любит удачную шутку. Он улыбнулся такому ответу, а потом как-то по-отечески просто и задумчиво сказал:

— Вот что, ребята. Ошибайтесь себе на здоровье где угодно, только на границе — не советую. Там учитесь и учитесь постоянно.

Много пройдет после этого короткого диалога времени, а, казалось бы, простые слова старшины не раз вспомнит Вадим, особенно когда действительно придется трудно. Тысячу раз прав ветеран — граница не терпит и не прощает никаких оплошностей.

Окончив курсы инструкторов, Ольшевский получил назначение на один из небольших островов в Балтийском море. Посмеиваясь, пограничники иногда называли свою службу морской. Об этом постоянно напоминали омывавшие небольшой клочок советской земли волны Балтики. Напоминали о том и пронизывающие порывы морского ветра, и частые моросящие дожди, особенно осенью, и постоянное ощущение сырости, от которой на небольшом острове нигде не скроешься.

Не легче было и зимой, когда наступала пора длинных и непроглядных холодных ночей. Разгулявшаяся колючая поземка перекатывалась в каком-то неистовстве, и иногда было трудно определить, где находится горизонт, потому что он сливался с белесым мраком неприветливого балтийского неба. Но какое дело

до непогоды, если нужно идти в дозор, если ты на границе!

Днем и ночью приходилось Ольшевскому вместе с неразлучным Джульбарсом нести свою службу. За два года они так сдружились, что овчарка понимала своего хозяина не то что с полуслова, она чувствовала настроение Вадима по тому, как он ступал по мерзлой или рыхлой земле, по его дыханию, взгляду. Их дружба была основана на полном взаимодействии и понимании — такой контакт скрашивал и облегчал привычный тяжелый труд пограничных будней. Впрочем, и в критическую минуту они не оставили друг друга в беде.

Однажды на рассвете пограничный наряд обнаружил на прибрежном песке отчетливые отпечатки чужих следов. Даже начинающему следопыту было ясно, что здесь находились по крайней мере два человека. Наверняка пришельцы — иначе зачем им понадобилось сразу же от берега, на котором они очутились, петлять немыслимыми зигзагами в кустарнике, сторонясь открытых мест?

На заставе объявлена тревога. Вадим вместе с Джульбарсом сразу же включился в поиск. Они пошли по следам нарушителей. Неизвестные, видимо, заранее предполагали, что, возможно, им доведется иметь дело со служебными овчарками. Вот почему, нарушив границу, они обрабатывали свои следы с помощью новейших химических препаратов. И надо сказать, нарушителям удалось на какое-то время сбить Джульбарса с толку. Он то и дело терял след чужаков, и тогда метался, описывая только ему понятные круги, виновато посматривал в глаза Вадима.

— Ищи, ищи, Джулька,— слышал он негромкие слова, в которых угадывались одновременно и просьба, и тревога, и надежда. Джульбарс, поскуливая, вновь принимался за поиск, стараясь выполнить желание своего наставника.

Вот уже показалась хорошо знакомая гравийная дорога. Неизвестные, видимо, слишком заторопились, увидев ее, и уже меньше обращали внимания на свои следы. А Джульбарсу только того и надо. Он весь напрягся, выпрямился и стремительно рванулся на другую сторону дороги. И в этот момент предрассветную утреннюю тишину прорезал короткий пистолет-

ный выстрел. Тут же до Вадима донеслось предостерегающее:

— Ольшевский, будь осторожен!

Все остальное было делом техники и умения. Вадим и Джульбарс свое первое по-настоящему боевое задание выполнили успешно. Нарушители границы были задержаны, обезврежены и доставлены на заставу. А на очередном построении инструктор-собаковод Ольшевский гордо сказал в ответ на благодарность перед солдатским строем:

— Служу Советскому Союзу!

Много и других памятных событий для Вадима прошло на далеком небольшом пограничном островке в Рижском заливе. Но одно из них оказалось даже решающим в его судьбе. Впрочем, не громко ли это сказано по отношению к простой задушевной товарищеской беседе, которая состоялась у Ольшевского в рабочем кабинете с начальником заставы? Ведь и разговор был самый ординарный, об обыденном — о жизни, о той единственной профессии, которую каждый человек избирает однажды и навсегда.

До памятного разговора Вадиму казалось все предельно ясным. «Демобилизуюсь,— думал он,— поеду в Ростов. Вернусь на родной завод, ну а там — видно будет».

Правда, толком он не знал, что будет «видно» за этим «там». Разве распланируешь всю жизнь пункт за пунктом? А начальник заставы добивался именно этой ясности.

— Я, как и другие офицеры,— говорил он,— хотел бы на правах старшего по возрасту посоветовать вам кое-что. Как вы смотрите, если будем рекомендовать вас на учебу в Высшее командное пограничное училище?— Он внимательно посмотрел в глаза удивленного пограничника, дружески улыбнулся и поотечески сказал:

— Стать настоящим чекистом — дело непростое, но у тебя, Вадим, откровенно говорю, есть все данные для этого.

Подумав немного, добавил:

— Ничего тебе не навязываю. Взвесь все хорошенько, прикинь как следует, а тогда и решай, как будем действовать дальше.

И хотя для Вадима все это было неожиданным, тем

не менее он не заставил долго ждать с ответом. Свое решение он выразил коротко: «Согласен».

Позже Ольшевский не раз убеждался в правильности сделанного шага — и тогда, когда приехал в Алма-Ату, и в пору своей учебы в училище, куда был принят с отличной аттестацией после успешной сдачи вступительных экзаменов, и особенно тогда, когда в день выпуска впервые в жизни надел новые лейтенантские погоны.

* * *

Вадим охотно принял назначение на одну из застав Восточного пограничного округа. Здесь он видел ту горячую точку, где всегда нужны опытные, смелые, сильные, знающие свое дело люди. И то, что неподалеку от сопки Каменной, о существовании которой он раньше и не подозревал, несли службу именно такие люди, не удивило Вадима.

Заставу сплотила сложная обстановка, всегда делающая каждого более собранным, внимательным, осторожным, предусмотрительным. Соседнее государство, всегда считавшееся дружественным и доброжелательным, по чьей-то злой воле вдруг изменило свой внешнеполитический курс и стало на путь постоянных авантюр, нарушений государственной границы. То, что произошло на острове Даманский, очень хотелось бы счесть за случайное недоразумение, ошибку, допущенную сгоряча. Однако жизнь на советско-китайской границе, в которую окунулись Вадим и его новые боевые товарищи, все больше подчеркивала закономерность, а главное, четкую последовательность авантюрной политики китайских властей. От словесных нападок маоисты перешли к физическим действиям, вместо небольших красных цитатников они все чаще брали в руки боевое оружие. Откровенно об этом было сказано в Ноте Министерства иностранных дел СССР МИДу КНР, последовавшей на другой же день после вооруженной провокации.

Поначалу все выглядело внешне безобидно. Китайский чабан перегнал отару овец на нашу советскую землю. Заблудился? Что ж, такое не исключено — с кем не бывает. Однако на поверку оказалось, что то был не простой пастух, а настоящий провокатор, подосланный с определенной целью. Он и не намере-

вался покинуть чужую территорию, не для того нарушил государственную границу. Вслед за его истеричной бранью по адресу пограничного наряда появилась большая группа вооруженных китайских солдат с карабинами и автоматами наперевес. Люди с искаженными злобой лицами отказывались воспринимать общечеловеческое обращение. Повода для стрельбы им никто не давал, тем не менее они пустили в ход не только автоматы, но и взялись за гранаты.

Вооруженная провокация провалилась только благодаря мужеству и верности воинскому долгу наших солдат, сержантов и офицеров. Об этом было написано в Ноте нашего правительства. Она призывала китайские власти сохранять добрососедские отношения.

— Поймут ли маоисты наконец, что так жить нельзя, сделают ли для себя выводы? — спрашивали друг друга пограничники на заставе. «Когда-нибудь поймут», — думал про себя Вадим Ольшевский. Во всяком случае он надеялся на лучший исход, говорил о том, находясь в ленинской комнате, где чаще всего проводились беседы на самые актуальные темы.

Мог ли он тогда предположить, что через какой-нибудь месяц сам станет очевидцем очередной китайской провокации и примет непосредственное участие в настоящем бою, где будет все — и выстрелы, и гибель товарищей, и первое ранение. Все выглядит иначе, когда подобные события происходят хоть и неподалеку, но где-то в стороне. Вадим, как, наверное, и многие другие на заставе, часто спрашивал себя: «А хватит ли умения, воинской выдержки для такого испытания? Ведь надо иметь чертовски крепкие нервы».

А день испытания приближался, это ни у кого теперь не вызывало сомнений: слишком беспокойная ситуация складывалась. Не только по донесениям сторожевых служб, но и по личным наблюдениям Ольшевский знал, что на границе появляются все новые и новые подразделения регулярной китайской армии, вооруженные кроме всего прочего минометами. Командование пограничного отряда попыталось связаться с китайским пограничным представителем и предотвратить вооруженную провокацию. Однако маоисты отве-

тили отказом. Для встречи, а тем более для мирных переговоров, у них времени не оказалось.

На рассвете 13 августа несколькими группами китайские солдаты перешли границу и, углубившись на нашу территорию, заняли две высоты, господствующие над ковыльной равнинной местностью. На сопке Каменная провокаторы открыто, нисколько не заботясь о маскировке, начали возводить какие-то сооружения.

— Вконец обнаглели!— заключил капитан Теребенков и посоветовал лейтенанту Евгению Говору еще раз обратиться через мегафон к маоистам, предупредить их об ответственности, которую они взвалят на себя в случае возникновения конфликта. Реакцию нарушителей отчетливо можно было разглядеть и без бинокля. Один из солдат, занимавшихся укладкой камня,— видимо, сооружали бруствер,— поднялся во весь рост и стал громко выкрикивать что-то по-своему, потрясая грязными кулаками. На злом лице особенно выделялись глаза, а в них — неописуемая ненависть фанатика.

«Постой-ка, постой, где я их видел,— подумал Вадим.— Да нет, показалось. Впрочем, нет, не показалось...» И вмиг вспомнилась картинка давно минувших лет, когда он, еще несмышленый мальчонка, вместе с семилетней сестренкой Галиной остался дома в оккупированном гитлеровскими войсками Ростове. В тот сумрачный слякотный день Галине особенно нездоровилось. Девочка лежала в своей кроватке у окна с высокой температурой — иногда стонала или бредила. Вадим посматривал на сестренку и продолжал строить из кубиков игрушечные дома.

Без стука в комнату вошли фашисты. Они бесцеремонно шарились в вещах, швыряли непригодное на пол. Даже больную не пожалели — выдернули из-под нее матрац и простыню. А другой, пьяный, шагнул к Вадиму и кованым сапогом разрушил весь его городок из кубиков. Сжав кулачки, мальчонка бросился на солдафона, но от встречного пинка полетел к печке, ударившись об нее головой.

Как похожи их глаза,— выражение, злобный прищур,— того, что пинался, и этого, что размахивает сейчас кулаками! Определенно, Ольшевский уже

видел такие глаза, точно вспомнил, хотя времени с тех пор прошло предостаточно.

Евгений Говор в который раз взялся за мегафон. В ответ раздалась автоматная очередь, заговорили карабины и пулеметы. Значит, никаких компромиссов — и пограничники вступили в бой.

Вадим поймал себя на мысли, что не испытывал какого-то особого волнения, он будто знал и уже подготовился к тому, что вот сейчас произойдет,— завизжат отскакивающие от голых камней пули и осколки гранат, каждый метр Каменной, на которой он очутился в солдатском строю, будет преодолеваться с преогромным трудом, только короткими перебежками можно будет продвинуться вперед.

Старший лейтенант видел, как рядовые Михаил Дулепов и Виталий Рязанов обогнали цепочку своих товарищей и вступили в рукопашный бой с провокаторами. На склоне сопки Михаила сразила автоматная очередь. Вадим бросился в сторону, где упал боец, и в тот же миг сильный удар в ногу повалил его на каменистую землю с чахлыми кустиками выгоревшей от жгучего солнца степной травы. И сразу все словно провалилось в бездонную пустоту — Вадим потерял сознание. Он не помнит, сколько пробыл в этом состоянии: минуту, две, пять, десять?

Очнувшись, старший лейтенант пополз к видневшемуся невдалеке крупному камню, пристроился около него, сориентировался и стал стрелять по нарушителям короткими автоматными очередями. Нестерпимая боль в ноге, казалось, пронизывала все тело. Вадим крепко сжимал зубы, стараясь не закричать от усиливающейся боли.

Неожиданно сбоку появился бронетранспортер Владимира Пучкова. Он выполз на полуспущенных скатах из неглубокого ущелья и теперь, покачивая металлическими боками с глазницами бойниц, медленно приближался к старшему лейтенанту. Вадим чуть приподнялся и стал махать рукой в ту сторону, где недавно упал Михаил Дулепов.

— Дулепова возьмите, Дулепова! Он там!

В бронетранспортере поняли его. Машина развернулась на склоне сопки и поползла вверх, чтобы помочь попавшему в беду солдату. В ту же минуту

Вадим увидел ефрейтора Валерия Медведева, быстро приближавшегося к нему.

— Товарищ старший лейтенант, давайте перевяжу рану,— тяжело дыша сказал он и помог снять промокший от крови сапог. С завидной сноровкой Медведев взялся за бинт. Время от времени ему приходилось стрелять из автомата по маоистам, выбегавшим из-за выступов сопки. То же самое делал и Вадим, забывая о кровоточащей ране.

— А куда теперь сапог девать?— закончив перевязку, озабоченно спросил Медведев.— Неужто выбросить придется?

— Э, нет, обуться все-таки не мешает,— деловито ответил Ольшевский, посмотрев на макушку Каменной.— Не босиком же добираться туда.

Офицер и ефрейтор занялись нелегким делом. За этим занятием и застал их старшина Воробьев, подъехавший на втором бронетранспортере. Втроем они быстро забрались в боевую машину и взяли направление к вершине сопки. Пороховой дым вперемешку с проникшей в машину пылью мешал рассмотреть все то, что происходило вокруг. И вдруг послышалось радостное и громкое «Ура-а-а! Наша!» Вадим узнал голос Воробьева и тут же приник к бойнице. В узкую щель отчетливо было видно наших ребят на сопке. Вытянувшись во весь рост, счастливые, они приветливо размахивали зелеными фуражками.

... У каждой заставы своя биография. События, заполнившие ее, для одних — история, для других — сама жизнь. Одни узнают о прошлом со слов, а другие писали страницы боевой пограничной истории сами своими жизнями.

— Молодые должны знать лучшие традиции своих предшественников,— убежденно говорит капитан Вадим Ольшевский, вглядываясь в лица новичков. В ребятах, только что приехавших служить, он видит и себя, свои первые дни на границе. Как и другие ветераны заставы, он считает долгом рассказать о таких настоящих людях, как Виталий Рязанов, Михаил Дулепов, о других простых советских парнях, которые не дрогнули, защищая Родину. Правда, он опускает одну «мелочь»в своем рассказе: что был с ними рядом и чувствовал себя таким же молодым, как и они, герои Джунгарии.

В ТОТ ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Рос Виталька на реке Берестянке, шумно несущейся с гор к раздольному Амуру. Летом по утрам бегал в росистые травы, загорал до черноты. И хотя рос щупленьким, юрким, но был выносливым мальчуганом. Трехкилометровую ширь Амура Виталий переплывал без особого труда. Вместе с отцом они нередко бродили по таежной глухомани, где у охотничьего костра Бубенин-старший, служивший в 20-х годах в пограничных войсках, рассказывал о границе, о мужественных пограничниках, боровшихся с контрабандистами, о том, как Особая Дальневосточная под командованием В. Блюхера громила белокитайских милитаристов на КВЖД.

Семья Бубениных хранила фотографию человека с чапаевскими усами и боевым георгиевским крестом на гимнастерке. Это был портрет деда Виталия — Архипа. Когда-то на Алтае он бил белоказаков и погиб за власть Советов в неравном бою. Земляки рассказывали, что похоронили его со всеми солдатскими почестями.

Когда пришло время идти в армию, Виталий твердо решил служить на границе. Домой он прислал радостное письмо, когда поступил в Алма-Атинское Высшее командное пограничное училище. Его курсовым офицером стал капитан А. С. Тараканов, охранявший в свое время дальневосточные рубежи. Часто вспоминали офицер с курсантом таежные края, куда Виталий мечтал попасть после учебы. «Мне бы на любую дальневосточную заставу»,— говорил он сокурсникам.

Учился с полным напряжением сил. Увлекался спортом, особенно лыжами. Не раз выступал за свое

подразделение на лыжных соревнованиях и почти всегда занимал призовые места. Хорошо владел и боевым оружием. Сноровку меткого стрелка, как, впрочем, и любовь к лыжам, дала ему тайга. Там он частенько сбивал гуся из летящей в вышине стаи, ходил на глухаря и белку. Твердый глаз охотника пригодился курсанту и не подводил Виталия на учебных стрельбах.

Четыре года в стенах училища Виталий постигал военную науку — учился мастерству охраны государственной границы, приобретал навыки командования на поле боя, закалял свою волю и характер, перенимал опыт старших боевых друзей и наставников. Правда, не все удавалось «схватывать» на лету, не все постигалось сразу, однако Виталий не пасовал перед трудностями. Любознательность, усидчивость, настойчивость помогали ему хорошо усвоить любую премудрость.

Незаметно пролетели учебные годы. Наконец он в новенькой лейтенантской форме, а это значит, пришла пора самостоятельной работы.

— С чем поздравить, Виталий? — спрашивали выпускники-однокашники.

— Еду домой,— счастливо сиял Бубенин,— к себе на Уссури, стало быть...

Выходит, мечта сбылась. Его от души поздравляли.

* * *

Началась новая жизнь: лейтенант Бубенин стал заместителем по политической части начальника заставы старшего лейтенанта Ивана Стрельникова. За короткое время они настолько сработались, что понимали друг друга с полуслова. Во многом их роднило то, что оба горячо, без остатка отдавались любимому делу — обучению и воспитанию подчиненных. Их застава прочно заняла свое место среди передовых. А однажды, когда на соседнюю заставу потребовался начальник, Стрельников, посоветовавшись с Бубениным, сказал:

— Знаешь, Виталий, двигай, пожалуй, туда. Уверен, справишься. Да и по соседству жить будем. Чуть что, помогу.

По рекомендации Стрельникова Бубенина назначили начальником заставы. А вскоре он получил звание старшего лейтенанта. Бубенин воспитывал своих бойцов по испытанному принципу —«делай, как я». На стрельбище и в пограничном наряде, в строю и вне строя — он никогда не отступал от этого правила, служил для солдат и сержантов образцом человека, которому хотелось подражать, у которого и в самом деле было чему поучиться.

На заставе есть солдаты, страстные любители резьбы по дереву. У кого они переняли это искусство? У Бубенина. В ленинской комнате красочная наглядная агитация — рисунки, плакаты, диаграммы. Кто все это сделал? Пограничники. А первым художником был он, Бубенин. Шли за своим командиром пограничники и на репетиции художественной самодеятельности, и на вечера КВН. Жена Бубенина — постоянная ведущая вечера, сам начальник заставы — член жюри.

Много было намечено у Виталия на воскресенье 2 марта. Выходной день, по его мнению, должен дать людям хороший заряд бодрости, а это так важно на границе. Однако тогда все сложилось иначе. Все планы приятного отдыха отодвинулись с первым же утренним телефонным звонком. В десять сорок по местному времени позвонил сосед — Иван Стрельников. Разговор был предельно коротким:

— Китайцы на Даманском. Выезжаю. В случае чего будь готов оказать помощь.

— Хорошо, Иван, действуй. Слово — за тобой.

Бубенин тут же вызвал дежурного по заставе и приказал подготовить к выезду бронетранспортер, автомашины и людей, свободных от службы. Дежурному ничего не надо было объяснять: раз к выезду, значит, опять лезут маоистские провокаторы. Это привычно.

Над Уссури светило яркое мартовское солнце, пригревая заструги снежных наносов, напоминающих застывшие волны. Тихо и мирно вокруг. Вдруг снова телефонный звонок:

— Говорит дежурный соседней заставы. На Даманском стрельба.

И тут же раздалось привычное на границе:

— Тревога! В ружье! По машинам!

Водитель бронетранспортера Аркадий Шамов, как только пограничники заняли свои места, дал полный газ и направил машину по заданному курсу — на Даманский. Замелькали в смотровых щелях густые заросли тальника. Первая мысль о товарищах: «Быстрее, как можно быстрее — там наши ребята, там бой». Бегут и бегут назад заснеженные километры. Уже в пути расчехлена пулеметная башня бронетранспортера, заряжены оба пулемета — крупнокалиберный и обыкновенный. Впереди пока — неизвестность.

Вот уже виден остров. С нашей стороны его окаймляет лед самой Уссури, с китайской — ее протока. По ней и проходит государственная граница. Бубенин здесь знает каждый кустик, каждую тропу, и теперь оценивает сложившуюся обстановку, чтобы быстрее сориентироваться и принять наиболее целесообразное решение. От этого зависит успех предстоящего боя.

Китайцы совсем не случайно избрали для своей провокации именно Даманский. К нему от поста Гунсы, что находится против острова, есть скрытые подступы. Они дают возможность незаметно сосредоточить силы для нападения и расположить резервы. Сам остров — хорошее место для засады. Укрыв огневые средства за естественным бруствером, можно вынудить советских пограничников выйти на луг, под губительный огонь пулеметов.

С китайского поста Гунсы хорошо просматриваются и Уссури, и Даманский. Оттуда удобно поддерживать засаду огнем артиллерии и минометов. Организаторы конфликта, судя по всему, учли и то, что нынешней зимой берега острова покрылись наледью и стали труднодоступными для нашей техники. Словом, провокаторы все рассчитали и взвесили заранее. Они надеялись легко расправиться с нашими пограничниками и безнаказанно покинуть остров.

Бубенин принял решение атаковать противника чуть правее того места, где вели бой стрельниковцы. Его план был прост: используя заросли тальника, незаметно выдвинуться к месту боя и обрушить огонь на провокаторов.

А на острове самый настоящий бой. Лед протоки Уссури кое-где уже окрашен темно-красными пятнами, изорван снарядами и расписан пулями. Уже нет в живых старшего лейтенанта Ивана Стрельникова,

старшего лейтенанта Николая Буйневича, рядовых Денисенко и Петрова. Оставив бронетранспортер у острова, они открыто вышли навстречу китайцам с автоматами в положении «на ремень». Шли с единственным намерением — предупредить непрошенных гостей о том, что те нарушили государственную границу. Пограничникам уже не раз приходилось действовать именно таким образом. Они шли по кромке советского острова и думали, что китайские солдаты уйдут с нашей территории, как это уже было неоднократно. Вышло иначе.

Когда группа Стрельникова приблизилась к провокаторам, послышалась команда, за которой последовала площадная брань. Стрельников шел спокойно: подобные сценки не новы. Ни тени страха на его лице. Может поэтому громче обычного гудела и орала перед ним толпа чужих солдат. Его задача — заявить протест и выдворить провокаторов.

Чуть поодаль за своим командиром, также спокойно шел рядовой Николай Петров, фотограф-любитель. Он вскинул фотокамеру, сделал снимок, чтобы оставить неопровержимый документ, уличающий распоясавшихся маоистов в их подлости. Подошли еще ближе, Николай сделал еще один снимок. Вот они уже подошли совсем вплотную. Фотокамера щелкнула, но в это время цепь китайцев разомкнулась, и по советским пограничникам хлестнули пулеметные очереди. Три последних при жизни Коли Петрова снимка так и остались в камере, на его пробитой пулями груди.

Огнем из автоматов и пулеметов были скошены еще несколько пограничников, двигавшихся сюда правее группы Стрельникова.

Младший сержант Юрий Бабанский, оставленный с группой прикрытия на острове, понял, что случилось непредвиденное, что начальника заставы уже нет в живых и надо принимать командование на себя.

— К бою!— властно скомандовал он и упал на заснеженную землю.

Глухо треснул лед от разорвавшегося снаряда. Совсем рядом, в кустах тальника, показались китайцы. Бабанский дал длинную очередь из автомата. Несколько провокаторов упали, остальные побежали на остров. Заговорили автоматы пограничников, в ответ

надсадно затрещали пулеметы с поста Гунсы. Юрий понял, что китайцы давно заняли остров и подготовили к бою удобные огневые позиции.

С китайского берега ударили минометы и орудия. Вспыхнул заставский газик, оставленный на льду. Группа Бабанского метко разила провокаторов, однако силы были слишком неравными: каждый советский пограничник против десяти провокаторов. Наши ребята оказались в огненном мешке: китайцы вели по ним интенсивный огонь с трех сторон. Бой разгорался, а у пограничников подходили к концу патроны. Их огонь слабел, и этого не могли не заметить нарушители границы.

В трудную для группы Юрия Бабанского минуту подоспел бронетранспортер старшего лейтенанта Виталия Бубенина. Двигаясь по кустарнику, Бубенин рассчитывал выйти на остров незамеченным. Однако противник обнаружил бронетранспортер и открыл по нему массированный огонь. Пули защелкали о броню пулеметной башни.

Пограничники, сидевшие на бронетранспортере сверху, быстро покинули машину и развернулись в цепь для атаки. Бубенин повел их вперед. Преодолев густые кусты лозняка, бубенинская группа вышла на атакующих китайцев.

— Ложись! Огонь!— раздалась команда начальника заставы.

Высокая жухлая трава мешала вести прицельную стрельбу. Тогда Виталий Бубенин встал на колено и открыл меткий огонь по врагу. Примеру командира последовали остальные пограничники. Результат сказался сразу: цепь китайцев, наступавших по чистому заснеженному полю, заметно поредела. Лишь немногим удалось скрыться за естественным бруствером.

Вот тогда-то и обрушился на группу Бубенина мощный огонь. Фонтаны снега и земли взметнулись спереди и сзади, справа и слева. Остров точно кипел в огне. Стало опасно даже приподнять голову, не то что встать в рост. Виталий понимал, что теперь нельзя не только атаковать противника, но даже маневрировать на поле боя. Где выход? Думай, командир, думай, твоего решения ждут ребята. Главное — удалось зацепиться за рубеж, теперь важно продержаться. Но очевидно и другое — оборона смерти подобна. По возможности

необходимо навязывать противнику свою волю, брать инициативу в бою.

Где-то неподалеку грохнула мина. Виталия отбросило взрывной волной в сторону, в глазах все смешалось: небо, земля, прибрежные кусты. На короткий миг он потерял сознание. Когда пришел в себя, огляделся. Неподалеку, около берега Уссури, одиноко стоял бронетранспортер.

«Огонь и маневр, броня и движение»,— еще недавно эту военно-теоретическую формулу внушали Бубенину преподаватели тактики, эту истину он усваивал четыре года. К Виталию вернулись уверенность и силы, решительность и воля командира. Надо попробовать, в данной ситуации это выход. Старший лейтенант приказал подчиненным покинуть позицию и укрыться за берегом, сам же по-пластунски пополз к бронетранспортеру. Преодолев открытую, сильно простреливаемую местность, Бубенин вскочил и через несколько мгновений оказался около бронетранспортера. Водитель давно заметил командира и волновался за него: стрельба не прекращалась.

Виталий опустился через люк в боевое отделение машины, перевел дыхание, вытер струившийся пот. В смотровую щель было отчетливо видно, где находятся огневые точки противника. В основном они находились на валу, что проходит через Даманский. «Хорошо бы ударить в промежуток между группой Бабанского и бойцами со своей заставы,— подумал он.— А там полоснуть по провокаторам из крупнокалиберного пулемета. Ситуация может перемениться».

Виталий опустился в кресло наводчика, привел пулеметную башню в боевое положение и распорядился:

— А ну, Шамов, полный вперед! Давай-ка выскочим на остров.

Вместо привычного «есть!» Аркадий Шамов дал полный газ. Бронированная машина вздрогнула, зарычала и ринулась на берег. Пробитые пулями задние скаты и особенно наледь на береговом откосе оказались слишком серьезной помехой. Забуксовав, бронетранспортер осел, стал непослушным. Значит, не выскочить на остров. Что ж, необходимо найти другой эффективный маневр.

Старший лейтенант вновь оценил обстановку. Он

видел, как пограничники его группы ведут методический огонь. Очереди с короткими интервалами — стреляют прицельно, не ради трескотни. И все же Виталий беспокоился: даже более выгодный рубеж по сравнению с первоначальным удержать нелегко. Это может продолжаться лишь недолгое время. В таком случае атаковать противника надо, видимо, с фланга и с тыла. Это будет неожиданностью для него. Еще можно обойти остров с севера, прикрываясь берегом и лесом, а потом, маневрируя по протоке, открыть уничтожающий огонь по врагу. Как-никак в его руках два пулемета, более тысячи пуль в минуту, и каждая вторая — крупнокалиберная, способная пробить легкую броню пулеметного щитка.

— Шамов, в обход острова с севера. Полный вперед,— скомандовал Бубенин. Машина, круто развернувшись, взяла заданный курс.

Виталий, прильнув к стереоскопическому прицелу, отчетливо видел знакомую местность. Особенно зорко следил он за прибрежным лозняком, стараясь не пропустить вражеских лазутчиков: они могли появиться и здесь, чтобы зайти во фланг пограничникам. Аркадий Шамов, искусный водитель, повел бронетранспортер вдоль берега, стараясь укрыться по возможности от наблюдателей противника.

Младший сержант Василий Каныгин и рядовой Николай Пузырев из бубенинской группы в это время нашли для себя удобный рубеж. Китайцы попытались вытеснить пограничников на лед, под огонь своих пулеметов, однако сделать это им не удавалось. Пограничники владели инициативой, они ни на метр не давали продвинуться провокаторам в нашу сторону. Неожиданно с фланга появился набравший хорошую скорость советский бронетранспортер. Струи пуль ударили по пулеметам и живой силе противника. Провокаторы, судя по всему, не ожидали такого смелого маневра. Они сразу отрезвели от сивухи, выпитой перед боем.

Бубенин видел в оптику прицела перекошенные от страха лица китайских солдат, заметил и две кровавые дорожки через проток Уссури: по ним китайцы перетаскивали своих убитых и раненых. Все предусмотрено: не оставлять на чужой земле следов провокации, а потом обвинить Советский Союз в нападении

на китайскую пограничную охрану. Именно это требовалось Мао, чтобы на предстоявшем съезде Компартии Китая навязать его делегатам свою антисоветскую платформу.

Видел Виталий и то, как его ребята, еще необстрелянные, никогда не «нюхавшие» по-настоящему пороха, крепко держались на занятом рубеже. Пулеметы бронетранспортера, работая на полную огневую мощь, наполнили боевое отделение пороховыми газами и дымом. Хотелось открыть люки и вдохнуть чистого воздуха, но некогда — надо вести огонь. Виталий стрелял пока не иссяк весь боекомплект.

Теперь — к своему берегу. Как можно быстрее пополнить запас патронов! Маоисты, опомнившись от внезапного удара, обрушили на бронетранспортер огонь почти всех своих огневых средств. Пули прошивали скаты. Машина явно теряла скорость, хотя Аркадий Шамов держал газ моторов на пределе. Медленно двигающийся бронетранспортер становился хорошей мишенью. Тяжелым ударом то ли снаряда из противотанкового орудия, то ли выстрелом из гранатомета встряхнуло вдруг всю машину. Пулеметная башня перестала повиноваться: ее заклинило.

Старший лейтенант приказал водителю обогнуть южную оконечность острова — там можно укрыться. Когда бронетранспортер вышел на лед второго рукава Уссури, Виталий увидел двух ползущих в тыл пограничников. Это рядовой Николай Пузырев тащил раненого Анатолия Анипера. С острова по ним стрелял китайский пулемет. Положение пограничников было незавидным.

— Шамов, прикрой ребят броней,— распорядился Бубенин.

Водитель быстро сориентировался и подставил вражескому пулемету броневой борт своей машины. Теперь солдаты были недосягаемы для пулемета провокаторов. Они благополучно преодолели опасную зону и скрылись за ближайшим пригорком.

У кромки Даманского стоял бронетранспортер с номером «04» на борту. «Так это машина Стрельникова»,— сразу же узнал бронетранспортер погибшего друга Бубенин. Виталия осенила мысль: «Пересесть на нее — ведь она исправна!— и продолжать атаковать противника».

— Шамов, тяни к ноль четвертой.

Подъезжая к берегу, старший лейтенант спохватился: ведь практически теперь он один руководит боем на Даманском. Надо доложить о сложившейся обстановке старшему начальнику. Как только машина остановилась, Виталий вылез из люка и быстро направился к розетке скрытой связи. Он вызвал дежурного по части, коротко изложил ход боя и свое решение:

— Атакую на бронетранспортере с тыла. Прибыла поддержка — подвезли боеприпасы,— не удержался от радости,— теперь живем!

А «жить» было трудно: кругом рвались снаряды и мины, свистели вражеские пули. У младшего сержанта Каныгина осталось лишь несколько патронов. Китайцы наседали.

Николай Пузырев появился как нельзя кстати.

— Понимаешь, пришлось помочь раненому Аниперу,— оправдывался он, подавая младшему сержанту магазины с патронами, а тот, будто не услышав, показал рукой в сторону неприятеля.

— Видишь «черного»? Наверное, главарь. Хорошо бы снять его.

Но провокатор, одетый во все черное, видно, был опытным в таких делах: выглянет, крикнет что-то солдатам и опять укроется за бруствер.

— Пузырь (так в шутку звали товарищи Николая Пузырева), бей по солдатам, а я возьму на мушку «черного».— Каныгин устроился поудобнее на своей позиции, проверил прицел, крепко прижал к плечу автомат — взял на мушку то место, где обычно появлялся «черный». Младший сержант выжидал момент, не обращая внимания на все остальное. Вот снова послышался визгливый крик маоиста, затем показался и «черный». Он лихорадочно размахивал руками, подгоняя в атаку своих подручных. Каныгин прицелился, как на учебном стрельбище, затаил дыхание и нажал на спусковой крючок. «Черный» медленно осел за бруствер и больше не появлялся.

Цепь китайцев, поднявшаяся было в атаку, осталась без главаря и под огнем советских автоматов быстро поредела, смешалась. Подбирая раненых и убитых, провокаторы уползали на свою сторону.

В это время Бубенин, поняв тяжелое положение на рубеже солдат своей группы, попытался еще раз выско-

чить на остров, чтобы ударить по китайцам. Однако и для неповрежденных скатов «04» наледь оказалась слишком скользкой. Идти же прежним маршрутом было рискованно, потому что противник, наученный первым ударом с тыла, возможно, подтянул на фланг противотанковые средства и теперь сможет обезвредить машину. Однако иного выхода не было. Старший лейтенант вновь повел бронетранспортер в обход острова с северной стороны.

Маоисты не оказали сильного сопротивления, вероятно, посчитав, что вторично зайти в тыл советские пограничники не осмелятся. А бронетранспортер Бубенина на этот раз обладал еще большей огневой мощью: у каждой бойницы внутри машины сидели двое автоматчиков. Один стрелял, другой в это время набивал патронами магазины автоматов. Разя провокаторов свинцом, боевая машина ворвалась в их тыл, вражеские солдаты прижались к земле. Опомнившись, они начали стрелять по амбразурам. Пули цокали о броню, рикошетили. А пограничники продолжали метко бить, вновь прижимая китайцев к земле, пока не расстреляли весь запас патронов.

Маневр Бубенина сыграл свою роль: враг дрогнул, а в это время пограничники группы Бабанского совместно с подошедшим резервом стали теснить маоистов.

— Отходить,— приказал старший лейтенант водителю и стал наблюдать за полем боя.

В стереоскопический прицел Виталий увидел ползущих по льду раненых. По ним, как совсем недавно по Аниперу с Пузыревым, маоисты стреляли с острова. Бубенин прикрыл солдат бортом своей машины, остановил бронетранспортер. Пограничники успели втащить через люк одного из раненых. И вдруг раздался сильный грохот, за ним последовал ошеломляющий толчок. Сержант Ермалюк, руководивший спасением раненых, вскрикнул и осел, теряя силы. Его товарищи шатались, оглушенные. Виталий почувствовал, как что-то горячее ударило в лицо, перед глазами поплыли разноцветные круги, все полетело куда-то в бездну. В какой-то миг он понял, что бронетранспортер подбит и надо спасать экипаж. Собрав остаток сил, офицер поднялся, вылез из боевой машины и приказал:

— Всем под прикрытие берега.

Больше Бубенин не мог ничего сказать. Он чувствовал, как им овладевала слабость. Старший лейтенант понимал одно — надо занять выгодный рубеж для уничтожения оставшихся на острове последних неприятельских групп. В горячке боя солдаты не сразу заметили, что Бубенин совсем плох. Первым увидел это Валерий Захаров. Он тоже был ранен. Превозмогая боль, Захаров поднялся, подставил здоровое плечо командиру и повел его в медпункт. Они шли, оставляя на снегу кровавые следы. А за их спиной продолжался бой.

Триста китайских солдат, поддерживаемых с берега артиллерией и минометами, были посланы на Даманский. Но они не могли удержаться на нем, хотя советских пограничников было лишь несколько десятков. Наши ребята не только выдержали, не только устояли, но и выпроводили врага за пределы советской земли. Они действовали как и подобает настоящим дзержинцам.

...К братской могиле над Уссури, где ныне покоятся тела тридцати одного пограничника, никогда не зарастет народная тропа. Здесь ежедневно проходят пограничные дозоры и отдают честь стойким защитникам Даманского.

За мужество, проявленное в бою с китайскими провокаторами 2 марта 1969 года, Советское правительство присвоило звание Героя Советского Союза старшему лейтенанту Ивану Ивановичу Стрельникову (посмертно), ныне майору Виталию Бубенину и старшему сержанту Юрию Бабанскому.

Над Уссури вновь тишина. Как всегда, в положенное время идут на свои участки дозорные. Каждый из них в любую минуту готов стать на защиту рубежей своей Родины.

У СОПКИ КАМЕННОЙ

Когда собираются после долгой разлуки друзья, им есть о чем вспомнить. Петру Теребенкову, Мстиславу Лие, Владимиру Ольшевскому, Евгению Говору встречаться удается не часто — нелегкая служба, разные участки границы... Но, оказавшись вместе, они могут говорить до утра... О своей альма матер — Алма-Атинском высшем пограничном училище, которое окончили в разное время, но любят одинаково сильно, потому что оно дало им путевки в большую, многотрудную, прекрасную жизнь, потому что дало им так много — и веру в себя, в свое призвание, воспитало в них готовность к отваге, волю, выдержку, научило понимать и ценить бесконечно дорогое для всех нас понятие Родины. Евгений Говор поступил в училище сразу после школы, после одиннадцати классов, Петр Теребенков учился и в техникуме, и учетчиком тракторной бригады работал два года, потом служба на границе, определившая весь его дальнейший путь,— две недели на лошадях будет он добираться до Алма-Аты и потом успешно окончит училище.

Но будет еще одно, что навсегда свяжет их воспоминания. Август шестьдесят девятого, Каменные ворота...

Место у Джунгарских ворот, пожалуй, для человека самое неприветливое место на свете. Голая песчаная земля с белым островом саксаула вдоль речки Маканчи. Пограничная вышка, похожая здесь, в пустыне, на марсианское сооружение, как бы вслушивается в тишину, разбивая иллюзию относительного спокойствия, напоминает о том, что застава — пусть и небольшой, но участок государственной границы. Границы,

протянувшейся более чем на семь тысяч километров.

Мне вспомнились тогдашние встречи и с Теребенковым, и с Говором, и с Ольшевским, и с Лие. Как мы лазали по окопам, находили осколки гранат, пустые гильзы, но это были не расстрелянные охотничьи патроны и не ржавые пули, что вытаскивали из земли мальчишки сразу после войны. Здесь было место недавнего сражения, еще пахло гарью и порохом, и это больше всего казалось странным и неправдоподобным, как будто в кошмарном сне.

А где-то в кустах трещали кузнечики, синела гладь озера. На берегу, в жидких зарослях обагренного закатным солнцем камыша, сидели мальчики с удочками. Мне вспомнилась слышанная где-то фраза: рыбам война безопасна, потому что их в это время меньше ловят. Это же подтверждает и статистика после первой и второй мировой войны: рыбацкие сети становились тяжелее. В противоположность рыбам, животные — олени, например, зайцы, лисицы уходят в военные годы подальше от человеческого жилья. Как трудно нам жилось тогда — сколько себя помню, самым сильным было ощущение голода, питались мы картофельными ошкурками, предварительно высушенными и мелко истолченными в ступке, варили крапиву. И я безумно завидовал соседскому пацану по прозванию Каланча, потому что его мать ходила на лыжах в горы охотиться и изредка приносила что-нибудь. Но с каждой охотой все скуднее становились ее трофеи. «Звери тоже чуют недоброе, совсем далеко откочевали, в белки, в самое ледово», — жаловалась женщина.

...Мы прилетели к Жаланашколю в первом корреспондентском десанте — журналисты «Правды», «Красной звезды», АПН. Спокойный, старый, усталый полковник со звездочкой Героя на лацкане нового зеленого кителя — Сергей Борзенко, обрадовавшийся, как мальчишка, встрече со своим земляком, лейтенантом Володей Пучковым и пристрастно расспрашивающий его о Донбассе, о шахтах, и не у него ли, Сергея Борзенко, матери учился в школе пограничник, был искренне разочарован, что жили в одном поселке, а учился Володька в другой школе.

«Юность» и АПН представлял мой друг Витя Буханов, обозреватель по вопросам космонавтики. Последней прилетела бригада «Известий», но в тот же

день, к вечеру, нетерпеливый Алик Стешанов уже выпрашивал у подполковника военный самолет, чтобы отправить пленки в Москву. Транспорта не было, и он страстно, горячо убеждал подполковника в том, что почту нужно отправлять немедленно. «Миллионы читателей ждут наших документов. Мы — тоже на фронте!— горячился он.— Нет самолета? Давайте вертолет, наконец грузовую машину. Я готов идти пешком — дайте проводника».

Вертолет нам пообещали, но вскоре поднялся сильнейший ветер, синоптики сказали: наверное, это предельная скорость, с какой может дуть ветер. Нам оставалось утешаться тем, что в здешних местах свирепое движение воздуха прекращается столь же внезапно, как начинается, и продолжается недолго. На практике мы узнали, что внезапность — понятие относительное. Только к утру, когда небо позеленело, вертолетчики приняли у закутанного не то в шинель, не то в полушубок часового свой воздушный корабль, показавшийся мне неуклюжим брюхатым цыпленком.

Когда мы летели над Дорогой дружбы, в иллюминатор было видно желтую степь, гряду холмов на горизонте, рельсы, поросшие травой, лопухами. Строители потом говорили мне: забили последний, серебряный костыль, распили двенадцать бутылок шампанского — и баста... Сейчас на этой дороге лишь изредка — по нашей территории, соседи не выполнили договор — идут поезда: паровоз, товарный вагон со щебенкой, пассажирский вагон... И дорога вновь замирает.

Не верилось, что после окончания строительства прошло не многим более десяти лет, что еще в 59-м, когда я работал в многотиражке на заводе, у нас в цехах стажировались молодые китайские инженеры-металлурги. Я разыскал блокноты тех лет, признания китайцев в вечной дружбе, о помощи России Китаю — как быстро летит время, как оно до неузнаваемости меняет психологию людей. Меньше десяти лет понадобилось Мао, чтобы развеять в прах казавшиеся такими прекрасными и незыблемыми понятия, как добрососедство, дружба...

...«Зеленая стрекоза» и ее экипаж во главе с Владимиром Клюсом еще недавно доставляли раненых с поля боя, забрасывали к сопкам десант погранични-

ков. Вот та высота Каменная, на которую покушались маоисты и которую наши ребята — молодые пограничники, комсомольцы — отстояли в жарком бою. И не танками, как об этом шумела китайская пропаганда,— их следов мы нигде не видели, только полосы от скатов бронетранспортеров, наподобие тех, что оставляет на земле автомашина. Мы выиграли бой за счет воинского искусства солдат и офицеров. Нашими пограничниками двигало чувство любви к своему Отечеству. Они защищали не просто высоту, отмеченную номером в штабных картах, а защищали свою землю.

2

Когда мы прилетели на заставу, бой уже закончился. Солдаты и офицеры рассказывали о сражении: постепенно вырисовывалась картина боя, длившегося всего один час пять минут.

Граница в здешних местах проходит по склонам гор, причем наши соседи находятся в более выгодном положении, занимая сопки повыше, откуда хорошо просматривается советская территория.

Ежегодно весной китайцы прогоняли здесь 25—30 отар с пастбищ на мясокомбинат. Очевидно, кроме политических целей — усиления антисоветской истерии и шумихи, очередная провокация преследовала и практическую цель: отторгнуть часть нашей земли с тем, чтобы сократить кружной перегон скота.

Джунгарские ворота — это тридцатикилометровая долина меж гор, бывшая спокойной с тех пор, как по ней бежали отступавшие отряды Анненкова. До августа шестьдесят девятого все было спокойно...

На рассвете 13 августа наши пограничные наряды заметили подозрительную возню на чужой территории. К границе были подтянуты войска. Это уже были не пограничники — тех почти все наши ребята знали в лицо. Случалось и прежде упрашивать соседей не нарушать границы, а когда не действовали уговоры, выталкивать их с нашей земли. Но с каждым разом пришельцы становились все наглее и наглее. Они выкрикивали ругательства, воинственно размахивали руками, переманивали наших пограничников, суля им по чашке риса в день и книжечке с цитатами Мао.

Оказывается, каждый меряет совесть, человеческое достоинство на свой аршин.

13 августа среди нарушителей старых знакомых не было, да и быть не могло, потому что, судя по новенькой одежде, привезли их только что, издалека, скорее всего откуда-то из Центрального Китая. Они слабо ориентировались на местности, а может, их просто обманули, сказав, что высота Каменная — китайская высота. Им выставили фляги со спиртом. В бинокль было видно, как расхаживают перед молоденькими солдатами три женщины — не то актрисы, не то сподвижницы Цзян Цин. Какие слова говорили они китайским солдатам, на что благословляли их? Странно все это и непонятно...

Лейтенант Евгений Говор крикнул по мегафону китайцам вернуться на свою территорию. Однако они не думали подчиниться. В 7 часов 55 минут китайские нарушители первыми открыли огонь. Бой начался.

Три группы советских пограничников, возглавляемые офицерами Евгением Говором, Владимиром Ольшевским, Петром Теребенковым, начали штурм высоты Каменной, где укрепились маоисты. Наперерез им бросилась еще одна вражеская группа. С соседней высотки также брызнула свинцовая очередь. Атакующая группа сквозь грохот разрыва гранат шла вперед, к вершине сопки. Люди срывались со склонов, скатывались вниз, поднимались и вновь карабкались вверх. У подножия находился бронетранспортер Петра Теребенкова, который прикрывал атакующих огнем.

С соседней заставы на помощь пограничникам прибыло подкрепление — в бой вступило еще три бронетранспортера, командовал которыми Владимир Пучков. Когда ему удалось во второй раз обойти сопку, его ранило. Но Пучков продолжал бой.

И снова бешеный огонь обрушился на бронетранспортер Пучкова. Стреляли с трех сторон. Владимиру было видно, как почти у самой вершины, метрах в пятнадцати, кидал гранаты Миша Дулепов. Вот он выдернул кольцо, приготовился к броску и упал. «Ранен»,— пронеслось в сознании Пучкова.

Они развернули свой бронетранспортер так, чтобы прикрыть Дулепова, защитить его и продолжали стрелять. В тот момент пограничники почувствовали:

пробило скаты машины, одновременно заклинило башню. «Черт, как некстати,— подумал Пучков,— хотя подобное случается всегда некстати». Не вылезая из машины, они починили башню.

Пучков открыл люк, другие подхватили Дулепова и втащили его в бронетранспортер. «Миша... убит»,— сказал кто-то из солдат.

Подошел еще один бронетранспортер, Пучков пересел в него, а тот, что был с Дулеповым, пошел вниз, к заставе. Пучков стремительно обошел высоту.

У атакующих на выбор два пути штурма высоты — по пологому склону, который сильно простреливался, и почти по отвесному, труднопроходимому. Петр Теребенков выбрал второй — тот меньше простреливался, и иногда даже казалось, там мертвая зона. Но это только казалось...

В первой шеренге атакующих было семь человек. Они карабкались к вершине изо всех сил. Вскоре там показалась зеленая фуражка. Первым достиг высоты Виталий Рязанов.

— Высоту взяли!— крикнул кто-то. Но Виталий уже не слышал этого. Он упал на жесткую землю, сраженный двумя пулями в голову.

Его видели наши отовсюду. И хотели отомстить.

Бросал гранаты Виктор Овчинников. Стрелял из бронетранспортера Владимир Заварницын.

Точным пулеметным огнем поддерживал атаку Валерий Кондаков. Потом его командир капитан Теребенков скажет не без гордости и удивления: «Откровенно, переживал за Валеру, все-таки он в очках. А смотрите, совсем молодцом! Бил без промаха, точно в яблочко!»

Бой стихал...

Сержант Николай Исачков на самой вершине сопки захватил нарушителя, взвалил его на спину и приволок на себе к бронетранспортеру.

Ранило Теребенкова. К нему на помощь тут же бросился рядовой Малахов.

Все смолкло.

Прилетел вертолет, перенесли его и Виталия Рязанова, Мишу Дулепова, раненых. На заставе ребята уже ждали. Пришли женщины, жены пограничников, работники метеостанции. Валя Горина, Надя Метелки-

на и жена Евгения Говора, Люда, студентка мединститута. Они тут же начали перевязывать раненых.

Потом пограничники осмотрели свои трофеи. Пули, автоматы, кинокамеры, фляжки с остывшим чаем, бидончики со спиртом, героин, большие зеленые помидоры, хлебные мякиши, медицинская сумка и цитатники Мао.

— Когда нас утром подняли по тревоге, думалось: вспугнем и все на этом кончится,— рассказывает Валерий Кондаков.— И вот бой... Знаете, у китайцев были не просто бойцы, а отборные, очень меткие стрелки. Когда было принято решение атаковать, сперва, когда я нажимал на гашетку, руки тряслись... Первый раз стреляешь не по мишени — по человеку! А потом, когда раненые появились, в душе такая ненависть, такая злоба поднялась... А после боя — не то слабость, не то усталость... Ведро воды, наверное, выпил.

Какие они разные, эти двадцатилетние парни. Спокойный, рассудительный капитан Петр Теребенков с перебинтованной головой; худенький, застенчивый парень в очках — наводчик Валера Кондаков, игравший до армии в джазе; старшина Витя Воробьев.

Для парней с далекой заставы это было первым серьезным испытанием на мужество, и они достойно выдержали его.

— Орлы, орлы ребята,— сказал о них старый уральский кузнец Павел Иванович Рязанов, отец Виталия, сраженного вражеской пулей на высоте.— Хорошей закалки парни!

Павел Иванович скуп на слова, каждое взвешивает, точно слиток металла в руках. В сорок первом старший Рязанов был стрелком, участвовал в керченском десанте, тяжело ранен. Все самое лучшее — доброта, смелость, любовь к Отчизне — у сына от него. Не случайно любимым героем Рязанова был Матросов. Кстати, и среди однополчан другом у него оказался тезка и однофамилец, даже односельчанин прославленного героя.

Младший лейтенант Владимир Пучков:

— Никто из ребят не сробел, никто не думал о своей жизни. Мы знали простую истину: если хочешь остаться в бою живым, нужно самому быть смелее и хитрее врага. Запомнил такой эпизод. Я заметил на сопке что-то вроде портфеля, хотел взять эту находку:

вдруг там какие-нибудь документы провокаторов? Однако сопка простреливалась, я не мог рисковать жизнью ребят. Молча один из солдат надел маскхалат и пополз. Когда он был уже почти у цели, на вершине сопки, бой затихал. Было слышно, как пули просвистели над головой смельчака. Все же удалось вернуться живым и невредимым. Мы внимательно изучили после боя свой трофей. Это был не портфель, а большая медицинская сумка, до отказа набитая бинтами, и еще кинокамера швейцарского производства. Выходит, нарушители тщательно готовились к своей провокации...

Рядовой Виктор Пищулев:

— Накануне мы смотрели фильм «Весенние заморозки». А я вспоминал нынешнюю весну. Восхождение на крутую вершину. Был гололед, бронетранспортеры буксовали. Дорога труднопроходимая, нам только тридцать три раза пришлось штурмовать речки. И все же мы поднялись на высоту 2800 метров. Командование вручило мне грамоту за восхождение.

Смутился, когда попросили рассказать о себе.

— О себе? Учился в школе, работал электрослесарем на машиностроительном заводе. Семья у нас рабочая: отец всю жизнь — на мартене, мать — медсестрой в больнице. Сразу после боя я послал им в Пермь телеграмму: «Жив, здоров, граница на замке!»

Старший лейтенант Владимир Ольшевский:

— Во вторник я пришел на заставу с тем, чтобы подменить начальника. На меня ложилась большая и ответственная задача. Естественно, волновался: ведь отвечаю за жизнь многих. Когда потребуется, должен принять верное решение. Единственное решение. Принимая заставу, понимал: все мы — и я, и Валерий Кондаков, и Владимир Кирпичев, остальные — защищаем священные рубежи нашей Родины.

На рассвете 12 нарушителей перешли нашу границу. Они бежали изо всех сил к сопке Каменной. Первая мысль, пришедшая в голову, была не о стрельбе, а о том, что может быть удастся переговорить с нарушителями и они уберутся восвояси. Однако дальнейший ход событий, к сожалению, показал, что я ошибался, что у маоистов эта операция была продумана заранее, они вовсе не думали о мирном исходе.

Первыми открыли огонь они. Бежали по нашей земле и стреляли в наших парней. Начальник штаба

подполковник Никитенко отдал приказ ответить тем же. Наши ребята действовали четко, точно, беспрекословно выполняли все распоряжения. Выдвинулись в колонну по одному, рассредоточились и двинулись цепью, потом залегли. Я подошел к бронетранспортеру. Мы двинулись на своем БТР к сопке с левой стороны. И вот позади 150 метров. Я увидел, как упал Миша Дулепов. Был я шагах в десяти от него, видел, как он покачнулся.

Подбежал. «Живой?» — спрашиваю. Он уже не мог ответить. Тут меня самого ранило, я упал. Командование принял Михаил Бабич. Однако все обошлось: осколком гранаты меня ранило в руку и ногу. Очнувшись, открыл огонь из пулемета по цепочке нарушителей. Они стреляли еще злее, пули шлепались то сверху, то снизу.

Сержант Николай Исачков:

— До армии работал слесарем-сборщиком комбайнового завода в Таганроге. Но чтобы на полях работали комбайны и в каждом доме были хлеб, счастье, мы находимся на этой суровой, пустынной земле, на заставе. И готовы с оружием в руках встретить любого, посягнувшего на наш дом.

13 августа я был в группе захвата, которой руководил лейтенант Евгений Говор. Он не намного старше меня, и мы любили и уважали его и прежде. После боя эта любовь и уважение неизмеримо выросли. Наш лейтенант — прекрасный командир, великолепно ориентирующийся в обстановке боя, мужественный и храбрый человек. Выпускник Алма Атинского погранучилища.

Уже невдалеке от цели, на вершине сопки, я почувствовал толчок в левую ногу. Словно оторвало ее. Только потом, некоторое время спустя понял: это лишь рана. Впереди, из окопа показалась фуражка. Такие обычно носят офицеры китайской армии. Я выпустил очередь. Фуражка оказалась словно заколдованной. Она по-прежнему болталась над окопом. То справа, то слева от нее вылетали гранаты... Уж так хотелось поразить этого хитрого офицера. Вижу: со скалы летит Труфанов, метра три высотой скала. Я успел подхватить своего друга, перевязал. И вообще в том бою многих пришлось перевязывать, у меня была санитарная сумка.

Капитан Петр Теребенков:

Мне доложили: на посту наблюдается оживление. Двенадцать молодых солдат с той стороны. В новом обмундировании. Сосредоточились вблизи нашей границы.

Утром, на рассвете, еще по холодной от росы траве Миша Дулепов и рядовой Егоровцев отправились с заставы на границу. Дулепов дальше пошел один, до середины Каменных ворот. Утро было тихое, безветренное, настроение у ребят было спокойное. И вдруг голос Миши: «Нашу границу нарушили... Вижу, как нарушители окапываются...»

Это было в семь пятьдесят...

Я немедленно выехал туда. Невооруженным глазом увидел нарушителей. Одеты в серую парусиновую одежду, мягкие фуражки, некоторые в касках... В бинокль был отлично виден пулемет. Доложили начальнику отряда. И уже через пять минут Владимир Клюс поднял в воздух вертолет, на котором прилетели подполковник Петр Иосифович Никитенко, майор Мстислав Федорович Лие и капитан Владимир Дмитриевич Климов.

По боевой тревоге была поднята застава лейтенанта Евгения Говора. Вскоре прибыли младший лейтенант Пучков и лейтенант Ольшевский со своими группами.

Я провел боевой расчет... Лица у ребят сосредоточенные, серьезные. Закурить бы... Я пошарил в карманах, вытащил пачку «Примы», мы ее тут же раскурили, потому что ни у кого из ребят не оказалось сигарет. А две сигареты оставили про запас.

Лейтенант Женя Говор крикнул в мегафон по-китайски:

— Хунлэй!— Вернитесь!

Никто и не подумал подчиниться приказу. Оттуда, с той стороны, продолжала очень быстро двигаться группа военнослужащих. Они шли так быстро, что мне показалось, идут не пешком, а на лошадях. Было видно, как один курит. Мы вновь предупредили нарушителей: образумьтесь!

Дали красную ракету — сигнал к общей атаке. Мы шли быстро, даже во рту пересохло. На что уж на здоровье не жалуюсь — в пограничном училище чемпионом по бегу на дальние дистанции был — и то почув-

ствовал: тяжело! Рязанова уже ранило, однако он продолжал идти вперед. До сопки оставалось метров тридцать. Смотрим — летит граната с деревянной ручкой. Осколком от нее меня ранило и еще двоих — Исачкова и Кирпичева. Большой осколок гранаты попал мне в браслет от часов, от них ничего не осталось. Володю Труфанова тяжело ранило в шею, он упал навзничь.

Помните, сержант Исачков рассказывал о загадочной китайской фуражке. Мне показалось, что шапка. Я тоже заметил ее, дал очередь.

Мы лезли вверх по отвесной стене, разодрали в кровь пальцы, локти. Гранат пять прилетело к нам сверху из окопа, над которым водружена была шапка. В том числе одна термитная. Мы бросали гранаты, однако неудачно. Оставалась последняя. Как бы не промахнуться... Я с силой бросил ее в окоп. Через три-четыре секунды в воздух поднялся высокий черный столб. И сразу все смолкло. Было слышно, как шелестит трава на ветру.

3

...Она долго не могла понять, что телеграмма адресована именно им, Дулеповым, что молоденькая почтальонша в черных очках не ошиблась, и жестокие казенные слова, исторгающие из материнской души чувство страдания,— о их сыне, веселом белобрысом Мишке. Отцу сразу стало плохо, и он слег. Собрались женщины, друзья, совсем незнакомые люди — весь околоток пришел со своим сочувствием, скорбью. И она, мать, плакала и думала, правду говорят люди, будто человек чувствует смерть. Нет, неспроста в последний месяц завалил он их кипой фотографий, письмами. Вспомнила, когда служить уходил, тоже, как сегодня, толпа собралась, и он, отложив гитару, сделался вдруг на миг грустным, печальным и почему-то, обращаясь только к женщинам, сказал:

— Благословите меня, женщины...

И от этих слов защемило материнское сердце.

И вот теперь никто не может и не хочет поверить в его смерть.

И всю длинную дорогу от дома, от Сызрани — на

тесных, забитых железнодорожных вокзалах, в стеклянных этажерках аэропортов — она вспоминала его лицо, руки, широкую, добрую улыбку, ругала своих взрослых сыновей, уже женатых и родивших своих детей,— Гену, мастера цеха на стеклозаводе, и длинного, красивого баскетболиста Володю, стекловара на том же заводе,— за то, что они не любили писать ему писем и не писали, несмотря на его отчаянные просьбы. Теперь оба брата кляли себя за обычную свою лень. Гена повторял: «Кто же знал, кто же мог предполагать... Лучше бы уж меня... я хоть пожил, жизнь узнал, а он — что он еще знал о жизни?» Володя мучился, страдал, однако пытался не показывать виду, потому что рядом мать — ей вдвойне тяжелее. Но когда на пресс-конференции дошла его очередь рассказывать о брате, почувствовал, как к горлу подступил комок, и не смог говорить.

— Сильно он в армию хотел, а я жалела его, такого маленького. Кто, говорю, мне пособлять будет, ведь ты один у меня помощник... И ждали его с заставы...

Они уже считали дни до возвращения. Отец всегда находил работу возле дома: чинил покосившуюся крышу, мастерил курятник и, намахавшись за день рубанком, топором, глядя куда-то вдаль, задумчиво произносил:

— Х-ма... жисть-жестянка. Вот Мишка придет, вместе дом поднимать будем, да и сено косить вдвоем отправимся.

Мать вспоминала о Мише, как о живом, и бесхитростная жизнь его раскручивалась, точно кинолента, только все в ней было перемешано, словно механик перепутал части: прошлое, будущее, настоящее... Миша никогда ей не грубил, помогал мыть полы, колоть дрова, сено корове давал, зимой двор от снега чистил и любил простую крестьянскую работу. Наука ему не давалась, что русский, что арифметика, он с трудом дотянул до восьмого класса. Принесет из школы двойку — накричит она на него, отшлепает, он в слезы, и она ревет... А потом отец распорядился идти на завод. Мише по душе пришлась работа радиомонтера, завод, новые товарищи.

В армии ему тоже все сразу понравилось, но потом он стал жаловаться: «Тяжело, вся гимнастерка пóтом пропахла». И Мария Зиновьевна отписала ему, чтобы

он не выкидывал никаких фокусов и слушался своих командиров. «Терпи, мой сынок, а я мяты тебе вышлю, и весь пот твой с чаем выйдет». Она долго собирала в лесу траву, сушила ее и представляла, с какой радостью сын получит посылку с ее мятой, да только Мишенька-то вскоре написал, что мяты ему не надо, а лучше, если вышлет она ему кеды. Она любила, когда он подробно описывал, что они едят, на сколько он поправился.

А уж какой смирный он был да ласковый. Гена, старший, все драться его учил: мужчина за себя обязан постоять... Не любил он драк, избегал их, но и трусом никогда не был.

— Я учил их плавать,— говорит Гена,— Мишеньку и Вову. Заплывем на лодке на середину реки, я Мишку пинком — и он к берегу... Необыкновенная смелость... Когда постарше стали, выучились крепко держаться на воде, Миша всегда первым бросался в неизвестном месте в реку мерить дно. Как водолаз. Он был безобидный — никогда не ответит злом на зло.

4

Проснулся он, когда еще в небе над огромной пустыней стояли звезды, холодные, зеленые. Он тосковал по лесу, березкам, по густым травам... По дому он тосковал, по дочке... В голове складывались строчки стихов, он схватил блокнот, чтобы записать, пока они не забылись, не улетучились.

Мне бы вновь раскосые дороги
Да глоток воды из родника,
И письмо девчонки-недотроги,
Что так сердцу моему близка.
Мне бы снова вздыбленные ели
И березка в зареве реки,
Чтоб как раньше рыбаки сидели —
Грубые, смешные мужики...

Их подняли по тревоге. Валерий Кондаков не успел дописать стихотворение...

Бой был тяжелым. Валерий прицельным огнем прикрывал товарищей, штурмовавших Каменную высоту. Он волновался... Но огонь его был меток. Потом он опишет и этот бой, и смерть своего друга Миши, и Виталия Рязанова.

Зеленый цвет фуражек без чудес
Сквозь шквал огня взбирался на высоты.
И вырастали парни до небес,
И вмиг смолкали пулеметы...

...Выпускники Алма-Атинского пограничного училища с честью выдержали труднейшее испытание. Они по-прежнему служат на границе, оберегают священные рубежи нашей Отчизны, а значит, и нашу с вами жизнь. Училище может гордиться своими воспитанниками.

— Но мы не хотим, чтобы подобные провокации повторялись,— говорит майор Теребенков.— Пусть на земле всегда будут мир, счастье, любовь, пусть вечно будет жизнь!

НАВЕКИ В СТРОЮ

На плацу училища выстроились курсанты-пограничники. Послышалась команда: «Под знамя — смирно!» Строй замер. Оркестр заиграл марш. Чеканя шаг, прошли знаменосцы.

Моложавый генерал огласил приказ: «...в целях увековечения имени героя-пограничника зачислить старшего лейтенанта Маньковского Льва Константиновича в списки Высшего пограничного командного училища навечно».

Кто он, Лев Маньковский, чье имя в наше время удостоилось быть навечно занесенным в списки? Чем заслужил он такую славу?

...Большой актовый зал заполнен абитуриентами. С волнением ждут они того момента, когда комиссия объявит темы сочинений. Это первый экзамен при поступлении в училище. Среди абитуриентов не только воины-пограничники со знаками солдатской славы, не только юноши-производственники, но и самый «зеленый народ» — недавние школьники, десятиклассники. Правда, особняком держались местные ребята, направленные в училище по рекомендации пограничной военно-патриотической школы. В их числе — широкоплечий, опрятный внешне юноша. Чувствовалось по всему: он уверен в своих силах, к поступлению в училище относится серьезно. Слегка выпуклый лоб, спокойные глаза, крупный подбородок подчеркивали внутреннюю силу, волевой характер, уверенность в себе.

Служба на границе — давняя его мечта. Когда он впервые подумал о ней? За школьной партой или уже будучи токарем 1-го Московского государственного подшипникового завода? Лев Маньковский точно и сам не помнил. Знал только, что решение пришло сразу.

Однажды, когда страна отмечала сорокалетие пограничных войск, Лев вместе с одноклассниками пошел в парк культуры и отдыха имени Горького. На одной из открытых эстрад в тот вечер выступали ветераны пограничных войск знаменитый следопыт Никита Карацупа и молодые пограничники, на груди у которых поблескивали правительственные награды. Особенно поразил Леву рассказ совсем юного ефрейтора, который сбивчиво и не совсем складно говорил о том, как ему удалось задержать матерого врага. В момент поимки нарушителя этому парню было, наверное, легче и свободней, чем в момент выступления. Но суть рассказа для Маньковского оказалась незабываемой. Шло время, и он все чаще вспоминал ефрейтора и его товарищей в зеленых фуражках. Засидится над книгой или смотрит фильм о пограничниках, а мысли уже с его давними знакомыми.

...Мгновенно установившаяся тишина в зале вернула юношу к действительности. Председатель комиссии наконец-то объявил темы сочинений. Одна из них заставила Леву задуматься: «Почему я хочу быть офицером-пограничником?» Записав заголовок на чистый лист, Маньковский посерьезнел. С чего начать? Мысленно он снова и снова возвращался в Москву, к той памятной встрече у открытой эстрады и в Сокольники, где когда-то видел обломки самолета американского летчика-шпиона Пауэрса. Странными казались те события: мирное время и вдруг — черная тень.

Сам собой, будто невольно, на листке появился эпиграф: «Любимый город может спать спокойно». Как-то сразу Леве припомнились рассказы седовласого генерала-пограничника о попытках вражеских агентов нарушить мирный труд советских людей, о подвигах часовых Родины, которые несут службу и в знойных пустынях, и на снежных вершинах Памира и Тянь-Шаня, и на далеких тихоокеанских просторах. Написав об эпизоде с Пауэрсом, Маньковский выводит фразу: «То же ждет любого, кто посмеет нарушить наши государственные границы в любом месте — на суше, на воде и в воздухе...»

«Я хочу стать офицером-пограничником,— писал он в сочинении,— чтобы не дать врагу помешать нашим людям строить светлую жизнь. Я хочу, чтобы

люди мечтали о будущем, чтобы наши советские люди развивали науку, летали в космос, строили атомные корабли!»

У стола Маньковского остановился экзаменатор. Прочитав начало сочинения, он одобрительно кивнул абитуриенту. На душе стало легче и спокойнее: значит — на верном пути. Перо выводит одну фразу за другой: «Пограничники находятся на переднем рубеже. Пограничник — человек с чистой совестью, честный, неподкупный, бесстрашный. Советские пограничники покрыли себя неувядаемой славой... На смену отцам на границу приходят сыновья, воспитанные в духе интернационализма, верности Родине. В пограничные войска направляют лучших. Не все удостаиваются высокий чести охранять мирный созидательный труд миллионов людей. Вот почему я хочу стать офицером».

Закончив предложение, Лева на минуту задумался. Не все знакомые и друзья одобрили его выбор. Отыскались даже шутники: вот, мол, нашел где комфорт искать. А он и не помышлял о комфорте, не искал райских мест на земле. Именно поэтому появились в сочинении строки, от которых он никогда не откажется: «Я хочу всегда быть на переднем крае борьбы за мирный созидательный труд, за счастье людей. Я хочу быть достойным защитником жизни и счастья советских людей».

В числе других счастливчиков Льва Маньковского зачислили в училище. Незаметно пролетели годы учебы. Когда пришла пора расставания, Лева загрустил. И было от чего. Уж больно полюбилась ему красавица Алма-Ата, ее приветливый народ. Вспомнились пионеры 30-й и 46-й школ, с которыми так сдружился курсант-пограничник. С каким нетерпением ждали ребята своего вожака! Он всегда ходил к ним с интересными новостями, знакомил их с устройством автомата, проводил увлекательные игры с задержанием «нарушителя», а то и просто занимательно рассказывал о жизни пограничников. И как рассказывал! Заслушаешься. А ему смешно было, когда пионеры обращались к нему, называя дядей Левой.

... Настороженно встретила граница молодых офицеров. Суровый таежный край наложил свой отпечаток на характеры людей. Тем более, что обстановка

здесь с каждым днем становилась все сложнее. Лейтенант Маньковский сразу же почувствовал это. Вступая в должность заместителя начальника заставы по политической части, Лев, если говорить откровенно, волновался: как-то примет его личный состав? Рабочая закалка, полученная на подшипниковом заводе, и особенно годы учебы в училище помогли молодому офицеру быстро сориентироваться в новой обстановке, найти общий язык с боевыми товарищами. Пригодилось буквально все — и полученные знания, и умение владеть оружием. Интересно и увлекательно проводил он вечера вопросов и ответов, Ленинские чтения, викторины. На заставе не было места скуке и унынию. В старшем лейтенанте каждый видел не только строгого офицера, но и чуткого, отзывчивого человека, не жалевшего ни сил, ни времени для других. В любое дело Лев Константинович вкладывал частицу себя и бывал безмерно рад, если его замысел достигал цели, находил отзыв и поддержку у товарищей по службе. Увлеченный работой, он нередко забывал о еде и отдыхе. И тогда кто-нибудь из солдат напоминал ему, что обед давно ждет командира. Одним словом, на заставе Маньковский стал своим человеком. Его одинаково уважали и любили все солдаты и офицеры на участке.

Он и не заметил, как пролетели первые годы службы, но зато почувствовал, как много дали они ему, насколько обогатили его как политработника. Он окреп, возмужал, подтянулся.

...В тот вечер все свободные от службы пограничники находились в ленинской комнате. Младший сержант Конгуров и сержант Гавриков увлеченно играли в шахматы, старший лейтенант Маньковский с группой солдат беседовал о событиях, происходящих в мире, многие писали письма домой или читали свежие газеты и журналы. Потом внимание большинства привлек голубой экран: по телевидению передавали концерт по заявкам пограничников. В комнате звучали слова всем полюбившейся на заставе песни: «Тихо на границе, но не верьте этой тишине...»

Неожиданно дежурный объявил тревогу. Ленинская комната вмиг опустела. Одиноко светился экран телевизора. Через несколько минут старший лейтенант докладывал о готовности заставы.

Заняв северную часть острова Даманский, пограничники выслали разведку во главе со старшим лейтенантом Маньковским. С поставленной задачей его группа успешно справилась. Нарушителей границы обнаружили за естественным валом. Однако точно определить их силы было невозможно. Командир принял решение внезапно открыть огонь, чтобы выявить огневые точки противника. Расчет оправдал себя: лазутчики пуль не жалели. Выяснив обстановку, разведчики вышли из-под огня.

Силы неприятеля оказались значительными, однако пограничники не отступили. Сосредоточив огонь по вражеским цепям, они сами перешли в атаку. Лев Маньковский, находясь на головном бронетранспортере, внимательно следил за ходом боя. В тот момент ему вспомнились учения в каройских степях под Алма-Атой. Между прочим, и тогда «противник» численно превосходил силы пограничников. Но там все было условно, никому не грозила смерть, а рядом находились наставники и воспитатели. В трудную минуту «боя» они помогали найти правильное решение.

Неожиданно Маньковский увидел впереди еще одну группу нарушителей границы. Вспомнился маневр на учениях. Если применить его? Маньковский вместе с небольшой группой пограничников вышел во фланг цепи и открыл убийственный огонь.

Порядки наступающих дрогнули, смешались, солдаты противника побежали за кордон. Воспользовавшись их замешательством, Маньковский приказал погрузить на бронетранспортер раненых пограничников, а сам остался прикрывать их отход.

Нестерпимо болела рана, полученная еще в первые минуты боя, мутилось сознание, однако чувство ответственности перед заставой, перед товарищами по оружию придавало силы. Выбрав удобную позицию, Лев Константинович внимательно наблюдал за ходом событий, умело корректировал огонь по врагу.

А память перенесла Льва в родное училище. Он будто и сейчас испытывал прежнее волнение, словно и теперь ждал вызова к кумачовому столу, за которым вручали текст воинской присяги...

Лев четким шагом вышел вперед.

— Я, гражданин Союза Советских Социалистиче-

ских Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...

Последние слова присяги Лев Маньковский произнес с особой торжественностью и подъемом:

— Если я нарушу эту торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского народа, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

И еще вспомнилось ласковое и настороженное лицо матери, которая незаметно утирала слезы, и наказ отца верно служить Родине, его крепкое рукопожатие.

...Снова на опушку рощи высыпала группа нарушителей границы. Подбадривая друг друга выкриками, они бежали по нашей земле, беспорядочно стреляя на ходу. Тщательно прицеливаясь, Маньковский короткими очередями метко поражал врагов. Оглянувшись, он увидел, как бронетранспортер, покачиваясь с боку на бок, скрылся за валом. «Значит, нашим раненым,— подумал он,— не грозит опасность».

Крепко сжимая автомат, Лев дал по врагу еще несколько очередей и внезапно почувствовал, как его тело пронзили острые огненные стрелы. Безжизненно опустилась голова...

Весть о гибели Маньковского с огромной горечью восприняли на заставе, быстро она дошла и до 1-го Государственного подшипникового завода и Высшего пограничного командного училища. Никому не хотелось верить, что из жизни ушел такой замечательный человек, не проживший и трех десятков лет.

В честь земляков-героев, погибших в годы Великой Отечественной войны, у входа на завод сооружен памятник — скорбящая женщина, прижавшая к груди знамя. Рядом — две огромные гранитные полированные плиты. На них высечены фамилии тех, кто отдал свою жизнь за Родину. К большому списку прибавилась еще одна фамилия — Маньковского Льва Константиновича, токаря инструментального цеха, офицера-пограничника, коммуниста.

ФАМИЛЬНАЯ МЕЧТА

Юношеское откровение. Детство его прошло в небольшом пограничном поселке. Даже дом, в котором он жил, находился рядом с солдатской казармой, столовой и садом. Всякий раз, когда мать Стасика Елизавета Ивановна открывала утром окно, в комнату через легкие занавески вместе со свежим ветерком обычно врывалась хорошо знакомая армейская песня:

...Поют гудки фабричные,
Страны советской мирный труд
На всех заставах берегут
Солдаты пограничные!

Это четким шагом шли на политзанятия пограничники — люди подтянутые, стройные, уважающие дисциплину. Стасик всегда провожал их взглядом. Случалось и так, что он стремглав выбегал из дома, пристраивался к воинам, входил в класс и усаживался за последний стол. Солдаты помалкивали, а командир, видимо, не замечал его. Однако мальчонке становилось скучно: взрослые занимались неинтересными делами: читали, писали, говорили о чем-то своем.

Иное дело, когда пограничники вели коней на водопой. Солдаты без боязни сажали парнишку на рысака. С гордым видом Стасик скакал до речки и обратно. Карие глаза от радости прищуривались, делались озорными, веселыми, с лица не сходила блаженная улыбка. Поселковые ребята с завистью смотрели на Стасика, особенно на его зеленую фуражку — подарок одного из пограничников. Да и другая «вольность» не могла остаться не замеченной: когда Стасик в часы отдыха заходил в солдатскую казарму, где на табуретках, у коек, аккуратно сложены гимнастерки

и шаровары, а под синими одеялами спали пограничники.

— Что, дрыхнут? Умаялись, да? — вполголоса и деловито интересовался Стасик у дневального,— так спрашивала иногда мать у самого Стасика.— А стрелять завтра будете? Мне бы немного гильз...

Вечерами Стасик старался попасть в клуб, где часто крутили фильмы о пограничниках. Он уже несколько раз смотрел «Джульбарса» и «Тринадцать», знал их наизусть, однако не отказался бы и от новой встречи с любимыми героями.

После восьмилетки парнишку определили в школьный интернат пограничного округа. Здесь он подружился с Володей Ефремовым, Толей Калицким, Володей Стеценко, Тулешем Досмагамбетовым, Валей Нещадым, другими сверстниками.

— Кем твой папа? — обычный вопрос.

— Начальником заставы.

— А твой?

— С фронта не вернулся.

— А мой — старшина, медалью награжден.

В интернате дети занимались по обычной школьной программе. Но родительские заботы, дела, профессии накладывали свой отпечаток на мальчишеские отношения, их интересы. Близость приграничья сказывалась в обиходном разговоре:

— Толя, решил задачу?

— Да.

— Правду говоришь?

— Честное пограничное.

Или:

— Драться больше не буду, даю слово.

— Обманываешь.

Тогда приводился самый веский аргумент:

— Честное пограничное, не буду...

Директор интерната, человек большой души, щедрого сердца, Николай Федорович Пивень был убежден: если воспитанник интерната давал честное пограничное, можно не сомневаться, оно будет выполнено. Эти магические слова у ребят приравнивались к клятве. Ну, а если встречались трудности, ребята бодро отвечали: «Ведь мы с границы!» Значит, никто не увильнет от неотложных дел.

Перед выпуском, естественно, говорили о будущей

профессии. Ведь аттестат зрелости — не только финиш десятилетки, но и старт самостоятельного пути в жизни. Получив аттестаты зрелости, выпускники друг друга спрашивали:

— Куда надумал, Анатолий?

— В Новосибирск, на физико-математический.

— А я на завод тяжелого машиностроения,— говорил Володя Ефремов. И сам спрашивал: — А ты, Станислав?

— В военное пограничное училище.

Одни одобряли его выбор, другие подзадоривали:

— Значит, снова распорядок, подъем, отбой...

— А служить будешь там, где Макар телят не пас?

— Может и там,— отвечал Станислав,— только забота эта моя, ясно?

Доброе начало. Станислав Лихарев стал курсантом пограничного училища. Как и многие другие его сверстники, он гордился тем, что выбрал именно это учебное заведение, чьи воспитанники вписали много ярких боевых страниц в героическую летопись пограничных войск. Они участвовали в обороне Москвы, других городов-героев, сражались в Заполярье и на Кавказе, отражали натиск гитлеровских орд на Курской дуге, многие дошли до Берлина.

Сокурсники — ребята самые разные. Не всем одинаково легко давалась учеба. Закалка и та сказывалась: кое-кто поначалу не мог даже ни разу подтянуться на перекладине, кто-то не умел плавать, а в первом походе так натер ногу, что практически отключался на время от дальнейших полевых занятий.

«Хватит ли меня на весь период учебы?» — с беспокойством спрашивал себя Станислав. Впрочем, кто о том не задумывается, если имеешь в виду самое главное — путевку в жизнь? Невольно он вспоминал время, когда мечтал об училище. Нет, он не намерен оступать от мечты. Учеба и учеба. Упорная и настойчивая. В классах, в поле, на стрельбище, на заставах. Как и другие, Станислав глубоко узучал технику, оружие, приобретал профессиональные навыки в действиях по розыску и задержанию нарушителей границы, по политическому воспитанию подчиненных. И в стенах училища курсанты выполняли боевую задачу: несли караульную службу, постигали солдатское и командирское мастерство.

Самый почетный пост — у Знамени училища. Сюда назначаются лучшие из лучших. Первым со своего курса часовым на этом посту был Лихарев. Несколько лет спустя Станислав Иванович скажет:

— Тот пост запомнился на всю жизнь.

Курсантам особенно нравилась стажировка на практике — в войсках. Будучи на заставах, они закрепляли свои теоретические знания, знакомились с практикой организации пограничной службы, проводили работу и среди местного населения. Естественно, каждый стажер стремился оставить о себе на заставах добрую память.

Курсант Лихарев проводил стажировку на южной границе. Высокогорная застава, куда приехал Станислав, находилась на отметке выше трех километров над уровнем моря. Очередной раз он нес как-то службу на наблюдательной вышке. Зыбкая пелена полудождя-полутумана мешала обзору участка. Она почти скрывала лабиринт ущелий, накатывалась на бесконечную цепь гор, почти скрывала дорогу, ведущую к поселку.

Напрягая зрение, Станислав приник к окулярам бинокля.

Он «прощупывал» взором каждый кустик, выступы уже знакомых скал, каждую низинку: всюду мог притаиться нарушитель. Показались трое неизвестных. В окуляры курсант их видел отчетливо. «Наверное, колхозники с работы возвращаются»,— отметил про себя, но тут же насторожился: «Странно, почему же они не по дороге, а стороной едут, поближе к ущелью? Может, избегают встречных?..»

О своих подозрениях Лихарев доложил на заставу. Как раз был конец смены. Оставив вышку, курсант включился в поисковую группу. Прочесывать местность в здешних условиях — дело не из легких. Буквально за несколько минут гимнастерки у пограничников намокли, сапоги отяжелели. Как назло подул встречный порывистый ветер. Но шли не зря: часа через три пограничники обнаружили притаившихся незнакомцев. Ими оказались контрабандисты. Расчет на непогоду не оправдал надежд нарушителей границы.

На стажировке курсант Лихарев инициативно, с желанием нес службу и в других видах пограничных

нарядов. Даже бывалые воины отметили хорошие его знания по следопытству. Начальник заставы доверил Станиславу проводить боевой расчет, высылать и инструктировать наряды, составлять планы охраны на сутки, вести книгу пограничной службы. Стажер есть стажер, однако чувствовалось: сержанты и солдаты заставы прониклись уважением к будущему офицеру, а кое-кто стал даже подражать ему.

Командир части, провожая курсантов в училище, отметил их старание и трудолюбие.

— А ты, братец, закончишь учебу,— дружелюбно улыбнулся офицер, обращаясь к Лихареву,— просись в нашу часть. Командир из тебя получится настоящий. Договорились?

— Спасибо, товарищ полковник!— ответил курсант.— Обязательно приеду!

О служебной характеристике, которую написал начальник заставы, где Станислав стажировался, можно было только мечтать. В ней отмечалось: «Курсант Лихарев С. И. несколько дней командовал заставой, политические занятия проводил грамотно, доходчиво и интересно. На организационные мероприятия пограничники шли с большой охотой... Лихарев выступал застрельщиком спортивно-массовой работы, оставил о себе наилучшее впечатление. На службе подавал пример бдительности, бодрости и выносливости. Желал бы иметь такого заместителя...»

Друзья поздравили его с первым успехом. Станислав, конечно, был рад и все же не умолчал в ту минуту о том, что его занимало:

— А нам, ребята, еще многое предстоит узнать. Ой, как много!

Лихарев отлично учился и активно участвовал в общественной работе училища. По инициативе комсомольской организации его матери было отправлено письмо, в котором сообщалось об успехах ее сына. Елизавета Ивановна не замедлила с ответом.

«Дорогие и уважаемые товарищи!— писала она.— Я, мать вашего воспитанника Лихарева Станислава, выражаю сердечную благодарность за письмо, в котором вы сообщаете об учебе и поведении моего сына в училище. Я безмерно счастлива, что мой сын по велению своего сердца служит Советской Отчизне, добросовестно учится. Ваше письмо, дорогие друзья, придало

еще больше сил в моей работе. Спасибо вам! Еще бдительнее берегите наш труд, наше счастье».

В комнате истории училища на видном месте установлена доска Почета, на ней золотыми буквами фамилии тех курсантов, которые от первого до последнего дня занятий в этом учебном заведении имели только отличные оценки. Там значится и Станислав Иванович Лихарев.

Мечта сбылась! Как отличнику учебы ему давалось право выбора места будущей службы. Кое-кто из ребят подшучивал дружелюбно: «Тебе-то что, и на Черное море махнуть можешь. Все рядышком — и пляж, и граница».

— А я, хлопцы, уже выбрал,— стараясь унять волнение, ответил лейтенант Лихарев,— дальняя застава Восточного пограничного.

— Ясно. Туда, где проходил стажировку?

— Именно туда. А о море с пляжами постараюсь вспомнить с первым же отпуском.

Разговор в кабинете начальника войск был коротким:

— Как самочувствие?

— Хорошее, товарищ генерал.

— С желанием на заставу?

— С большим, товарищ генерал.

— Ну, а как с девушкой Людмилой, с которой дружил?

Добродушное лицо лейтенанта поначалу вытянулось: откуда было знать начальнику войск о его личных делах? Слегка покраснел, однако, придя в себя, доложил:

— Женился, товарищ генерал. На заставу вдвоем едем.

— Что ж, поздравляю, желаю большого счастья,— начальник войск пожал молодому офицеру руку.— Об остальном поговорим на заставе, ждите, скоро буду у вас.

На заставу его направили замполитом. Ехал лейтенант к месту службы и, признаться, волновался. «Как-то оно будет? Справлюсь ли?» Профессионального стажа практически нет, однако Лихарев знает точно: граница не любит слабых, она берет челевека целиком. Не раз в пути приходили на память слова

опытного курсового офицера Вячеслава Васильевича Ярлыченко:

— Любую профессию можно выбрать — механизатора, слесаря, строителя. Можно, конечно, и ошибиться. А вот пограничником — нужно родиться. Рождаются же поэтами, художниками...

Верно, без призвания не обойтись. А напутствие в политотделе округа?

— Вы теперь политический воспитатель,— сказали ему,— наставник солдат и сержантов, старший товарищ, коммунист. Надеемся, станете для всех примером.

Разговор с самим собой. «Встретили на границе хорошо,— записал в своем дневнике Лихарев.— Майор Шубенко Михаил Петрович, начальник заставы, приветлив и внимателен ко мне, к Люде. Позаботился о нашем комфорте: выделенная для нас комната побелена, обставлена мебелью.

Чувствуется, Шубенко любит свое дело, знает до тонкостей. Кстати, мы с ним однокашники — он окончил то же училище, только у него теперь огромная практика. Сегодня же впервые переступил порог казармы. Волновался. Кто-то из отдыхающих, проснувшись, посмотрел на меня, ухмыльнулся. Показалось, даже иронически, мол, не лейтенант, а подросток».

Следующая запись из дневника: «Второй день на заставе. С чего начинать? Посмотрел конспекты: знакомство с людьми, участком границы, подготовка к политзанятиям, политическим информациям, планирование партийно-политической работы, наглядная агитация, соревнование, руководство партийной и комсомольской организациями... Все одинаково важное, все необходимо сделать. С чего же все-таки начинать?»

На следующей страничке дневника. «Ко мне обращался секретарь комсомольской организации ефрейтор Василий Миронов с просьбой помочь ему определить повестку дня для предстоящего собрания. Что порекомендовать? Людей на заставе знаю мало... Замечаю, тянет в канцелярию. Провел занятие — и туда. В училище было по-иному: всегда с людьми, а здесь, выходит, побаиваюсь идти к ним... Вечером Миронов вновь обратился с просьбой, как подготовить и провести молодежный диспут? Пришлось обратить-

ся за советом к начальнику заставы. Помог. Майор Шубенко, оказывается, все знает. Как стать таким, сколько для этого нужно времени?

...Рядовой Устинов дома рос без родителей, никогда не чувствовал настоящей семьи, дружеской поддержки. Надо, чтобы он это почувствовал на заставе...»

«Сегодня майор потребовал составить личный план работы. Пытался спорить: к чему, мол, лишняя писанина? Это же формализм! Потом, как выяснилось, начальник заставы был абсолютно прав.

...Политработа — орешек крепкий. Трудна она, но и увлекательна: все время с людьми. Рядовой Анатолий Бороненко — без отца. Мать у него передовик производства. Рядовой Козлов немного вспыльчив, пререкался со старшим наряда. Увлекается фантастикой. Сержант Виктор Вьюшков пишет стихи. Самостоятельный человек, знает службу как свои пять пальцев. Чуть ли не каждый день получает от девушки письма. Вьюшков сказал: «Любовь, товарищ лейтенант, понятие святое, оно делает человека сильным!.. Рядовой Тулеш Досмагамбетов просил достать учебник по искусству. Рисует — хоть в студию имени Грекова отправляй. Какие они все разные! Все больше убеждаюсь в том, что путь к чужому сердцу лежит через свое, именно через свое сердце».

«Искусство воспитания. О нем нам много говорили в училище. А все-таки как лучше построить беседу один на один с «неподдающимися?» Убеждаюсь, главное — опора на актив. Очень понравилось: рядовой Александр Алексеев в споре с солдатами сказал: «На заставе нет пустячных дел!» Сказано во время поливки цветов. Серьезный человек. На такого можно положиться».

«Наконец-то удалось вызвать рядового Николая Труфляка на откровенный разговор. Солдату казалось, к нему относятся предвзято, несправедливо. Обида и приводила его к разным проступкам. Поговорил откровенно. Чувствуется, задумался по-настоящему. Сегодня похвалил его за выступление в художественной самодеятельности, хорошо играет на гитаре. Помоему, воспрянул духом. Ночью проверял его на посту. Замечаний не было».

Страничка за страничкой К[illegible] — откровение молодого политработника. А главное — постепенно крепли навыки, умение. Где спотыкался — поправляли, поддерживали. Пограничные заботы, дела, жизнь стали его жизнью. Того же добивался Станислав и от других. Он даже не допускал мысли, что на заставе можно работать с прохладцей, чувствовать себя как бы сторонним наблюдателем. Может быть поэтому привлек его внимание рядовой Абдиль Султангазиев. Старшие нарядов отзывались о нем плохо: маскировкой пренебрегает. Закурить в наряде для него — пустяк. Лихарев посоветовался с майором Шубенко, решил проверить это сам. Он побывал с Султангазиевым во всех видах нарядов, приглядывался к нему, старался вызвать на откровенность.

В ленинской комнате как-то разговорились о книгах, любимых героях. Султангазиев усомнился, что подвиг возможен в привычной мирной жизни: «Нужна особая обстановка и такое, чего еще нигде не повторялось». Поспорили основательно. И все же Султангазиев признал, что и обычные солдатские будни порой незаметные, «такие, как все»,— тоже частица подвига.

О многом передумал Абдиль. Со временем стал ходить в наряды старшим: доверие окрылило его. Домой Абдиль уехал со знаками солдатской славы. Его радость разделял и Станислав.

— Как-никак, а со мной пришлось повозиться,— признался перед отъездом солдат.

Как-то рядовой Шакиров неточно выполнил отданное ему приказание. Лихарев рассердился, хотел солдата строго наказать.

— А вы выяснили обстоятельства дела?— спросил майор Шубенко.— Нет? Тогда зачем торопиться? Поговорите с Шакировым, с командиром отделения, разберитесь, как все было. А наказать всегда успеете. Кстати, у Шакирова недавно отец умер от старых фронтовых ран...

Станислав последовал совету начальника заставы. И верно, выяснилось, что в злонамеренном нарушении дисциплины Шакирова обвинить нельзя. Молодой политработник почувствовал, как много значит хорошо знать индивидуальные особенности пограничников заставы. «Поспешность — делу не помощник»,— сделал он для себя очередной вывод. А сколько их было,

есть и еще будет у него, политработника, таких выводов!

Граница экзаменует. Стояла поздняя осень. Ветер словно ножницами состригал последние желтые листья с тополей, бушевал в голых кустах акаций, свистел в проводах, провисших между казармой и наблюдательной вышкой.

— Вот что, Станислав,— сказал майор Шубенко замполиту.— Пришла пора моего отпуска. Остаешься за меня. Будут затруднения — советуйся со старшиной Васильевым, человек он опытный, на границе не первый год. Да и сам уже присмотрелся, знаешь, где, что, как. Словом, управляйся сам.

— Постараюсь,— только и ответил лейтенант.

Вскоре после отъезда майора в отпуск Лихарев и рядовой Доолаталы Джоробаев находились в наряде. Лошади, уставшие за ночь, осторожно ступали по извилистой дозорной тропе. В стороне с неумолчным шумом мчалась река. Занимался рассвет.

Перевалив невысокий хребет, наряд выбрался на равнину. Она была в больших черных заплатках от выгоревшей травы. В одном месте на сизом пепле Станислав заметил конный след. Лейтенант встретился с настороженным взглядом рядового. Все ясно без слов. Они повернули коней и пошли по едва различимому следу. Он вел их по степи весь день. Наконец-то впереди показалась чабанская юрта. Около нее привязанная за ствол карагача лошадь. «Вот он, виновник тревоги,— с облегчением подумал Лихарев.— Сколько зря проехали. Кони устали да и сами вымотались...»

Из юрты вышел знакомый чабан Абдулла Нурахметов.

— Амансызба!— по-казахски поздоровался Лихарев и тут же спросил:— Абеке, ты сегодня не был, случаем, на участке заставы?

— Нет, не был,— ответил чабан, и, уловив тревожные нотки в голосе лейтенанта, в свою очередь спросил:

— Что, след?

— Да, Абдулла, именно след, и главное — в направлении вашего поселка.

— Давай вместе посмотрим,— сказал чабан, вскакивая на лошадь.— Если что, так никто от нас не уйдет.

В пути конникам пришлось преодолеть несколько крутых подъемов и спусков. Вскоре на проселочной дороге наряд вместе с дружинниками задержал нарушителя.

На рассвете следующего дня застава вновь поднялась по тревоге: примчавшийся на коне сын табунщика сообщил, что на территории участка видел неизвестного.

— Остаетесь за меня, Владимир Михайлович,— садясь в машину, распорядился лейтенант Лихарев.— О нарушителе сообщите соседям.

— Есть!— четко ответил старшина-сверхсрочник и побежал в канцелярию.

В кузове уже находился старший сержант Анатолий Демьяненко с овчаркой Альфой. На ее счету четыре задержания, так что помощник надежный. Да и за Анатолия Демьяненко Лихарев был спокоен: солдаты между собой называли его Карацупой.

...Машина, легко качнувшись, остановилась. Из кузова первой выпрыгнула Альфа, за ней пограничники. Наряд внимательно изучал чужие следы, замеченные на обочине пересохшего арыка. Судя по всему, неизвестный направился в сторону районного центра.

Лейтенант Лихарев и инструктор Демьяненко едва поспевали за овчаркой. Долгое время след петлял среди кустарников, несколько раз выходил на большак, затем резко свернул в сторону старого кукурузного поля и... был потерян. Осматривая по все увеличивающемуся радиусу местность, Демьяненко наконец-то обнаружил его. Инструктор достал из кармана мерку, приложил ее к свежему отпечатку на земле, удивился:

— Товарищ лейтенант, след на три сантиметра короче того, что оставлен на берегу реки.

— Какая-то уловка, может, Альфа где-то сбилась и пошла по ложному следу?— усомнился Лихарев.

— Нет, такого с ней не случалось.

Наряд побежал через вспаханное поле, преодолел обрывистый овраг, обошел вокруг пустовавшей животноводческой фермы. На берегу небольшой бурной речушки утомленная Альфа, казалось, окончательно потеряла след. Демьяненко вместе с ней переправился на противоположный берег.

Альфа насторожилась и, еще сильнее натянув поводок, кинулась вперед. В кустах барбариса пограничники неожиданно увидели женщину. Одета она была, как все местные жительницы: в черный плюшевый жилет, на голове белый платок. При обыске у нее обнаружили карту района, компас и много денег. Выяснилось, что ее через речку и следовую полосу перенес мужчина. Вскоре с помощью овчарки задержали и его.

За умелую организацию службы и личное участие в задержании трех нарушителей командование наградило лейтенанта Лихарева медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». Когда Станислав вернулся из штаба, где ему вручили награду, пограничники заставы горячо поздравили молодого офицера с успехом. Замполит, признаться, волновался: для него не было радости больше, чем сознание того, что ты нужен людям, что твои боевые товарищи уважают и любят тебя, что твои заботы стали их заботами, казалось бы, личный праздник — их праздник.

Как-то проходя мимо комнаты, где солдаты чистили оружие, Лихарев случайно услышал такой разговор:

— Оказывается, наш лейтенант крутой закваски, не слабак.

— Человек училище окончил, а там, известно, закалку дают еще ту...

— Одним словом, с замполитом повезло: потихоньку-потихоньку, а в передовики выходим.

— Да и Москва тоже не сразу отстроилась.

— Шебутной он, конечно, но при таком мохом не зарастешь.

В комнату к солдатам, не выдержав, зашел замполит. Нить разговора прервалась. И тут, будто специально на выручку ребятам, с чемоданом вошел вернувшийся из отпуска рядовой Москаленко.

— Коля, друг!— кинулись к нему.— С приездом!

— Да погодите вы, дайте доложить лейтенанту.

Отпускник возбужденно стал рассказывать, какого высокого мнения о пограничниках там, «на гражданке».

— Прилетаю на небольшой аэродром, что неподалеку от Первомайска. У оградки стоят девушки, слышу, тихо говорят между собой: «Смотри, Таня,

пограничник. Аккуратный, стройный. Фуражка и погоны зеленые, к лицу ему». «Первый раз вижу пограничника,— отвечает Таня.— Видно, воспитывают хорошо их». Сажусь в автобус. Подаю кондуктору деньги. Смотрит на меня женщина с удивлением: «Что вы, с пограничников не берем. Таких людей я бы отдельно на экспрессе возила... Они ведь нашу землю берегут». Вот такого мнения о нас народ. Ценит, уважает. Спасибо вам, товарищ лейтенант. В этом и ваша заслуга.

Авторитет замполита рос в глазах даже «трудных», недоверчивых солдат. Конечно, и со Станиславом случались неудачи и просчеты. Но как-то само собой получалось, что в трудные минуты рядом с Лихаревым всегда оказывались старшие офицеры М. П. Шубенко, Н. А. Ильясов, Д. М. Колодько, А. И. Марков и другие умелые воспитатели, не раз помогавшие своими добрыми советами и делами.

«Без взаимовыручки, товарищеской поддержки на границе служить нельзя,— записано в замполитском дневнике.— Эти качества могут быть присущи только отличному здоровому коллективу, такому, как наша застава».

«До встречи, замполит!» Однажды, утром в канцелярии заставы раздался телефонный звонок.

— Майор Шубенко слушает.

— Добрый день, Михаил Петрович,— пробился хрипловатый басок в трубке. Звонил начальник политотдела отряда. После короткого диалога о делах на границе он сказал: — Есть распоряжение откомандировать лейтенанта Лихарева в другую часть.

Взаимное молчание.

— Как же так? — пытался возразить начальник заставы.— Я без него, как без рук... Лихарев хорошо вошел в курс дела, приобрел навыки, умение... Люди его полюбили...

— Вот поэтому и переводим его, Михаил Петрович. Лихарев будет комсомольским работником части. А на заставу пришлем новенького. Поможешь ему, поучишь. Опыта тебе не занимать.

Шубенко понял, что иного решения не будет. Жаловаться не стал, не в его это правилах. Потом, вздохнув, спросил:

— А новенького когда на заставе ждать?

— Не вздыхай, Михаил Петрович. Замполит скоро приедет. До училища он служил на границе, имеет спортивный разряд, играет на баяне, рисует. Ну, а остальное за тобой: лепи, обжигай, шлифуй, как Лихарева. Глядишь, и ряды отличных замполитов пополнятся.

Признаться, и Станислав, узнав об этом разговоре, впал было в уныние, Шубенко да и другие офицеры заставы поддержали его:

— Не унывай. Земля круглая, глядишь, еще свидимся где-нибудь на Н-ском участке государственной границы. До встречи, замполит!

...В записной книжке комсомольского работника Станислава Лихарева опять, одна за другой заполняются странички. Появляются новые факты, имена, названия молодежных вечеров, книг. Записи помогают восстановить в памяти события, что-то сравнить, подытожить, проанализировать.

«На Н-ской заставе комсомольцы готовят устный журнал на тему: «Заветам Ленина верны». Выехать. Помочь. Обязательно достать кинодокументы о жизни и революционной деятельности Ильича».

«Помочь секретарю комсомольской организации сержанту Д. Коновалову. Толк будет. На заставе коллектив отличный, живут дружно. Не чувствуется, что застава отдаленная».

«Именная застава. Комсомольский секретарь энергичный, рассудительный, смекалистый. Вчера отличился на службе: в ночном наряде задержал неизвестного. Секретарь заявил: «Застава ко Дню пограничника придет с отличными показателями». Оформляет документы в кандидаты партии».

«Комсомольцы-автомобилисты проводят вечер «Ты у сердца согрет, комсомольский билет». Приглашают ветерана-пограничника. Посоветовать, чтобы вечер начали с чтения эпизода, описанного в книге «Повесть о сыне» Е. Н. Кошевой. Этот отрывок нельзя читать без волнения:

«...Я начала собирать Олега в дорогу. И тут увидела: Олег достает свой комсомольский билет.

— Я возьму его с собой.

— Не надо, сынок! Если тебя поймают, билет станет твоим обвинителем. Доверься, как всегда, твоей матери. Я спрячу билет туда, откуда его никто, кроме нас с

тобой, не достанет, Олег». Он мне ответил: «Мама, я всю жизнь слушался тебя и всегда был благодарен за твои советы. Сейчас, прошу тебя, послушай ты меня. Подумай сама, какой из меня будет комсомолец, если я оставлю свой билет дома».

«Беседовал с комсомольцем тридцатых годов, ветераном-пограничником Назаровым. Помнит тот день, когда геройской смертью погиб, защищая границу, комсомолец Михаил Лучко. Обязательно организовать встречу ветерана с новым пополнением...»

В служебной характеристике на С. И. Лихарева, выданной ему при поступлении на учебу в Военно-политическую Академию имени В. И. Ленина, отмечено: «Отзывчивый, чуткий товарищ, умеющий и радость разделить, и ободрить в трудную минуту, хороший организатор, способный увлечь коллектив на большие дела... Знает нужды и запросы молодежи, всегда с открытым сердцем, живет интересами границы...»

Живет интересами границы. Очень удачно сказано по отношению к Лихареву. Окончив академию, он вернулся в родной Краснознаменный Восточный пограничный округ. Должность у него ответственная — помощник начальника политотдела округа по комсомолу. Когда речь заходит об образовании, Станислав Иванович не без гордости говорит:

— Две академии окончил.

Под второй он, конечно, подразумевает границу. Майор Лихарев член бюро Алма-Атинского обкома комсомола, член ЦК ЛКСМ Казахстана, делегат XVII съезда ВЛКСМ.

В семье Лихаревых два сына: Саша и Андрейка. Первому — двенадцать, второму — восемь лет. Хорошие ребята, послушные, показывают пример в учебе. Как-то в выходной день оба, запыхавшиеся, прибежали домой.

— Папа, а ты, оказывается, отличником был. Мы только что в комнату истории училища заходили, там нашу фамилию видели, золотыми буквами на большой доске написана.

— Да, это наша фамилия. Хочу, чтоб и вы так же учились.

— Стану большим — обязательно пойду в пограничное,— всегда при случае говорит Саша.— Только бы быстрее расти.

— И я пойду! — серьезно повторяет младший. — Хочу на границе с автоматом стоять. И в зеленой фуражке...

Похоже, так мечтал когда-то их отец.

А песенку, не раз слышанную в детстве, он любит и помнит, напевает иногда сыновьям... Небольшой пограничный поселок. Дом. Сад. В открытое окно через легкие занавески вместе со свежим ветерком врывается знакомое:

...Поют гудки фабричные,
Страны советский мирный труд
На всех заставах берегут
Солдаты пограничные!

«КАК ТАМ МОЯ ЗАСТАВА?»

Как услышу ту песню, всегда вспоминаю далекую, занесенную февральскими сугробами пограничную заставу. И непременно вспомню ее начальника — Вячеслава Исакова, не очень высокого, голубоглазого крепыша с тремя звездочками на погонах. Чуть-чуть озорного, с юношеской улыбкой на припухших губах, когда на его широких плечах усаживался шустрый сынишка, и не по годам серьезного и строгого, когда разговор заходил о прозе жизни — делах службы.

Несколько минут назад ушел в ночь пограничный наряд. Четко клацнули в морозной тиши предохранители автоматов, заскрипел под солдатскими сапогами снег...

До очередной смены на охрану границы еще есть время. Начальник заставы расслабил ремень, кинул в железную печку несколько поленьев дров и, набросив на плечи полушубок, взял гитару, вполголоса напел:

Я сегодня до зари встану,
По широкому пройду полю.
Что-то с памятью моей сталось,
Все, что было не со мной, помню...

За окном непроглядная темень, где-то рядом периодически раздавались монотонные щелчки сигнализационного прибора да иногда слышался глухой, простуженный голос дежурного по заставе: пограничные наряды докладывали о прибытии к месту службы. Здесь, у жаркой печурки, я вдруг забыл обо всем на свете. Я видел лишь в ярком пляшущем свете, льющемся из открытых дверец печки, чуть задумчивое, выразительное лицо Вячеслава. Я жил его песней.

Песня как песня. Не раз слышал ее и раньше, но тогда на далекой пограничной заставе, затерявшейся в широкой заснеженной степи, мелодия и слова о погибшем парне словно приобрели иные краски. Напевая, старший лейтенант, возможно, вспоминал в те минуты дорогого для себя человека, которого знал мало, но о котором помнил всегда, где бы ни находился. Помню, с какой гордостью он рассказывал мне о родном брате отца, своем дяде Петре Михайловиче Исакове, Герое Советского Союза. Дядя по годам был моложе, чем сейчас Вячеслав, но так много успел сделать.

— О нашей Алексеевке,— говорил мне Вячеслав,— вы, конечно, слышали. Это один из райцентров Целиноградской области. Так вот, учтите, этот городок, помимо Петра Исакова, дал еще двух Героев Советского Союза. Один из них — Сагадат Кожахметович Нурмагамбетов. Свое имя он прославил на Магнушевском плацдарме у Вислы. Пулеметная рота, которой командовал Нурмагамбетов, в неравном бою с фашистами уничтожила несколько танков и двенадцать огневых точек противника, а сам капитан Сагадат Кожахметович из станкового пулемета поразил в том бою несколько десятков немецких солдат и офицеров. Плацдарм на левом берегу небольшой речушки Пилицы был удержан до прихода наших войск.

Сейчас Герой Советского Союза генерал-лейтенант Нурмагамбетов служит в Среднеазиатском военном округе. Его портрет висит в школе, которую закончил и Вячеслав Исаков.

Из той же Алексеевки ушел на службу в пограничные войска Гавриил Федорович Кирдищев. Начальник одной из погранзастав коммунист Кирдищев совершил свой боевой подвиг неподалеку от белорусской деревни Рудницы. На том месте сейчас высится обелиск в честь героя-пограничника.

— Мой дядя пошел на фронт девятнадцатилетним парнем,— рассказывал Вячеслав.— Из Алексеевки сразу в Сталинград. Молод, а испытание выдержал. Был дважды ранен. Из солдатского письма узнали, что за мужество и героизм в большом сражении гвардии сержант Петр Исаков награжден орденом, а вскоре стал офицером.

Однополчане-земляки с уважением говорили о Петре, восхищались его храбростью и находчивостью.

Случилось, например, так, что подразделение Исакова оказалось в очень трудном положении. Гитлеровцам удалось подбить танк, на котором десантировались наши бойцы. Фашисты окружили оставшихся в живых смельчаков. Десантники бились до последнего патрона. Чудом уцелел в том бою Петр Исаков. В своем последнем письме — было это в начале 1945 года — писал, что командует стрелковой ротой 142 й гвардейской Нижне-Днепровской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии.

Когда Слава Исаков пошел в первый класс Алексеевской средней школы, там еще не был установлен бюст Героя Советского Союза Петра Михайловича Исакова. Никто из алексеевцев еще не слышал подробностей о подвиге своего земляка. Знали только, что погиб он геройской смертью, освобождая Польшу от фашистских захватчиков.

Шли годы, все дальше и дальше отделяли они страшное время войны. Виктор Михайлович, отец Славы, также бывший фронтовик, часто рассказывал о родном брате, однако в ответ на вопрос «Как и где сражался дядя Петя?» лишь пожимал плечами.

— Понимаешь, мы воевали на разных фронтах...

Однажды вечером Слава вырвал из школьной тетради листок и, никому не сказав ни слова, написал письмо Маршалу Г. К. Жукову.

«...Я учусь в четвертом классе и уже мечтаю о том времени, когда пойду в армию. Я очень хочу стать офицером, таким, как мой дядя Петя — Герой Советского Союза П. И. Исаков. Помогите мне разыскать людей, с которыми дядя воевал, чтобы они рассказали, как совершил он свой подвиг».

После уроков мальчишка бежал домой и первым делом заглядывал в почтовый ящик: нет ли письма? Он не допускал мысли, что ему не ответят. И не ошибся. Конверт с ответом из Москвы ему вручили прямо в школе. По просьбе мальчишек и девчонок из класса Слава читал письмо вслух, стоя у доски. По-взрослому молча слушали ребята каждое слово о подвиге своего земляка.

«Тот памятный бой,— говорилось в письме,— начался 14 января 1945 года. После сильной артиллерийской подготовки части первого эшелона Восьмой гвардейской армии с криком «ура» ринулись в атаку на

врага. Впереди — бойцы старшего лейтенанта Петра Исакова. Казалось, уже ничто не могло остановить порыв наступающих.

Столько было ярости и гнева в их глазах, а руки так крепко сжимали оружие, что даже свинцовая метель не в силах была остановить гвардейцев. Они знали: впереди Висла, за ней — дорога на Берлин.

Только за один боевой день рота Исакова овладела четырьмя траншеями и преодолела первоначальные заграждения. Несколько десятков фашистских солдат и офицеров были уничтожены бойцами под командованием старшего лейтенанта Исакова. Неожиданно перед высотой, отмеченной на командирской карте 158,1, наши солдаты были вынуждены залечь. Минометные и пулеметные гнезда врага своим сильным огнем не давали поднять голову не только роте Исакова, но и задержали продвижение всего полка. Овладеть высотой и открыть дорогу вперед взялся со своей ротой Петр Исаков.

Двум своим взводам он дал приказ активно сковать живую силу и огневые средства противника, и в то же время вместе с третьим взводом просочился в боевые порядки фашистов и ударил с тыла. Петр Исаков и его боевые товарищи гранатами подорвали несколько самоходных орудий, а затем автоматным огнем уничтожили больше роты фашистов.

Высота была взята. Исаковцы с боем двинулись дальше вперед, но теперь уже без своего командира. В жестоком бою за высоту 158,1 он был смертельно ранен.

Похоронен старший лейтенант Исаков П. М. у деревни Станишубка...»

На всю жизнь врезалось в память и это: ноябрьский порывистый ветер треплет Красное знамя у скромного и строгого обелиска. И торжественные слова присяги:

— Я, Вячеслав Исаков, клянусь оправдать высокое звание комсомольца, брать пример с героев...

Он и тогда помнил о своем дяде: юное безусое лицо, внимательные глаза. Бюст героя установлен перед школой, а портрет в ряду с другими висит в просторном школьном коридоре.

И даже тогда, когда Вячеслав уже после десятилетки учился в Алма-Атинском Высшем командном пограничном училище, каждые каникулы он приезжал

домой. Первым делом шел сюда, к школьной аллее героев. Чуть позже приезжал сюда с Галиной, невысокой застенчивой девушкой, ставшей его женой. А теперь, когда удается, вместе с ними здесь бывают Аленка и Дима, их дети, уроженцы одной из пограничных застав.

Вячеслав Исаков закончил училище круглым отличником. Как активист комсомола, неоднократный победитель конкурсов художественной самодеятельности, он имел право выбора места будущей службы. Но не уютного уголка искал Вячеслав. Председателю экзаменационной комиссии, когда тот спросил, где бы хотел выпускник служить, Исаков коротко и деловито сказал:

— Прошу направить в Восточный пограничный. На самую трудную заставу.

Так лейтенант Исаков начал службу на Н-ской заставе Краснознаменного отряда, которая охраняла нелегкий участок государственной границы.

Конечно, пограничное училище дало Вячеславу многое. Основной записи в аттестации лейтенанта можно позавидовать: «Теорию организации пограничной службы на заставе усвоил на «отлично». Однако Исаков не самообольщался: на новом месте он сразу почувствовал, что не хватает еще командирского опыта, маловато практики. Он был благодарен судьбе за то, что возглавлял заставу опытный командир, умелый организатор службы, кстати, тоже выпускник Алма-Атинского пограничного училища офицер Василий Борисович Солодянкин. Он охотно, доброжелательно помогал своему заму, причем делал это ненавязчиво, с чувством большого такта и уважения. Его преданность службе, любовь к профессии и глубокая вера в людей, с которыми служит, создавали настрой постоянной высокой требовательности к себе и к подчиненным.

— Для нас с тобой, Вячеслав Викторович, мелких вопросов не существует. На границе все важно,— говорил Солодянкин своему заму.— Наверное, и сам уже не раз убедился, стоит допустить даже небольшую промашку, и она дает знать о себе.

— А в работе с людьми особенно,— соглашался Вячеслав.— Понимаю вашу мысль, Василий Борисович, и вполне разделяю точку зрения.

Как наставник солдат, как политический работник, Исаков чувствовал и понимал, что на заставе каждый пограничник ответствен за весь коллектив. А коллектив — не просто слово, самый настоящий, живой организм. От того, насколько он активен, здоров, действен, зависит общий успех. Неписаное правило, а сколько раз оно подтверждало свою жизненность. Нельзя быть снисходительным к мелочам.

Памятен случай с ефрейтором Николаем Мониным. Высокий русоволосый парень со смешинкой в глазах, он был на заставе любимцем. Всеми знаками солдатской доблести отмечен за службу. Командир части даже поощрил Монина краткосрочным отпуском на родину. Однако вернулся солдат из дома, и словно подменили парня. Начал заноситься, считать себя «старичком», мол, пусть теперь первогодки послужат, а мы свое «отпахали».

Как-то застава вышла на строевой плац. Обмундирование на всех поглажено, пряжки начищены — любо посмотреть. Все, кроме ефрейтора Монина. Он выделялся подчеркнутой небрежностью: гимнастерка мятая, а сапоги умудрился почистить только «с фасада».

«Не успел подготовиться или открытый вызов?» — подумал Вячеслав Исаков, внимательно наблюдая за поведением ефрейтора. Ошибиться теперь было трудно: с напускной небрежностью человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы, Монин выполнял строевые приемы. Лейтенант сделал ефрейтору замечание. Тот внимательно выслушал офицера и лихо откозырял: мол, понял. Но оказалось, ненадолго. Снова его шаг можно было назвать строевым лишь с большой натяжкой, условно.

В перерыве офицер подозвал Монина к себе:

— Еще в ходе занятий,— сказал он,— мне хотелось сделать вам замечание. Но и сейчас не поздно. Вы единственный во всем отделении солдат, который носит ефрейторские нашивки. Бесспорно, вы их заслужили. Признаюсь и в другом, слышал о вас много хорошего. Чем же объяснить теперь, что вы в конце своей службы подаете плохой пример молодым пограничникам?

Лейтенант говорил вполголоса, но так откровенно и искренне, что трудно было не заметить его беспокойства о судьбе человека, который ему не безразличен.

В конце разговора, как бы между прочим, Исаков спросил:

— Быть может, вам действительно трудно? Тогда придется подключить более сильного товарища, он вам поможет.

Николай Монин покраснел, но решительно и твердо ответил:

— Товарищ лейтенант, отлично все понимаю. Поверьте комсомольскому слову, говорить на эту тему со мной больше не придется. А за расхлябанность простите.

На том разговоре инцидент с Мониным был исчерпан. Вячеслав сделал все, чтобы наносное, бравадное настроение одного не передалось другим. В разговоре о святая святых — дисциплине не должно быть никаких недомолвок или неясностей. Исаков учитывал это в пору командирской зрелости, когда приходил опыт.

Однажды шла проверка. Застава в целом тянула на «отлично». Остались контрольные занятия по физической подготовке. На тренировке в спортивном городке лейтенант заметил, что рядовой Владимир Калинин обошел «коня». Еще один подход — и та же история. Исаков попросил объяснения. Солдат густо покраснел, смущенно пожал плечами:

— Не умею я, товарищ лейтенант. С «конем» у меня всегда нелады.

Заместитель начальника заставы после занятий побеседовал с командиром отделения. Выяснилось, что неделю назад рядовой Калинин ушибся на том же снаряде и теперь при случае старается увильнуть от «коня».

«Все ясно. Солдат не верит в свои силы,— отметил про себя лейтенант.— Необходимо ему помочь».

На заставе через некоторое время объявили о соревновании среди команд, которые выделяло каждое отделение. Отбирали самых ловких, сильных. Включили и рядового Калинина.

По условиям соревнования спортсменам предстояло пробежать двадцатиметровую дистанцию, перепрыгнуть через «коня», забраться вверх по канату, тем же путем после этого вернуться на исходную позицию. В случае, если хоть один из пограничников не преодолеет какое-либо из препятствий, команде засчитывалось поражение. Расчет у Исакова был прост: едва ли Вла-

димир Калинин отважится подвести свою команду. Он сделает все, чтобы побороть боязнь и успешно преодолеть все препятствия.

В спортгородок нагрянули все свободные от службы пограничники. Солдаты «болеют» за своих. Дошла очередь и до Калинина. Лейтенант Исаков наблюдал за ним, затаив дыхание. Кажется, он видел, чувствовал, как веснушчатый полнолицый парень борется с самим собой. Вот он в пути. Стремительный разбег, и Владимир перелетел через «коня». А заместителю начальника заставы показалось, будто сам он вместе с Калининым брал препятствие. Едва заметным движением лейтенант провел платком по взмокшему лбу. Значит, есть у солдата характер, а это — главное.

Помню, как в морозный вечер у пышащей жаром печурки лейтенант рассказывал о своих пограничниках. О каждом говорил с увлечением. Ведь все они в отдельности и вместе — частичка и его жизни. До увольнения в запас были его воспитанниками, свидетелями радостных и нелегких минут. А главное, Исаков рос и мужал вместе с ними. Он учил солдат не только метко стрелять из автоматов, умело маскироваться в дозорах, распознавать ухищрения нарушителей границы, читать следы птиц и зверей, разбираться в актуальных вопросах международной жизни, он воспитывал, а это основное, настоящих граждан, прививал им лучшие качества советских людей.

— Служба на границе дала мне многое,— коротко говорил о себе Вячеслав.

В комнате Боевой славы Краснознаменного отряда рядом с кавалерийской шашкой Григория Мезенцева, героически погибшего в схватке с белобандитами, и потертой планшеткой Алексея Романовского — Героя Советского Союза, находится не совсем обычный экспонат. Обыкновенная листовка. Общий заголовок: «Воинская доблесть лейтенанта Вячеслава Исакова».

В разговорах офицер об этой листовке не упоминает. Его понять можно. Но ведь и она — частица его жизни.

...То утро выдалось для заставы на редкость спокойным. Солнце едва поднялось над сопками, и часовому на вышке сразу стало веселей. Рассветная тишина словно сгустила степные запахи трав: воздух пряный, прозрачный.

Всю ночь провел в заботах и заместитель начальника заставы лейтенант Исаков. Как дежурный офицер, он периодически инструктировал и выпускал наряды на охрану границы. Ровно в 8.00 он доложил В. Солодянкину, что все спокойно. Капитан дружески похлопал Исакова по плечу:

— А теперь отдыхай, лейтенант. Сегодня до обеда беспокоить тебя не буду. Отсыпайся.

Вячеслав пришел домой. Дочурка еще спала. Вячеслав склонился над детской кроваткой и поцеловал Аленку. Поправил съехавшее одеяльце: «Опять вчера расцарапала коленки, егоза». Собрался уже было позавтракать, как в это время тревожно загудел зуммер телефона. Прозвучали только два слова:

— Боевая тревога!

Лейтенант мигом оказался на заставе. Здесь узнал: вооруженная группа неизвестных на сопредельной стороне нарушила государственную границу. Любопытным было то, что они не скрывали своих намерений: шли открыто, не таясь.

— Усильте бдительность и продолжайте вести наблюдение. Обо всем докладывайте немедленно!..— распорядился капитан Солодянкин.

Естественно, пограничный наряд был и так начеку. Пограничники видели, что пятеро вооруженных людей и не собирались менять свой маршрут. Старшина Николай Волков со своим напарником по наряду теперь уже отчетливо видел злобные выражения лиц нарушителей, их готовность пустить в ход оружие.

«Что это, психическая атака?» — мелькнуло в голове старшего наряда. Он даже высказал свое предположение по телефону начальнику заставы. Узнал, что сюда, к месту происшествия, направлена тревожная группа во главе с лейтенантом Исаковым.

Вячеслав действовал смело, решительно и хладнокровно. Об этом в листовке рассказывается так:

«Лейтенант Исаков, используя складки местности, незаметно приблизился со своими солдатами к обнаглевшим нарушителям. Каждому, кто входил в тревожную группу, были определены обязанности. Самые сильные и ловкие обезоруживают нарушителей, остальные прикрывают действия своих товарищей».

До той поры, пока непрошеные гости беспрепятственно шли по чужой земле, никого не встречая на пути,

они держались внешне довольно бодро и вызывающе. Однако напускная смелость вмиг улетучилась, как только они услышали решительное «Стой, руки вверх!» Быть может, нарушители и наделали бы шума, кто знает? Да только не успели они прийти в себя, когда перед ними словно из-под земли появился пограничный наряд. Остальное, как говорится, было делом техники. Все пятеро пришельцев под охраной вскоре очутились на заставе.

Все было рассчитано до секунды. Да и сама операция проведена без осечки, так, как задумано. В память о том дне у Вячеслава Исакова позолоченные наручные часы «Полет» с дарственной гравировкой на крышке: «В. Исакову за воинскую доблесть от командования войск округа».

И после того случая было немало тревог, задержанных нарушителей границы. Свидетельство тому — боевые награды молодого коммуниста. Безусловно, многому научился Исаков как офицер, возросли его опыт, профессиональное мастерство. Однако Вячеслав пережил немало горьких минут, когда узнал, что ему пришла пора провожать капитана Солодянкина на другой участок и принимать должность начальника заставы. Как-то не думалось раньше, что может возникнуть подобная ситуация. А вот возникла же!

Вглядываясь в усталое лицо супруга, Галина несколько наивно сказала ему:

— Может зря, Слава, отказался ты от должности начальника клуба. Ведь ты и петь, и плясать, и рисовать мастер. Ничего б тогда не изменилось, все было бы по-прежнему, как жили.

— Святая наивность,— улыбнулся в ответ Вячеслав.— В клубе ли дело? На границе, сама знаешь, что важнее. Да и не от наших прихотей зависит расстановка, где, кому и как хочется. Значит, так надо. Запомни, приказы не обсуждаются, а выполняются, ясно?

— Ясно, товарищ старший лейтенант,— ответила жена.

Оба по-юношески весело рассмеялись.

Когда становилось особенно трудно, подкрадывалась коварная мысль: «Может и вправду перейти служить в гарнизон? Ведь не сам напрашиваюсь, приглашают». В такие минуты он вспоминал отцовское —

«Умей собраться», а иногда доставал письмо с подвиге Петра Исакова, перечитывал его, и как-то делалось на душе легче, спокойнее.

Часто он возвращался с границы до того усталым, что казалось, сил осталось лишь чтобы добраться до койки. Засыпа́л моментально, едва коснувшись подушки. И сколько раз вскакивал, когда в телефонной трубке звучала команда:

— Застава, в ружье!

Он пулей вскакивал в газик и мчался к месту происшествия, забыв обо всем, выполняя свой командирский долг. Все-таки здорово сказал отец: «Умей собраться».

Их много, бесконечных ночей и дней без отдыха. Но как передать ту радость, когда на боевом расчете лучшие пограничники заставы выносят Почетное знамя Центрального Комитета ЛКСМ Казахстана. Это награда за бдительную службу и отличные показатели в боевой и политической подготовке. А сколько радости испытываешь, когда читаешь письма родителей солдат, а в них слова: «Спасибо Вам за воспитание сына».

— Честное слово, такие минуты — самая лучшая компенсация за все трудности, выпавшие на нашу долю,— убежденно говорит лейтенант Исаков. Подумав, неожиданно спросил: — А с чем сравнимо чувство, когда пожимаешь крепкую ладонь солдата, а в глазах его видишь гордость и радость выполненного долга?

Недавно я получил открытку из Москвы от слушателя Краснознаменной военной академии имени Фрунзе капитана Вячеслава Исакова. Размашистый почерк — о жизни в столице, об учебе в академии. А в конце письма о самом важном: «Как там моя застава? Соскучился я по границе, часто во сне вижу своих солдат. После учебы обязательно вернусь в наш округ. Родной Краснознаменный Восточный...»

Я знаю, эта открытка — откровение. А слово у Исакова — кремень. Будто и сейчас слышу его песню у железной печурки на далекой заставе:

> Я сегодня до зари встану,
> По широкому пройду полю.
> Что то с памятью моей сталось?
> Все, что было не со мной, помню...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Ровно в полдень по местному времени от небольшого поселка, расположенного на побережье Японского моря, и от такого же поселка, который находится в далекой Мурманской области, одновременно был дан старт Всесоюзной комсомольско-молодежной эстафете вдоль границ Советского Союза. Ее вымпел под девизом «Границу охраняет весь народ» через десятки тысяч километров должны были пронести лучшие воины-пограничники, молодые дружинники, члены отрядов «Юные друзья пограничников», комсомольские активисты походов по дорогам славы отцов.

Эстафета традиционная. Многие-многие километры преодолевают воины в зеленых фуражках с алыми лентами на груди. Пешком, на лошадях, в машинах, на катерах и самолетах несут они дорогие для каждого советского человека сувениры-реликвии — красный вымпел, боевые и трудовые рапорты. Кроме того, а это тоже традиция, они передают из рук в руки капсулы самых различных форм, в которых находится земля с мест, где совершили подвиги герои пограничных войск. Одна из надписей на таком сувенире запомнилась надолго:

За землю, славою овеянной Хасана,
За счастье над страной, за воды океана
Клянемся — стоять стеной,
Пока на всей планете
Не будет снят последний часовой.

На каждом этапе из рук в руки передается журнал прохождения Всесоюзной комсомольско-молодежной эстафеты. Первая запись, сделанная ребятами, сразу же вызвала восторг алмаатинцев, прочитавших журнальные строки:

— Владимир Зиминов? Так это ж, товарищи, наш земляк!

— Кстати, уроженец Алма-Аты. Выпускник Высшего командного пограничного училища. Ныне старший лейтенант. Член партии, замечательный человек. Такой никогда в беде не оставит.

Встретив взгляды слушавших его, пожилой майор-пограничник, будто ему не поверили на слово, подкре-

пил свою фразу о Владимире Зиминове лишь одним эпизодом из его жизни.

— Судите сами,— сказал он.— Будучи еще курсантом пограничного училища, Володя однажды узнал, что рядовой Николай Петров, чуваш по национальности, попал в беду. Чтобы спасти его, врачам потребовалось 2500 квадратных сантиметров кожи. В числе двенадцати других комсомольцев-пограничников дал согласие на хирургическую операцию и Володя Зиминов. Не знаю, каким образом об этом случае стало известно земляку Николая Петрова летчику-космонавту Андриану Николаеву, но он, узнав о солдатской товарищеской взаимовыручке, был чрезвычайно растроган. «Меня всегда восхищали мужество и братская дружба советских людей,— сказал космонавт.— Жить среди таких людей — большое счастье».

Едва ли Владимир Зиминов подозревал, что к нему будет проявлен такой интерес. Иначе бы смутился и удивленно сказал: «А что, собственно, произошло?» Обыкновенный, скромный парень, чуткий, душевный, обаятельный человек, он и сейчас на границе с большой ответственностью выполняет свой офицерский долг. И никто не усомнится в том, что Владимир в трудную минуту окажется там, где он всего нужнее, всегда придет на выручку своему товарищу.

Следующая журнальная запись — и вновь открытие: еще один выпускник училища, хорошо знакомый алмаатинцам. Игорь Кривомазов.

— Как не знать такого?— вновь вступает в разговор майор.— Пошел по стопам отца. Кривомазов-старший, скажу вам, прослужил на границе свыше двадцати лет. Считайте, ей отдал лучшие годы, теперь на часах сын. Чем не семейная профессия?

В эстафете участвуют лучшие из лучших. Механически в списки комсомольской эстафеты на заставах никого не вписывают. Это право необходимо заслужить, что и сделал недавний выпускник училища Игорь Кривомазов.

Эстафета — не только теплые, сердечные встречи и добрые напутствия. Без них, конечно, не обходится. Но сам многокилометровый маршрут испытывает пограничников на профессиональное мастерство и физическую подготовку. Кроме того, эстафетной группе дальневосточников, да и другим участникам, не раз

приходилось, хоть на короткое время менять свой путь. Случилось такое и с Николаем Дудкиным.

Пограничник обнаружил следы нарушителя. Он знал, что в эстафете ему дано определенное время — следующая группа ждет на указанном месте. Однако Николай знал и другое — на нашей территории нарушитель. Для Дудкина не стоял вопрос, как быть? Пограничник сделал все возможное, чтобы обезвредить врага, но и эстафету в пункт назначения доставил своевременно.

Воины Краснознаменного Восточного пограничного принимают эстафету в свои руки от дальневосточников в Красноярске. Этот город избран не случайно для торжественной встречи. Среди его индустриальных гигантов находится подшефный пограничным войскам алюминиевый завод. Ежегодно десятки демобилизованных воинов, сняв погоны, по путевкам комсомола едут сюда с застав, чтобы встать на трудовую вахту.

Предприятие строится и одновременно дает стране металл. Пограничниками освоены десятки мирных рабочих профессий, однако не забыта и армейская: у многих «стариков» и новичков стройки и завода рабочие спецовки дополняет зеленая фуражка. Вот почему завод алюминщиков и в шутку и всерьез называют филиалом пограничных застав.

А в годы традиционной эстафеты весь «филиал» живет встречей со своими боевыми друзьями. Все, кто трудится в цехах завода или на его стройках, включаются в соревнование за право стать обладателем Знамени пограничной славы. Каждая бригада демобилизованных воинов стремится стать победительницей боевой ударной вахты. Но однажды, а случилось это в канун приезда дальневосточников и казахстанцев, мужскую половину металлургов и алюминщиков охватило явное беспокойство. Возмутителем спокойствия стала только что вышедшая свежая «Молния», вывешенная на видном месте. По-телеграфному короткий, но выразительный текст лаконично сообщил о том, что наивысшей производительности труда в соревновании добилась на трудовой вахте женская бригада Екатерины Беловой. Правда, подобное случалось и раньше: переходящее Знамя Славы женщины уже завоевывали.

— Но сколько можно!? — взыграло мужское самолюбие. — Что скажут о нас на заставах, что подумают?

Честь «сильного пола» защитила в последние часы соревнования бригада кровельщиков Станислава Штукана, в недавнем прошлом пограничников. Выступая на митинге, который проводился в досрочно подготовленном к вводу в действие корпусе электролиза, Станислав до того разволновался, что свое приветствие участникам эстафеты, продуманное всей бригадой, выразил только одной фразой:

— Символ дружбы часовых Родины и строителей — Знамя пограничной славы — мы постараемся впредь никому не уступать!

Днем и ночью движутся вдоль границ родной страны участники эстафеты с красными вымпелами, на которых начертаны слова Л. И. Брежнева: «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено». Маршрут не минует таких священных для всех советских людей мест, как Волочаевская и Каменная сопки, озеро Хасан, памятник 26-ти бакинским комиссарам. Каждый город и маленькое село по-праздничному встречают участников комсомольско-молодежной эстафеты. Политорганы и комсомольские организации пограничных войск совместно с комитетами комсомола пограничных районов проводят торжественные встречи с ветеранами партии и комсомола, участниками революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Митинги и манифестации, военно-спортивные праздники, смотры работы добровольных народных дружин и отрядов юных друзей пограничников выливаются в большие празднества, в которых принимают участие тысячи людей от мала до велика. И почти на всем пути следования комсомольско-молодежной эстафеты встречаются выпускники Алма-Атинского Высшего командного пограничного училища — молодые и уже пожилые дзержинцы, готовые в любую минуту встать на защиту родной Отчизны.

В Москве, где обычно финиширует эстафета и завершается большой праздник советских людей, участники семидесятидневного похода рапортуют о том, что делают, чем гордятся.

— В больших городах и малых селениях, везде, где побывала эстафета,— звучат слова рапорта,— мы были свидетелями огромного политического и трудового подъема советского многонационального народа, мы

видели, как много построила и строит страна, как счастливо живут народы СССР.

...Где-то далеко на востоке загорается новый день Родины, а на других часовых поясах еще глубокая ночь. И советские люди спокойны, они знают, что на далеких заставах — на море ли, в горах или в пустынях — их жизнь, их труд охраняют самые бдительные люди — пограничники. Многие из них — наши земляки, дзержинцы.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЗЕРЖИНЦЫ

Автор-составитель А. Садыков

Авторы очерков

В. КОМИССАРЧУК,
В. КАЛИЦКИЙ,
Ю. КИСЛОВСКИЙ,
П. МЕДВИДЬ,
В. НИКИТИН,
Н. СИРНОВ,
Ю. ШАПОРЕВ,
Е. ШЕВЧЕНКО

Редактор *И. В. Филимонова.* Художественный редактор *К. Н. Турекулов.* Художник *Г. М. Горелов.* Технический редактор *Г. Г. Еркибаева.* Корректоры *Э. М. Тлеукулова, С. Х. Амирова.*

Сдано в набор 9/IV 1975 г. Подписано к печати 2/VII 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂—5,5=9,2 усл. п. л. (9,1 уч.-изд л.).

УГ04014. Тираж 233 000 экз. (2-й завод (100 001—133 000). Бум. № 1. Цена 42 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Заказ № 854. Фабрика книги Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров КазССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Алма-Ата пр. Гагарина, 93.

на
р.,
эв.
де-

42 к.